

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКИЙ.

1900.

№ 7.

АПРѢЛЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Приглашеніе къ пожертвованію	1—4
Книга Руевъ (экзегетическій очеркъ) (окончаніе). <i>Епископа Иннокентія</i>	371—384
Посланіе Господомъ Іисусомъ Христомъ двѣнадцати апоостоловъ на проповѣдь (окончаніе). <i>Ив. Перова</i>	385—402
Приготовленіе древняго міра къ принятію христіанства (продолженіе). <i>К. Г. Воблаго</i>	403—420
Мѣры правительства къ улучшенію состоянія духовенства въ царствованіе Императора НИКОЛАЯ I-го. <i>Свящ. Г. Кречетовича</i>	421—438
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКИЙ:	
Философія монизма (продолженіе). Профессора Харьковскаго Университета, <i>Прот. Г. Бутневича</i>	275—294
Естествонное Богопознаніе (продолженіе). Профессора <i>С. С. Глаголева</i>	295—320
III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе. Высочайшія награды.—Отъ Ховяйственнаго Управленія при Святейшемъ Синодѣ.—Записка о засѣданіяхъ Харьковскаго Миссіонерскаго Совѣта 18—20 августа п. г. съ участіемъ священниковъ изъ зараженныхъ сектантствомъ селеній (продолженіе). <i>В. Давыденко</i> .—Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 1899/00 уч. г. (продолженіе).—Объявленіе.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.	

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 17

1900.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный. Въ который входятъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноневъ и богослуженій, исторія Церкви, обзорніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ, все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнять для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія лавки, контора В. Гиляровскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 7 р. за каждый годъ; по 8 р. за 1890—1892 г., и по 9 р. за 1893—1896 годы.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 75 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Живое Слово“. Сочиненіе преосвященнаго Амвросія. Цѣна 50 к. съ перес.
2. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Brentano. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.
3. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.
4. Последнее сочиненіе графа Л. П. Толстого „Царствіе Воже вънутри васъ“. Бритическій разборъ. Цѣна съ пересылкою 60 коп.
5. „Царство, какъ причина раздѣленія Церквей, или Римъ въ своихъ сношеніяхъ съ Восточною Церковію“. Докторское сочиненіе о. Владимира Гатте. Переводъ съ французск. К. Истомина. Харьковъ. 1895. Ц. 1 р. съ перес.

ПРИГЛАШЕНІЕ КЪ ПОЖЕРТВОВАНІЮ.

1) Комитетъ по постройкѣ православнаго храма въ Нью-Йоркѣ обращается ко всѣмъ православнымъ русскимъ людямъ съ слѣдующимъ воззваніемъ.

„Откликнитесь, русскіе люди, на нашу великую нужду! Изъ Нью-Йорка, Сѣверной Америки, обращаемся мы съ этимъ призывомъ къ вашему братскому сердцу. Утѣшите своею любовью заброшенныхъ въ этотъ дальній край вашихъ единовѣрцевъ!

Нью-Йоркъ—второй въ мірѣ по населенію городъ. Гордо красуются на его лучшихъ улицахъ богатые инославные храмы,—при нихъ школы, больницы, пріюты. Кажется, нѣтъ на земномъ шарѣ ни одной инославной секты, ни одного толка, которые не имѣли бы здѣсь своего представительства. И французъ, и нѣмецъ, и англичанинъ, и еврей, и китаецъ, человѣкъ каждой вѣры и націи, найдетъ въ Нью-Йоркѣ молитвенный домъ, родной ему не только по духу его исповѣданія, но и по языку. Громко раздается здѣсь проповѣдь инославія, привлекая къ себѣ разноплеменныхъ и разновѣрныхъ гостей этой столицы Новаго Свѣта. Но ни въ этой проповѣди, ни въ этихъ храмахъ и сектахъ не найдетъ себѣ пищи жаждущее истины, а тѣмъ болѣе знающее ее, православное сердце: православнаго храма и пастыря ищетъ оно...

Много славянъ всевозможныхъ нарѣчій—переселенцевъ изъ Стараго Края—отыскали здѣсь себѣ дѣло, осѣлись, обратились въ семейства. Много среди нихъ православныхъ, единовѣрныхъ намъ, сербовъ и черногорцевъ. Много пришельцевъ изъ закордонной австрійской Руси; послѣдніе—въ большинствѣ „уніаты“.

Здѣсь, въ странѣ свободы религіозной совѣсти, не чувствуя надъ собой ненавистнаго латинскаго ига, рады разстаться они съ противной имъ кличкой, рады вернуться къ своей родной православной церкви, сынами которой были ихъ дѣды и прадѣды... Много переселенцевъ и изъ нашей Россіи, преимущественно изъ ея южныхъ и западныхъ губерній, проживаетъ въ Нью-Йоркѣ; некрасна та среда, въ которую, сразу же по прибытіи сюда, попадаютъ они: она полна искушеній религіозныхъ и соблазновъ моральныхъ; эта среда—не американцы; ихъ, не понимая языка новой страны, и не видитъ вовсе русскій простой человѣкъ; русскіе и польскіе отщепенцы, всего больше евреи,—его опекуны и въ Нью-Йоркѣ, а отъ этой опеки надо бѣжать...

Гдѣ же пища духовная для всѣхъ этихъ пришельцевъ? Въ чемъ поддержка, привѣтъ и призоръ для Нью-Йоркскихъ славянъ? Кто охранитъ въ душѣ нашихъ земляковъ невредимыми завѣты ихъ вѣры и родины? Кто воспитаетъ ихъ дальнѣйшія поколѣнія здѣсь въ православіи, въ любви къ родинѣ, языку и обычаямъ?.. Кто и что,—какъ не нашъ родной православный храмъ? Только въ немъ изольетъ православный человѣкъ свою душу, почерпнетъ уроки и благодатныя утѣшенія... Въ немъ одномъ постоянное и неразруσιμο-крѣпкое звѣно его союза съ далекой, но всегда безконечно дорогой его родиной...

И какую же высочайшую радость испытали здѣшніе православные, когда, послѣ долгихъ лѣтъ сиротства и томленья въ этой чуждой средѣ, имъ, по милости Державнаго Покровителя православія на всемъ земномъ шарѣ, былъ данъ православный священникъ, и небольшая комнатка въ частномъ помѣщеніи была приспособлена къ молитвеннымъ цѣлямъ. Сколько утѣхи почерпнули они въ этой маленькой церкви; сколько покаянныхъ вздоховъ вознесено было здѣсь къ Богу о мипувшихъ паденіяхъ, сколько возвратила она на истинный путь своихъ немощныхъ сыновъ, уже заблудшихъ было подъ окружающимъ гнетомъ! Сколько глубокаго интереса проявлено инославными иностранцами къ нашимъ святынямъ!.. Какъ осязательно свидѣтельствуется здѣсь въ постоянныхъ молитвахъ наша связь съ нашей родиной, съ нашимъ благодѣтелемъ—Государемъ!.. О, еслибы вы пережили хотя мысленно оцуще-

ніе оторваннаго отъ православнаго края,—иногда безъ надежды даже вернуться назадъ,—богомольнаго русскаго человѣка, молящагося въ своемъ родномъ храмѣ, еслибы видѣли вы его распростертаго предъ святыми иконами и плачущаго—плачущаго безъ конца, и какими слезами!—ваше сердце разомъ открылось бы на наши призывы... Не спѣшите тогда подавить въ себѣ ваше доброе чувство...

Тѣснота, скудость помѣщенія губитъ насъ, тормозитъ и давитъ наше святое дѣло, которому, между тѣмъ, надлежитъ еще много расти... Уже въ рядовыя службы не вмѣщаетъ наша церковь своихъ богомольцевъ, а что же въ дни Пасхи и Рождества Христова?.. Болѣзненно сжимается сердце, омрачается радость: за порогомъ церковнаго дома остаются нѣсколько сотъ человѣкъ,—изъ нихъ масса прибывшихъ сюда помолиться очень издалека. Съ горькимъ чувствомъ тѣснятъ они подлѣ церковнаго дома: только освѣщенные окна и слабо-слабо доносящіеся до нихъ изнутри праздничныя напѣвы служатъ имъ въ эти минуты привѣтомъ... А внутри церкви, отъ духоты, свѣчи гаснутъ и таютъ, богомольцы обмираютъ и стонутъ... Надо же поддержать это рвеніе и усердіе, надо же предотвратить ту, отчасти и теперь уже зараждающуюся въ нашей приходской жизни бѣду, когда болѣе немощные, боясь давки, перестанутъ пытаться даже проникнуть въ церковь, когда дѣтей станутъ оставлять дома, когда слабость побѣдитъ рвеніе... Какъ же расширять дѣло, какъ привлекать въ ограду овчюю „ины овцы, яже не суть отъ двора сего“, если и своимъ мѣста нѣтъ? Какъ повѣдать инославному посѣтителю о красотахъ нашей вѣры, нашего богослуженія, о набожности нашего русскаго православнаго человѣка, когда чувствуешь его мучительнѣйшій вопросъ: „Такъ ужели же стомилліонная православная Русь, столь богатая доброхотами, не могла до сихъ поръ воздвигнуть здѣсь своей православной церкви? Ужели же величайшее христіанское государство не найдетъ въ себѣ силы въ столицѣ Новаго Свѣта создать достойный своего величія и назначенія храмъ во славу исповѣдуемой имъ единственно истинной православной религіи?“..

Отвѣтите же, русскіе люди, на этотъ вопросъ! Не оскудѣла еще щедрая лепта православнаго даятеля, столько величествен-

ныхъ храмовъ выстроившая по лицу земли русской и далеко за предѣлами родного отечества! Растворите вашу душу уча-
стіемъ къ вашимъ далекимъ единовѣрцамъ. Приобщитесь къ
святому дѣлу созиданія здѣсь въ инославной странѣ, царства
Божія. Кто—сколько и чѣмъ можетъ—помогите: богатые отъ
избытка своего, бѣдные отъ скудости своей,—каждый по мѣрѣ
достоянія своего. Добрымъ словомъ расположите къ тому же и
вашихъ ближнихъ.

Начало дѣла уже благословилъ Господь. Отзывчивый на вся-
кое благое начинаніе, Державный Вождь земли русской изво-
лилъ выразить Свое сочувствіе нашей нуждѣ милостивымъ раз-
рѣшеніемъ Строительному Комитету производить повсемѣстный
въ Имперіи сборъ пожертвованій на построение храма въ Нью-
Йоркѣ и пожалованіемъ на сіе дѣло 5,000 рублей. Иныѣ мы
имѣемъ уже участокъ земли подъ предполагаемый храмъ, и
хотя только половина стоимости его упрочена, но и это много
бодрости вселяетъ въ сердце наше.

Горячо молимся,—да не посрамитъ Господь упованія нашего!

Пожертвованія могутъ быть направляемы въ Хозяйственное
Управленіе при Святѣйшемъ Синодѣ, для передачи въ строи-
тельный комитетъ, въ Нью-Йоркѣ.

Имѣющіе возможность посылать переводомъ Credit Lyonnais
могутъ адресовать непосредственно: New York, Russian Con-
sulate Generale, для передачи въ комитетъ по постройкѣ пра-
вославнаго храма.

Предсѣдатель комитета, настоятель русской церкви
въ Нью-Йоркѣ, священникъ *Александръ Хотовицкій*.

Непремѣнный членъ комитета, Россійскій Императорскій
генеральный консулъ д. с. с. *В. Тепловъ*.

Членъ комитета, священникъ *Илія Зотиковъ*.

Членъ комитета, церковный староста *Иванъ Сидоровичъ*.

Πίστει νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 15 Апрѣля 1900 года.

Цензоръ Протоіерей *Павелъ Солнцевъ.*

ЛИСТОКЪ

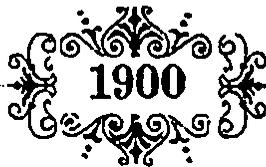
ДЛЯ

Харьковской Епархіи

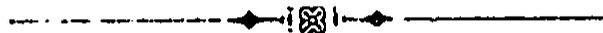
ПРИ

ВОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКОМЪ ЖУРНАЛѢ

„ВѢРА И РАЗУМЪ“.

ТОМЪ III.

ХАРЬКОВЪ.
Тивографія Губернсваго Правленія.
1900.

УКАЗАТЕЛЬ

статей, содержащихъ въ „Листкѣ для Харьковской епархіи „при богословско-философскомъ журналѣ „Вѣра и Разумъ“ за 1900 годъ.

А. Высочайшія Манифесты:

Отъ 13-го апрѣля, о кончинѣ Великой Княгини Александры Петровны, въ вѣнокняхъ Анастасіи (стр. 195).

Отъ 30-го апрѣля, о Бракосочетаніи Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Георгія Михайловича съ Дочерью Его Величества Короля Эллиновъ Королевною Марією Георгіевною (стр. 221).

Б. Опрежденія Святѣйшаго Синода.

Отъ 17 ноября—3 декабря 1899 г. № 4996, по вопросу, подлежатъ ли оплатѣ гербовымъ сборомъ выписки изъ метрическихъ книгъ, справки и удостовѣренія о личности и лѣтахъ, выдаваемые причтами частнымъ лицамъ, для представленія въ начальныя народныя школы и училища (стр. 25—26). Отъ 13 іюня 1899 г., за № 2183, преподаніе благословенія за заслуги и пожертвованія по духовному вѣдомству (стр. 55). Отъ 20—31 января сего года за № 213, о назначенія на должность (стр. 87). Отъ 11—19 апрѣля 1900 года за № 1483, о награжденіи лицъ духовнаго званія (стр. 243—244). Отъ 17—25 апрѣля 1900 года за № 88, объ измѣненіи § 116 устава духовныхъ семинарій (стр. 244—245). Отъ 29 сентября—2 октября 1900 года за № 3857, о направленіи просьбъ вносословныхъ родителей къ епархіальнымъ преосвященнымъ о принятіи ихъ дѣтей въ духовныя училища сверхъ 10% нормы,

установленной для вносословныхъ воспитанниковъ (стр. 543). Отъ 29 сентября—2 октября 1900 года за № 3872, по вопросу о приѣмѣ въ духовныя семинаріи вносословныхъ воспитанниковъ (стр. 543—544). Отъ 1 декабря 1900 года № 5022, о совершеиіи благодарственнаго Господу Богу молебствія по случаю выздоровленія Его Императорскаго Величества Государя Императора отъ болѣзни (стр. 652). Отъ 10—16 ноября 1900 года за № 4720, о разъясненіи нѣкоторыхъ недоумѣній относительно производства приемныхъ испытаній въ духовныхъ семинаріяхъ (стр. 652—653). Отъ 15—21 ноября 1900 года № 4788, о производствѣ во всѣхъ церквяхъ и монастыряхъ Россійской Имперіи, въ день Богоявленія, 6-го января 1901 года, сбора пожертвованій на постройку православнаго храма въ Нью-Йоркѣ (стр. 653—654).

В. Епархіальныя извѣщенія.

О назначеніяхъ, опредѣленіяхъ на должности, увольненіяхъ отъ должности, награжденіяхъ, о вакантныхъ мѣстахъ и пр. (стр. 9, 34, 75, 97, 128, 152, 180, 210, 228, 249, 290, 329, 360, 378, 404, 442, 474, 504, 533, 570, 598, 628, 663, 684).

Г. Смѣсь.

— Циркуляръ Министра Внутреннихъ Дѣлъ Губернаторамъ (стр. 1—2).

— Извлеченіе изъ отчета Г. Статсъ-Секретаря Куломзина по устройенію церквей и школъ въ районѣ Сибирской желѣзной дороги на средства фонда Имени Императора АЛЕКСАНДРА III-го (стр. 1—8).

— Высочайшій приказъ (стр. 1).

— Приказы Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода (стр. 55).

— Высочайшія награды (стр. 167, 196, 241, 273, 303, 487).

— Высочайшая отмѣтка (стр. 87, 137).

— Высочайшая благодарность (стр. 651).

— Библиографическая замѣтка (стр. 1—4).

— Воззваніе Комитета Сибирской желѣзной дороги по сооруженію церквей (стр. 1—2).

— Записка о засѣданіяхъ Харьковскаго Миссіонерскаго Совѣта 18—20 августа п. г. съ участіемъ священниковъ изъ зараженныхъ

сектантствомъ селеній (стр. 1—9, 26—34, 56—64, 88—91, 113—120, 139—146, 169—174, 196—201, 223—228, 370—378, 397—404, 429—440, 460—468, 488—495, 516—529, 544—551, 577—583, 619—624, 657—663).

— Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 18⁹⁸/₉₉ учебный годъ (стр. 65—74, 91—92, 120—127, 147—152, 174—180, 202—204).

— Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи (стр. 74, 355, 598).

— Правила и программа Южно-Русской выставки садоводства и растениеводства (стр. 93—97).

— Библиографическая замѣтка о второмъ изданіи „Настольной книги для священно-церковно-служителей“ (стр. 99—102).

— Отъ Хозяйственнаго Управленія при Святѣйшемъ Синодѣ (стр. 111—112, 139, 167—169, 222—223, 274—275, 339—341, 395—396, 457—459, 511—512, 575—577, 654—655).

— Разъяснительныя постановленія Святѣйшаго Синода (стр. 137—138).

— Отчетъ о состоящей при Харьковскомъ Епархіальномъ Женскомъ Училищѣ образцовой одноклассной церковно-приходской школѣ за 18⁹⁸/₉₉ учебный годъ (стр. 204—210).

— Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища (стр. 210, 287).

— Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Попечительства (стр. 245).

— Отъ Правленія Купянскаго духовнаго училища (стр. 245, 360).

— Налячный составъ лицъ, служащихъ въ Купянскомъ духовномъ училищѣ, съ краткими біографическими свѣдѣніями о каждомъ изъ нихъ за 1900 годъ (стр. 246—249).

— Отчетъ о приходѣ, расходѣ и остаткѣ суммъ Эмеритальной кассы духовенства Харьковской епархіи за 1899 г. (стр. 275—287).

— Списокъ лицъ, служащихъ въ Сумскомъ духовномъ училищѣ за 1899—1900 учебный годъ (стр. 287—289).

— Списокъ лицъ, служащихъ въ Харьковской Духовной Семинаріи, за 1900 годъ (стр. 305—308).

— Списокъ лицъ, служащихъ при Харьковскомъ Духовномъ Училищѣ, съ краткими біографическими свѣдѣніями о каждомъ изъ нихъ (стр. 308—309).

— Списокъ воспитаницъ приготовит., первыхъ, вторыхъ, треть-

вхъ, четвертыхъ, пятыхъ классовъ Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго училища, составленный послѣ годовыхъ испытаній за 18⁹⁹/₀₀ учебный годъ (стр. 309—316).

— Краткій отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища за 18⁹⁹/₀₀ учебный годъ (стр. 316—319).

— Списокъ воспитанницамъ Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища, которыя за отличные успѣхи и отличное благоправіе, по опредѣленію Совѣта, награждаются похвальными листами (стр. 319—320).

— Списокъ воспитанницъ VI классовъ Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища, окончившихъ курсъ и получившихъ аттестаты съ правами на званіе домашнихъ учительницъ, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ, за отличные успѣхи и благоправіе, награждаются книгами (стр. 320—321).

— Разрядной списокъ воспитанниковъ Сумскаго духовнаго училища за 1899—1900 учебный годъ (стр. 321—324).

— Отъ Правленія Сумскаго Духовнаго Училища (стр. 324—325).

— Разрядный списокъ учениковъ Харьковскаго Духовнаго училища, за 1899—1900 годъ (стр. 325—329).

— Свѣдѣнія о служебномъ составѣ лицъ, служащихъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ за 1900 годъ (стр. 341—349).

— Разрядный списокъ воспитанниковъ Харьковской Духовной Семинаріи, составленный послѣ годовыхъ испытаній за 1899—1900 учебный годъ (стр. 349—355).

— Разрядный списокъ воспитанниковъ Купянскаго духовнаго училища за 1899—1900 учебный годъ (стр. 357—350).

— Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта (стр. 369, 487).

— Отъ Правленія Харьковскаго Духовнаго Училища (стр. 369).

— Отчетъ комитета по сооруженію православнаго храма у подножія Балканъ, въ южной Болгаріи, для вѣчнаго поминовенія воиновъ, павшихъ въ войну 1877—1878 г. (стр. 440—442).

— Отъ Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ (стр. 459—460).

— Педагогическіе курсы для учителей одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ въ г. Харьковѣ въ 1900 г. (стр. 468—474, 496—504, 529—533, 551—557, 583—597).

— Журналы Съезда духовенства Сумскаго училищнаго округа, бывшаго 20 сентября 1900 года (стр. 513—516).

— Журналы Съезда духовенства Купянскаго училищнаго округа, бывшаго 20-го Сентября 1900 года (стр. 557—559).

— Отчетъ Братства св. Амвросія Медиоланскаго при Сумскомъ духовномъ училищѣ для вспомошествованія нуждающимся ученикамъ сего училища, за періодъ времени съ 21 сентября 1899 г. по 20-е сентября 1900 г. (стр. 559—570).

— Росписаніе очереднаго проповѣданія слова Божія протоіереямъ и священникамъ г. Харькова и подгородныхъ селеній въ Каѳедральномъ соборѣ въ воскресные и праздничные дни и въ приходскихъ и домовыхъ церквахъ въ храмовые ихъ праздники въ теченіе 1901 года (стр. 624—628).

— Вѣдомость церковнаго кружечнаго сбора „въ пользу нуждающихся Славянъ“, полученнаго СПБ. Славянскимъ обществомъ въ теченіе 1899 г. (стр. 656).

— Воззваніе (стр. 683).

Д. Извѣстія и замѣтки.

(Изъ мѣстной хроники и извлеченія изъ періодическихъ органовъ печати).

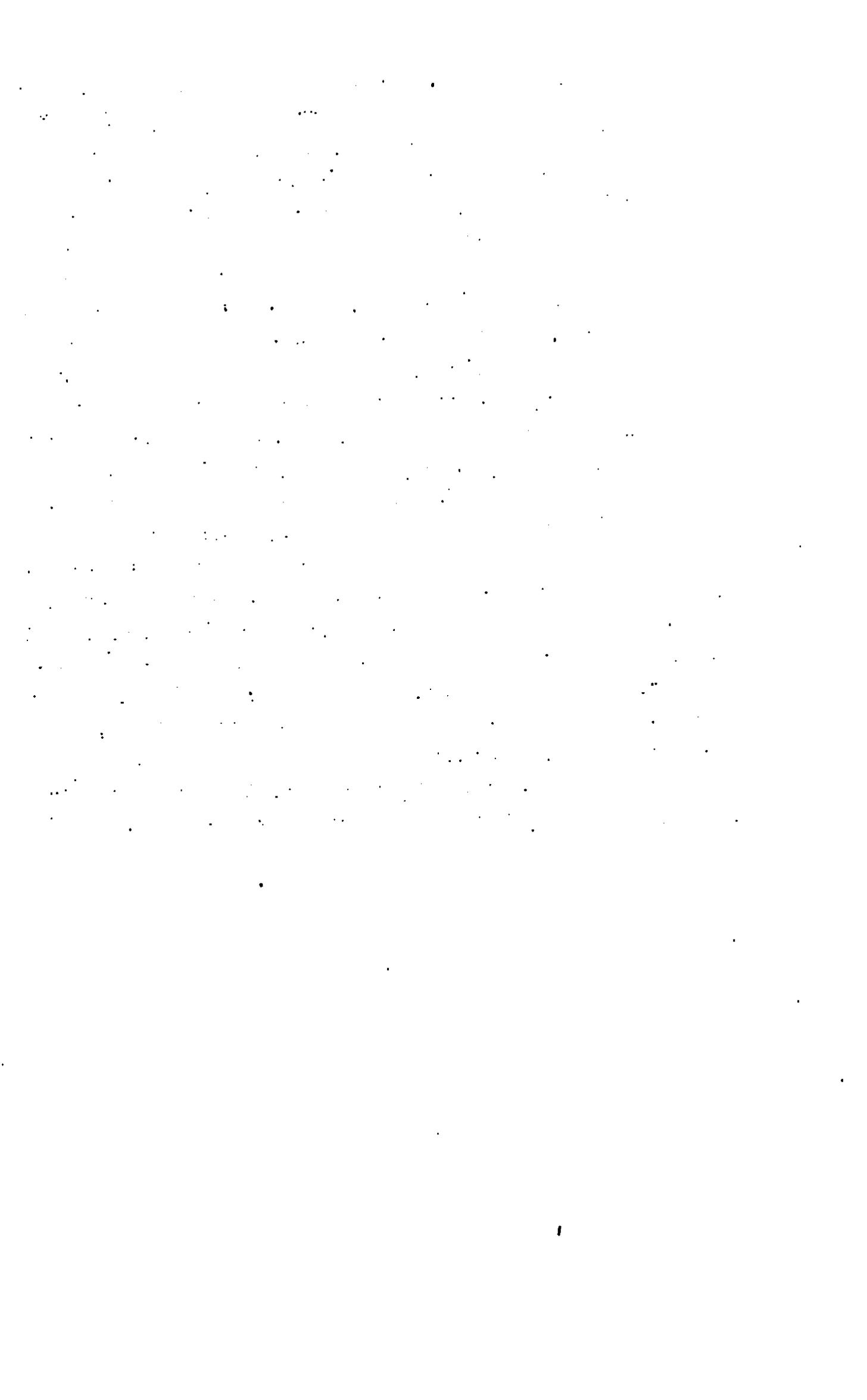
Новогоднія ожиданія Славянъ.—Возможность ихъ исполненія.— Состояніе Русской Церкви въ истекшемъ году.— Назначеніе новаго Антиохійскаго патріарха.— Открытіе папою Львомъ XIII юбилейнаго года.— 25-лѣтіе „Церковнаго Вѣстника“.— Проповѣдь панисламизма въ Индіи.— Мусульманка—врачъ.— 70-й тиражъ перваго внутренняго съ выигрышами займа (стр. 10—24). Празднованіе въ г. Юрьевѣ памяти св. Исидора.— О дѣятельности современнаго приходскаго пастыря.— Земскія народно-просвѣтительныя увлеченія.— Примѣрная дѣятельность на пользу народа.— Религіозно-нравственныя чтенія для народа.— Первая въ Варшавѣ церковно-приходская школа.— Варшавское Свято-Троицкое братство.— Приютъ для взятыхъ съ улицы дѣтей.— С.-Петербургское общество попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ.— Сберегательныя марки.— Общество првзрѣніе деревни.— Пересмотръ законоположеній о крестьянахъ. Упорядоченіе переселенія.— Первая женская гигиеническая выставка.— Голодъ въ Индіи.— Общепользныя свѣдѣнія (стр. 35—54). Школьныя лѣтописи.— Отношеніе нѣкоторыхъ земствъ къ цер-

ковно - приходскимъ школамъ.—Опасныя теченія въ современномъ сектанствѣ.—Церковное пѣніе и проповѣдь.—Объ обученіи воспитанниковъ семинарій законописи.—Примѣръ, достойный подражанія.—О мелкомъ кредитѣ для лицъ духовнаго званія.—Харьковское училище для глухонѣмыхъ.—Отсрочка обѣна кредитныхъ билетовъ.—Борьба съ проказою.—Климать Россіи (стр. 75—86). Кирилло-Меодіевское братство.—Общество ревнителей духовнаго просвѣщенія въ г. Вѣрномъ.—Некрологъ (стр. 102—110). 150-лѣтній юбилей Владимірской семинаріи.—Дѣятельность Виленскаго Свято-Духовскаго братства.—Противораскольническій съѣздъ въ г. Вятѣ.—Дѣятельность епархіальныхъ и окружныхъ съѣздовъ.—Заслуживающее вниманія духовенства постановленіе одного изъ благочинническихъ съѣздовъ.—Вліяніе церковно-приходской школы на дѣтей пновѣрцевъ и раскольниковъ.—Годичное собраніе Харьковскаго отдѣленія Православнаго Миссіонерскаго Общества.—Некрологъ (стр. 128—136). Восемьдесятлѣтіе Высокопреосвященнаго Амвросія.—Торжество открытія Гродненской епархіи.—Новое братство.—Къ вопросу о содѣйствіи образованныхъ свѣтскихъ лицъ религіозно-просвѣтительнымъ обществамъ.—Некрологъ.—68 тиражъ выигрышей билетовъ второго займа, произведенный 1 марта, 1900 года (стр. 153—165). Пробытіе ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ въ Москву.—Къ вопросу о содѣйствіи образованныхъ свѣтскихъ лицъ религіозно-просвѣтительнымъ обществамъ.—Темныя стороны въ жизни простаго народа.—Общества христіанской чистоты.—Гдѣ и какъ воспитываются истинные пастыри.—О содержаніи церковныхъ причтовъ.—Епархіальная богадѣльня.—Послѣднее общее собраніе комиссіи по преобразованію среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія (стр. 181—193). Свѣтлый праздникъ въ Москвѣ.—Отбытіе ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ изъ Москвы въ Петербургъ.—Памяти Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Александры Петровны.—Предположенія объ улучшеніи матеріальнаго положенія выходящихъ за штатъ духовныхъ лицъ и ихъ семействъ.—Лѣчебница въ с. Сакахъ для лицъ духовнаго званія.—Школа сидѣлокъ общества Краснаго Креста.—Заботы о народномъ здравіи.—Новый способъ лѣченія чахотки (стр. 211—220). Православное торжество въ г. Ревелѣ.—Построеніе храма около Шипки.—Дѣятельность Тифлискаго приходскаго Попечительства.—Распоряженія нѣкоторыхъ епархіальныхъ на-

чальствъ.—Объ ꙗконахъ древняго письма.—200-лѣтіе Черниговской Духовной Семинаріи.—Памяти профессора В. В. Болотова.—Юбилейное торжество (стр. 229—240). Русскія школы въ Палестинѣ.—Годичное собраніе Палестинскаго общества.—Открытіе новаго миссіонерскаго братства.—Дѣятельность Астраханскаго комитета православнаго миссіонерскаго общества.—Благочинныя сѣзды.—Заботы о матеріальномъ обезпеченіи духовенства.—Призрѣніе сиротъ духовенства.—Объ ознакомленіи учащихъ въ духовныхъ училищахъ съ церковнымъ уставомъ.—Столѣтній юбилей генералиссимуса князя А. В. Суворова.—Благотворительность въ Россіи.—Деревенскія ясли—пріюты.—Женское сельско-хозяйственное образованіе.—Праздничный отдыхъ для крестьянъ.—Русскій отдѣлъ на всемірной парижской выставкѣ (стр. 249—271). Памятникъ Императору Александру III.—Обрытіе памятника Императору Александру II.—Религіозно-просвѣтительная и благотворительная дѣятельность монастырей.—Новая община.—Изь практики миссіонера—священника—Основная цѣль начальной школы.—Народныя чтенія въ Астрахани.—Достойный подражанія примѣръ.—Къ вопросу объ искорененіи нищенства (стр. 290—301). Кончина Высокопреосвященнѣйшаго Іоаннѣя.—Его погребеніе.—50-лѣтній юбилей во священствѣ.—Некрологи (стр. 330—338). Распоряженіе Св. Синода о возношеніи въ церквахъ молитвъ за русскихъ воиновъ и христіанъ по поводу борьбы съ китайскими матежниками.—Народная китайская религія—Характеристика западноевропейскихъ миссіонеровъ.—Тиражъ (стр. 362—368). Начальный годъ XX столѣтія.—Число христіанъ сравнительно съ иновѣрцами.—Христіанство въ Китаѣ.—Христіанство въ Корей.—Отзывъ ученаго раввина о христіанскихъ миссіонерахъ.—Русская миссія въ Китаѣ.—Ея состояніе.—Пятисотлѣтіе Гуттенберга (стр. 379—393). Христіанскіе миссіонеры въ Китаѣ.—Суевѣрія Китайцевъ.—Братство народовъ.—Проповѣди Германскаго Императора по поводу Китайскихъ событій.—Распоряженіе папы по поводу этихъ же событій.—Сужденіе папы о соединеніи церквей.—Масоны во Франціи.—Конгрессъ человѣческаго единства.—Церковно-школьный отдѣлъ на Парижской выставкѣ.—Взглядъ доктора медицины В. В. Никольскаго на богословское образованіе.—Научный взглядъ на посты—„Кормчій“ о народныхъ театрахъ.—Сужденіе филос. Канта о привидѣніяхъ.—Паломничество школьниковъ Харьковской Всесвятской церкви въ Куряжскій монастырь.—Некрологъ (стр. 405—427).

Высокопреосвященный Θεогностъ, Митрополитъ Кіевскій.—Церковное торжество въ Новгородѣ.—Густыинскій Свято-Троицкій монастырь.—Дѣятельность Полтавскаго братства пр. Макарія.—Новое братство любителей духовнаго просвѣщенія.—Примѣры ревностной дѣятельности духовенства.—Однѣ изъ способовъ религіозно-нравственнаго воздѣйствія на народъ.—Библіотеки—читальни въ городахъ.—Общество призрѣнія слѣпыхъ дѣтей.—Сестры милосердія въ селахъ (стр. 443—456).—Пребываніе въ Харьковѣ Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Антонія.—Дѣятельность Каменецкаго православнаго братства.—Къ вопросу объ иконописаніи.—Церковно-приходская школа въ Аничковомъ Дворцѣ.—Освященіе училища глухо-нѣмыхъ въ Харьковѣ.—Отрадные примѣры изъ жизни крестьянъ.—Заботы объ обезпеченіи матеріальнаго положенія духовенства.—Похоронныя кассы для духовенства.—Епархіальныя типографіи.—Преподаваніе гігіены и медицины въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.—Къ вопросу объ устройствѣ уволенныхъ изъ духовно-учебныхъ заведеній (стр. 476—485).—Посѣщеніе Харьковской Духовной Семинаріи Товарищемъ Оберъ-Прокурора Св. Синода Сенаторомъ В. К. Саблеромъ.—Двухсотлѣтіе Черниговской Духовной Семинаріи.—Матеріальное обезпеченіе учащихся въ церковно-приходскихъ школахъ.—Заботы духовенства о религіозно-нравственномъ просвѣщеніи пасомыхъ (стр. 505—509).—Пятидесятилѣтній юбилей Рижской епархіи.—Паломничество учениковъ церковно-приходскихъ школъ.—Некрологи (стр. 534—541).—Провѣздъ черезъ Харьковъ Г. Товарища Оберъ-Прокурора Св. Синода В. К. Саблера —Новый Архіепископъ Новгородскій.—Скромное церковное торжество въ Твери.—Возобновленіе Кіевской Великой Лаврской церкви —Дѣятельность общества распространенія книгъ Св. Писанія (стр. 571—573).—Моленія о здравіи ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.—Празднованіе въ Москвѣ столѣтія единовѣрія.—Рѣчь В. К. Саблера по поводу столѣтія единовѣрія.—Юбилей протопресвитера І. Л. Янышева.—Памяти о. протоіерея А. В. Горскаго.—По поводу матеріальнаго положенія преподавателей семинаріи.—Благотворное вліяніе на народъ церковно-приходской школы.—Отношеніе сельскихъ прихожанъ къ своимъ пастырямъ.—Плоды ревностной пастырской дѣятельности.—Добрыя стремленія нашего времени.—Дни искутаній и мученій православныхъ христіанъ въ Пекинѣ (стр. 599—617).—Новый православный храмъ въ Финляндіи.—400-лѣтіе Минской иконы Божіей Матери.—500-лѣтіе Діонисіе-

во-Глушицкаго монастыря.— Празднованіе 100-лѣтія Уфимской духовной семинаріи.— Руководственныя указанія епархіальной власти духовенству.— Церковныя дома для сельскаго духовенства.— Заботы объ упрядоченіи церковнаго пѣнія.— Церковно-приходскія бібліотеки.— Открытіе церковно-археологическаго отдѣла при Московскомъ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія.— Философское общество среди студентовъ Московской духовной академіи.— Церковно-приходскія школы въ Херсонской епархіи (стр. 629—650).— Выздоровленіе ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.— Благодарственное молебствіе въ Харьковскомъ Каѳедральномъ соборѣ.— Церковно-археологическій отдѣлъ при Московскомъ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія.— Отдѣлъ христіанскихъ древностей русскаго музея Императора Александра III.— Учрежденіе епархіальныхъ древнехранилищъ.— Первое собраніе законоучителей С.-Петербургскихъ школъ.— Сельскій складъ религіозно-нравственныхъ книгъ.— Одно изъ средствъ къ поддержанію грамотности въ народѣ.— Церковно-приходскія учрежденія.— Юбилейное торжество.— Дѣтскіе пріюты.— Праздникъ нашего крестьянина.— Пермскій миссіонерскій съѣздъ.— Православныя мученики и страдальцы въ Китаѣ (стр. 665—681).— Двадцатипятилѣтній юбилей преподавателя гражданской исторіи въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ А. Ѳ. Вертеловскаго.— Памяти Высокопреосвященнаго Иннокентія, Архіепископа Херсонскаго и Таврическаго.— Просвѣтительная дѣятельность приходскаго пастыря.— Православное миссіонерское общество.

КНИГА РУӨЬ

(ЭКЗЕГЕТИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ).

(Окончаніе *).

II.

Перейдемъ къ рѣшенію нѣкоторыхъ недоумѣній, на которыя наводитъ текстъ книги, не заключая, впрочемъ, ихъ въ себѣ. Нужда въ рѣшеніи возраженій, вытекающихъ изъ текста, чувствуется въ особенности потому, что они или кажутся противорѣчащими постановленіямъ закона Моисеева, или же даютъ поводъ къ нелестнымъ, несогласнымъ съ духомъ и характеромъ библейскихъ событій, отзывамъ относительно дѣяній Ноемми и Руөи.

Первымъ такимъ недоумѣніемъ представляется бракъ сыновей Елимелеха—Махлона и Хелеона съ Орөой и Руөью—женщинами Моавитскаго происхожденія. При чтеніи того мѣста, которое говоритъ объ этомъ бракѣ (1, 4), естественно возникаетъ вопросъ: имѣли ли законное право сыновья Елимелеха, Израильтяне по роду, жениться на иноплеменницахъ—Моавитянкахъ? Изъ пятокнижія Моисеева извѣстно, что у Евреевъ существовало постановленіе закона, запрещающее брачное сопряженіе съ иноплеменницами. Такъ, въ книгѣ Исходъ XXXIV гл. 16 ст. читаемъ объ иноплеменникахъ: *и не бери изъ дочерей ихъ женъ сынамъ твоимъ и дочерей своихъ не давай въ замужество за сыновей ихъ, дабы дочери ихъ, блудодѣйствуя въ сѣдѣ боговъ своихъ, не ввели и сыновъ твоихъ въ блужденіе въ сѣдѣ боговъ своихъ.* Въ другомъ мѣстѣ законъ простираетъ это

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1900 г., № 6.

запрещеніе непосредственно на Аммонитянъ и Моавитянъ: *Аммонитянинъ и Моавитянинъ, говорится во Второзаконіи, не можетъ войти въ общество Господне, и десятое поколѣніе его не можетъ войти въ общество Господне* (Второз. XXIII, 3). Что въ этомъ послѣднемъ мѣстѣ рѣчь идетъ о брачныхъ сношеніяхъ,—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія по той простой причинѣ, что это вхожденіе въ общество Господне въ томъ, или иномъ поколѣніи возможно было лишь при условіи взаимныхъ браковъ. Что же побудило сыновей Елимелеха нарушить законъ, встать съ нимъ въ противорѣчіе? Неужели не могли они найти для себя женъ среди Израильтянокъ? Что препятствуетъ, наконецъ, предположить, что въ ту страну, куда переселилось семейство Елимелиха, и съ тѣми же побужденіями избѣжать нищеты и голода не отправились и другія Израильскія семейства? А если такъ, то неужели въ этихъ семействахъ не было Израильтянокъ, достойныхъ стать женами Махлона и Хелеона? Допустимъ даже, что, кромѣ семейства Елимелеха, другихъ израильскихъ семействъ не было въ Моавитской землѣ, почему же, въ такомъ случаѣ, Махлонъ и Хелеонъ не взяли себѣ женъ въ смежномъ съ Моавитской землей и близкомъ къ ней колѣнѣ Рувимовомъ? Ясно, такимъ образомъ, что сыновья Елимелеха поступили вопреки закону Моисееву, нарушили постановленія его тогда, когда они имѣли полную возможность соблюсти ихъ.

Чтобы разрѣшить настоящее недоумѣніе и снять съ Махлона и Хелеона тяжкую отвѣтственность въ нарушеніи предписаній закона, прежде всего, обратимъ вниманіе на тѣ побужденія, которыя лежали въ основаніи настоящаго постановленія закона и на тѣ цѣли, какихъ хотѣлъ достигнуть онъ своимъ запрещеніемъ. Внимательное разсмотрѣніе приведенныхъ выше мѣстъ Второз. XXIII, 3 и Исх. XXXIV, 16, показываетъ, что запрещеніе Израильтянамъ вступать въ бракъ съ иноплеменницами вызвано было опасностью совращенія ихъ въ идолопоклонство своими женами—иноплеменницами. Въ указанномъ мѣстѣ книги Исходъ прямо сказано: *дабы дочери ихъ, блудодѣйствуя въ слѣдъ боговъ своихъ, не ввели и сыновъ твоихъ въ блужденіе въ слѣдъ боговъ своихъ* (XXXIV, 16). Указаніе на тѣ же побудительныя причины мы находимъ

въ III книгѣ Царствъ XI гл. 2 ст., гдѣ писатель, упомянувъ иноплеменныхъ женъ Соломона, замѣчаетъ, что онъ взялъ ихъ *изъ тѣхъ народовъ, о которыхъ Господь сказалъ сынамъ Израилевымъ: не входите къ нимъ, и они пусть не входятъ къ вамъ, чтобы они не склонили сердца вашего къ своимъ богамъ* (3 Цар. XI, 2). Итакъ, законъ запрещалъ Израильтянамъ браки съ иноплеменницами исключительно въ виду опасности уклоненія ихъ въ языческую религію, религію своихъ женъ, съ цѣлю предохранить ихъ отъ увлеченія идолопоклонствомъ. Слѣдовательно, если этой опасности религіознаго совращенія не представлялось, если, напримѣръ, Израильтянинъ зналъ, что будущая его жена, хотя она и иноплеменница, однако не позволитъ себѣ нравственнаго насилія надъ совѣстью и религіозными убѣжденіями будущаго своего мужа, то въ такомъ, правда, рѣдкомъ случаѣ бракъ съ иноплеменницей не считался безусловно запрещеннымъ, Израильтянинъ не совершалъ тяжкаго преступленія противъ закона, когда женился на такой иноплеменницѣ. Это уважительное отношеніе къ вѣрѣ мужа наблюдалось въ данномъ случаѣ. Ореа и Руеъ были настолько равнодушны, даже холодны къ своей отечественной религіи, что первая готова была оставить поклоненіе своимъ богамъ, идти въ Іудею, гдѣ ихъ нѣтъ и гдѣ она, вѣроятно, приняла бы Іудейскую религію, а послѣдняя уже въ душѣ своей презирала идолопоклонство, уже исповѣдывала истиннаго Бога, („твой Богъ будетъ моимъ Богомъ“), уже любила Іудейскую религію,—и всѣ увѣщанія свекрови, несмотря на ихъ силу, оказались по отношенію къ ней бездѣйственными: она пошла въ Виѳлеемъ, напередъ зная, что придется ей тамъ терпѣть бѣдность, голодъ и т. п. Въ этомъ случаѣ само собою падало основаніе, уничтожалась цѣль запрещенія закона.

Какъ на подтвержденіе мысли о томъ, что законъ не считалъ преступленіемъ браки съ иноплеменницами тамъ, гдѣ не предвидѣлось опасности уклоненія въ идолопоклонство, слѣдуетъ сослаться на постановленіе относительно плѣнныхъ иноплеменницъ. Изъ книги Второзаконія извѣстно, что, если послѣ войны, кто либо изъ Израильтянъ усмотрѣлъ себѣ невѣсту въ числѣ взятыхъ въ плѣнъ иноплеменницъ, то онъ могъ законнымъ образомъ взять эту иноплеменную женщину въ же-

ну (Второз. XXI, 10—11). Отсюда можно заключить, что иноплеменничество, само по себѣ, внѣ связи его съ идолопоклонствомъ или иною религіею, не было препятствіемъ для брака. Жизнь среди Израильскаго народа, подъ воздѣйствіемъ и вліяніемъ мужа, исповѣдующаго Іудейскую религію, несомнѣнно всѣмъ своимъ религіознымъ строемъ подчиняла себѣ идолопоклонницу жену, постепенно пріучая ее почитать и признавать истиннаго Бога. Этимъ обстоятельствомъ и объясняется существованіе у Израильтянъ такихъ обрядовъ, которые были установлены для публичнаго отрицанія прежней ложной религіи и приготовленія къ принятію Іудейства (Второз. XXI, 12—13). На основаніи этихъ же соображеній можно почитать правыми предъ закономъ, свободными отъ отвѣтственности, Салмона за его бракъ съ Раавью, Есеиръ—за бракъ съ Артаксерксомъ, Самсона за бракъ съ Филистимлянкой.

Кромѣ того, постановленіе Закона Моусеева касательно браковъ (въ Второз. XXIII, 3; Исход. XXXIV, 16) имѣло болѣе отношенія и приложенія къ мужчинамъ, нежели къ женщинамъ. Объ этомъ можно догадываться на основаніи слѣдующаго соображенія: у Израильтянъ, какъ и у насъ, сыновья считались по мужской линіи, по линіи отца, а дочери по линіи матери. Поэтому, сынъ Израильтянина, женившася на иноплеменницѣ, считался Израильтяниномъ и, конечно, исповѣдывалъ Іудейскую религію; сынъ же отца, Моавитянина по роду, считался Моавитяниномъ, хотя бы мать его была Израильтянка. Законъ своимъ запрещеніемъ сыновьямъ жениться на иноплеменницахъ и выдавать дочерей за иноплеменниковъ, какъ выше было сказано, преслѣдовалъ ту цѣль, чтобы какимъ либо путемъ не допустить въ Церковь Божию идолопоклонниковъ. Сопоставляя цѣль закона съ тѣмъ зломъ, которое онъ пресѣкалъ, легко догадаться, что незаконное вторженіе въ Церковь Божию идолопоклонниковъ возможно было только въ тѣхъ случаяхъ, когда сочетались бракомъ Моавитяне съ Израильтянками,—но не могло быть оскверненія Церкви Іудейской въ тѣхъ случаяхъ, когда вступали въ бракъ Моавитянки съ Израильтянами, такъ какъ сыновья отъ послѣднихъ браковъ считались Израильтянами и, слѣдовательно, исповѣдующими Еврейскую религію.

Вънешнеуказанія основанія приводятъ къ тому заключенію

что Махлонъ и Хелеонъ, вступивъ въ бракъ съ Моавитянками, о которыхъ знали, что отъ нихъ нельзя ожидать совращенія въ идолопоклонство, нимало не противорѣчили тѣмъ побужденіямъ, съ коими былъ данъ законъ Моисеевъ. Что же касается возраженія, будто въ Моавитской землѣ могли находиться Израильтянки въ тѣхъ семействахъ, которыя, надо думать, переселились туда съ тою же цѣлю, съ какою пришелъ и Елимеlechъ,—то относительно его замѣтимъ, что Махлонъ и Хелеонъ взяли въ замужество Моавитянокъ, а не Израильтянокъ, разумѣется за тѣмъ, чтобы бракомъ обезпечить и обезопасить свое существованіе въ чуждыхъ для нихъ предѣлахъ Моавитскихъ, а этой цѣли они не достигли бы браками съ единоплеменницами. Тѣ же причины, которыя положены въ основаніе закона касательно браковъ съ иноплеменницами, можно почитать достаточными для оправданія брака Вооза съ Руею—Моавитянкою: Воозъ тѣмъ болѣе долженъ быть далекъ отъ обвиненія въ нарушеніи закона, что Руея ко времени брака была уже прозелиткой и, слѣдовательно, имѣла одинаковыя права со всѣми прочими Израильтянками.

Второе недоумѣніе, которое возникаетъ при послѣдовательномъ чтеніи повѣствованія Руеи, касается нравственной чистоты увѣщаній Ноеммини, обращенныхъ къ снохамъ съ просьбой возвратиться на родину (1, 8—15). Этими увѣщаніями Ноемминь какъ бы выражала ту мысль, что она не желаетъ выводить своихъ невѣстокъ изъ мрака идолопоклонства, съ покойною совѣстью оставляетъ ихъ коснѣть въ немъ тогда, когда онѣ уже готовы были покинуть свою отечественную религію и принять Іудейскую, а послѣдняя (Руея) въ душѣ своей уже и приняла ее. Убѣждая остаться на родинѣ, Ноемминь какъ бы стремилась погасить въ своихъ снохахъ родившуюся искру любви къ Израильскому Богу, своимъ совѣтомъ она какъ бы производила нравственное насиліе надъ зарождавшимися религіозными убѣжденіями Орехи и Руеи,—и въ этомъ ея вина. Дѣйствительно, изъ разсказа о путешествіи этихъ трехъ вдовъ въ Внелеемъ видно, что какъ Орехи, такъ и Руея Ноемминь крѣпко убѣждала возвратиться не только къ роднымъ, но и къ своей отечественной религіи. Первой, Орехи, она прямо сказала, чтобы та возвратилась въ слѣдъ боговъ своихъ

(1, 15), а послѣдней, Руои, она намекнула на то же словами: *иди и ты съ ней*, т. е. поступи такъ, какъ поступила твоя сестра.

Но если мы разсмотримъ тѣ внѣшнія обстоятельства, среди которыхъ находились эти три женщины, то увидимъ, что совѣтъ Ноеммини невѣсткамъ возвратиться на родину ни мало не даетъ повода обвинять ее въ какомъ-то нравственномъ насиліи надъ ними. По мнѣнію многихъ толковниковъ, Ноемминь была настолько вѣжлива и учтивая, что считала себя недостойной расположенія, которое сказывалось въ стремленіи ея снохъ—ради ея одной оставить свое отечество, родителей, родственниковъ, друзей и знакомыхъ и идти въ страну, невѣдомую имъ, въ ту страну, гдѣ имъ придется переносить бѣдность, терпѣть разнообразныя несчастія, которыя всегда неизбѣжно сопутствуютъ людямъ бѣднымъ, пришедшимъ въ незнакомую имъ мѣстность. Кроме того, религіозное чувство Ноеммини внушало ей употребить эти настойчивыя увѣщанія, какъ мѣру предосторожности, на тотъ конецъ, если бы ея снохи, по приходѣ въ Виолеемъ, не перешли въ Іудейскую религію, а остались при своихъ языческихъ предразсудкахъ. Она могла лишь предполагать, что ея невѣстки въ душѣ уже принадлежали къ Іудейской религіи, но внѣшнихъ обнаруженій расположенія къ Іудейству ни Ороею, ни Руею дано не было. Эта мѣра предосторожности была умѣстна даже и въ томъ случаѣ, если бы невѣстки Ноеммини раньше заявили чѣмъ-либо свою готовность принять Іудейскую религію, и если бы Ноемминь твердо убѣждена была, что ея снохи, вскорѣ по прибытіи въ Виолеемъ, непременно примутъ Іудейство. По мнѣнію Серарія, Ноемминь все же опасалась, какъ бы ея невѣстки, по принятіи Іудейства, не стали тяготиться тѣмъ итогомъ подробнѣйшихъ предписаній, которое налагалъ законъ Моисеевъ на рабовъ своихъ, опредѣляя жизнь каждаго изъ нихъ во всѣхъ ея проявленіяхъ, и не нашли въ этомъ для себя повода къ отпаденію отъ принятой вѣры. Естественнo по этому предположить, что ея увѣщанія снохъ—были только средствомъ къ испытанію твердости ихъ намѣреній и вовсе не имѣли характера приказанія, какъ это представляется съ перваго взгляда. И дѣйствительно, когда Руеъ объявила свое твердое, непоколебимое рѣшеніе идти въ Виолеемъ, не отлу-

чатся отъ своей свекрови ни при какихъ несчастныхъ обстоятельствахъ, кромѣ развѣ смерти, то послѣдняя болѣе уже не сопротивлялась.

Наоборотъ, странными показались бы инныя убѣжденія Ноеммини—идти, на примѣръ, съ ней въ Іудейскую страну и принять тамъ господствующую религію, когда она еще не знала достоверно, —расположены ли ея невѣстки къ Іудейству, приготовились ли онѣ къ принятію его. Много нравственныхъ страданій и позора принесло бы ей то обстоятельство, если бы ея невѣстки, по ея убѣженію, перемѣнили свою религію и потомъ въ послѣдствіи измѣнили ей. Нравственная вина Ноеммини была бы тогда тяжелѣе, чѣмъ теперь: ея снохамъ, скажемъ словами Апостола, *было бы лучше не познавать пути правды, нежели познавъ возвратиться назадъ отъ преданной имъ святой заповѣди* (II-ое Петр. II, 21). При томъ, на слова Ноеммини „идите, возвратитесь, дочери мои“—можно смотрѣть, какъ на позволеніе идти на свою родину, если бы онѣ пожелали того; если же онѣ выражены Ноемминью тономъ убѣжденія, увѣщанія, то для того исключительно, чтобы вывѣдать расположеніе невѣстокъ къ Іудеизму, узнать, на сколько твердо ихъ желаніе—жить съ нею, на сколько непоколебима ихъ любовь къ ней.

Такимъ образомъ, на троекратныя увѣщанія Ноеммини—снохамъ своимъ возвратиться на родину—слѣдуетъ смотрѣть, какъ на предостереженіе ихъ, какъ на стремленіе узнать расположеніе ихъ къ свекрови, какъ на предоставленіе имъ полной свободы въ образѣ дѣйствій, въ рѣшеніи вопроса о томъ, идти ли имъ вмѣстѣ съ нею въ землю Іудейскую, или возвратиться въ свою отчизну. Эти слова убѣжденія могутъ быть истолкованы такъ: „не лучше ли будетъ, дочери мои, возвратиться вамъ на родину. Не желала бы я, чтобы вы ради только меня одной покинули свое отечество, родныхъ, друзей и знакомыхъ, шли въ страну, неизвѣстную вамъ и чуждую по вѣрѣ и по народу, терпѣли тамъ бѣдность и другія невзгоды, обыкновенныя въ нашемъ сиротскомъ положеніи. Не желала бы я также и того, чтобы вы оставили своихъ боговъ, въ вѣрѣ которымъ вы воспитались съ дѣтства, и приняли такую религію, къ которой вы, кажется, еще не приго-

товлены и относительно которой вы еще не знаете, можете-ли въ точности выполнить всё ея предписанія“. При такомъ взглядѣ на увѣщанія Ноеммины, она не можетъ быть обвиняема въ какомъ либо насиліи надъ совѣстію своихъ снохъ.

Послѣднее и самое главное недоумѣніе, на которое наводитъ рассказъ о дѣяніяхъ Руои, касается поведенія ея въ отношеніи къ Воозу. Поводомъ къ соблазну для нецѣломудренныхъ и любогрѣховныхъ душъ служитъ совѣтъ Ноеммины, подсказанный Руои, лечь у ногъ Вооза и соотвѣтственный поступокъ послѣдней. Въ смущенной совѣсти возникаетъ мысль: не предосудителенъ-ли этотъ совѣтъ, не заслуживаетъ ли порицанія и даже отвращенія и самый поступокъ Руои? Въ самомъ дѣлѣ, съ точки зрѣнія нашихъ обычаевъ и современныхъ намъ понятій объ отношеніяхъ между мужчиной и женщиной, совѣтъ Ноеммины, изложенный въ III гл. 4 ст., кажется страннымъ, чуждымъ скромности и самыхъ обыкновенныхъ приличій, свойственныхъ каждой женщинѣ. Такимъ же, если еще не хуже, представляется и поступокъ Руои. И нужно сознаться, что настоящее недоумѣніе—одно изъ самыхъ трудныхъ для рѣшенія. Оно составляетъ предметъ самыхъ разнорѣчивыхъ толкованій и непримиримыхъ споровъ между комментаторами. Послѣдніе въ объясненіи поступка Руои раздѣляются на двѣ враждебныхъ другъ другу стороны. Одни изъ толкователей, какъ, напримѣръ, Діонисій, Амвросій и Августинъ жестоко обвиняютъ, какъ Ноемминъ, такъ и Руою, видя въ совѣтѣ первой отсутствіе приличія, почти „сводничество“, а въ поступкѣ второй—отсутствіе стыдливости, плотскую похотливость. Другіе, не многочисленные толковники, къ числу которыхъ можно отнести блаж. Θεодорита, защищаютъ, какъ Ноемминъ, такъ и Руою.

Повидимому, не мало данныхъ для того, чтобы произнести обвиненіе, которое покажется законнымъ и правильнымъ. Какую цѣль, спрашиваютъ обвиняющіе, имѣло это предварительное умываніе, намазываніе тѣла своего благовонными мастьями, одѣваніе въ приличныя одежды, какъ не ту, чтобы показаться Воозу красивѣе и привлекательнѣе, овладѣть его вниманіемъ, снискать расположеніе, возбудить чувственность и достигнуть своего нецѣломудреннаго желанія? Чего много—говорятъ они

—домогалась Руеъ, какъ не удовлетворенія своей похотливости, когда открыла покрывало у ногъ Вооза и легла у нихъ, когда, потомъ, просила его простереть покрывало поверхъ рабы своей? Не для этой ли цѣли она выждала тотъ благоприятный моментъ, когда Воозъ находился въ веселомъ душевномъ настроеніи отъ пиршества по случаю окончанія жатвы? Далѣе, если бы Руеъ не имѣла въ виду этой преступной цѣли, то зачѣмъ ей было приходить къ Воозу именно тогда, когда лежалъ послѣдній между скирдовъ, въ мѣстѣ, удаленномъ отъ людского глаза, зачѣмъ ей было появляться сюда именно въ ночное время? Если она желала брака съ Воозомъ и имѣла въ виду чрезъ этотъ брачный союзъ только возстановить потомство своего умершаго мужа, то она могла бы требовать этого брака, какъ дѣла законнаго, не въ ночное, а во всякое время, не наединѣ, а въ присутствіи другихъ, безъ этихъ предварительныхъ туалетныхъ приготовленій, не обращая вниманія на то душевное настроеніе, въ которомъ находится Воозъ. Наконецъ, почему Руеъ не обратилась къ тому ближайшему родственнику, на котораго указалъ ей Воозъ, почему она просила о бракѣ именно Вооза, тогда какъ лицо, указанное имъ, въ цѣпи родства стояло ближе къ ней и имѣло больше правъ на бракъ, чѣмъ Воозъ? Очевидное дѣло,—закljučаютъ обвинители Руеи,—цѣлію всѣхъ этихъ дѣйствій Руеи было не законное стремленіе къ возстановленію потомства своего умершаго мужа, а беззаконная, постыдная нецѣломудренность, и такое желаніе для нея, какъ женщины молодой, было самымъ естественнымъ.

Таково существо обвиненій, возводимыхъ на Ноемминъ и Руеъ. Несомнѣнно, что обвиненія эти очень тяжки и что являются они праматерь Царя Давида далекой отъ чистоты сердца и благочестія. Но если ближе, глубже и внимательнѣе разсмотрѣть цѣль поведенія Руеи, то легко понять, что совѣтъ Ноеммини и поступокъ Руеи не только не достойны порицанія, но честны, законны и заслуживаютъ одобренія. Соотвѣтственно цѣли дѣла, средства, которыми она достигалась, драматизмъ, которымъ была обставлена сущность его, ни мало не выходятъ изъ границъ вѣжливости, не роняютъ достоинства Руеи и должны быть чужды указанныхъ упрековъ.

Цѣлю совѣта Ноеммини и въ слѣдъ за нимъ всѣхъ дѣйствій ея снохи было не удовлетвореніе порывамъ молодости послѣдней, а дѣло доброе, почтенное и законное, составляющее предметъ первой важности для каждой благочестивой израильтянки-вдовы, не охладѣвшей еще въ своей любви къ умершему мужу,—это Божіей волею указанное стремленіе къ супружеству съ кѣмъ либо изъ ближайшихъ родственниковъ, чтобы чрезъ эти брачныя узы возстановить потомство умершаго мужа, имѣть наследника въ оставшемся отъ него удѣлѣ. Что именно этой благой цѣли достигали Ноемнинъ и Руѳь, а не иной какой либо, въ этомъ убѣждаютъ слѣдующія основанія. Во первыхъ, какъ извѣстно, отсутствіе у израильтянина потомства почиталось Божіимъ наказаніемъ, видимо непосланнымъ, давало поводъ къ презрѣнію бездѣтнаго со стороны общества и влекло за собой существенныя потери въ послѣдственномъ удѣлѣ. Со смертію мужа, удѣлъ не могъ, по закону, считаться собственностью оставшейся послѣ него вдовы: онъ долженъ былъ перейти въ руки другихъ лицъ того же поколѣнія, изъ котораго былъ умершій. Поэтому, и ради религиозныхъ побужденій, и ради житейскихъ соображеній—улучшенія своего положенія и, въ особенности, ради любви къ умершему мужу, Руѳи естественно было домогаться брачныхъ узъ, дабы чрезъ нихъ пріобрѣсти потомство. Во вторыхъ, если бы Руѳь въ своихъ дѣйствіяхъ руководилась исключительно порочнымъ желаніемъ, то, какъ и сказала Воозъ, она естественноѣ всего отправилась бы къ Моавитскимъ или Израильскимъ юношамъ и, вѣроятно, имѣла бы у нихъ отличный успѣхъ въ своемъ предпріятіи, такъ какъ была еще молода. Между тѣмъ, мы видимъ, что она рѣшается идти къ Воозу, который уже давно преполовилъ дни свои, достигъ преклонныхъ лѣтъ. Далѣе, если мы обратимъ вниманіе на жизнь Вооза до настоящаго событія, на то доброе имя, которымъ пользовался онъ въ средѣ гражданъ города Виолеема, то убѣдимся, что оно исключаетъ всякую возможность подозрѣнія его въ нецѣломудріи. Жизнь его уже склонялась къ закату дней, поведеніе этого убѣлепаго сѣдинами мужа было настолько безукоризненно, имя его такъ непорочно и славно, что *нравственно* было невозможно для него согласиться на любодѣя-

ніе, и потому-то Ноеминь не усумнилась довѣрить ему честность Руѳи въ томъ предположеніи, что Воозъ не сдѣлаетъ ничего неприличнаго. Не похвалилъ бы Руѳъ этотъ честный, почтенный и знатный своею добродѣтелію мужъ, если бы поступокъ ея былъ направленъ только къ удовлетворенію страсти. А между тѣмъ онъ такъ говоритъ ей: *это послѣднее твое доброе дѣло сдѣлала ты еще лучше прежняго* (III, 10), т. е. „эта новая благочестивая забота о возстановленіи потомства умершаго своего мужа, которую ты домогаешься исполнить, стоить гораздо цѣннѣе и значительнѣе, чѣмъ твое воздержаніе отъ брачныхъ узъ, твое пребываніе съ бѣдной свекровью, для которой ты пришла въ чуждую землю и терпишь здѣсь голодъ и нищету“. Трудно понять въ этой рѣчи Вооза поощреніе и похвалу чувственнымъ желаніямъ Руѳи, если бы были они. Ясно, что въ поступкѣ ея Воозъ видитъ не нарушеніе цѣломудрія, а соблюденіе его, что и восхваляетъ. Еще. Все дѣло задумано было Руѳью съ тою цѣлію, чтобы обезпечить существованіе, какъ свое, такъ и своей свекрови—Ноемини. *Дочь моя, говоритъ послѣдняя, не поискать ли тебѣ пристанища, чтобы тебѣ хорошо было* (III, 1). Подъ этимъ пристанищемъ, которое можетъ доставить ея снохѣ спокойную, безбѣдную жизнь, Ноеминь, несомнѣнно, разумѣла бракъ съ богатымъ Воозомъ, какъ одно изъ вѣрно-расчитанныхъ средствъ избѣжать бѣдности, голода и другихъ горькихъ сторонъ сиротской жизни. Эта цѣль, конечно, не была бы достигнута, если бы какъ Руѳъ, такъ и Ноеминь имѣли въ виду лишь соблазнъ и постыдную продажу тѣла. Итакъ, не страстью слѣдуетъ объяснить поступокъ Руѳи, а религіознымъ, истинно-израильскимъ стремленіемъ къ выполненію закона Моисеева: цѣль его—искательство руки Вооза и непосредственно связанное съ бракомъ возстановленіе потомства своего умершаго мужа въ оставшемся послѣ него удѣлѣ. Съ точки зрѣнія этой цѣли поступокъ Руѳи и совѣтъ Ноемини должны быть названы честными, богоугодными по іудейскимъ понятіямъ, ибо въ дѣяніи Руѳи ясно видна любовь ея къ народу Израильскому, изъ котораго ея мужъ,—любовь къ Іеговѣ и Его закону.

Равнымъ образомъ, ни Руѳъ, ни Ноеминь не могутъ быть порицаемы съ точки зрѣнія тѣхъ средствъ, которыми восполь-

зовалась первая по совѣту послѣдней, для болѣе успѣшнаго достиженія своей цѣли. Надо помнить, что законъ Моисеевъ относительно ужичества простираель свою обязательную силу только на ближайшихъ родственниковъ. Поэтому Воозъ имѣлъ право отказаться отъ брака съ Руою, такъ какъ онъ не былъ настолько близкимъ по родству, чтобы Руоь могла, на основаніи закона, требовать отъ него брака съ нею; если бы послѣдовало такое требованіе, въ отвѣтъ на него онъ могъ бы указать ей на ближайшаго родственника и отослать къ нему. А отказъ Вооза не только обрекаель бы Ноемминь и Руоь на безнадежную нищету, но и смутилъ бы религіозную совѣсть послѣдней неудачей въ благочестивомъ, законномъ намѣреніи. Выходя изъ этой мысли, мы должны снисходительно отнестись къ тому предварительному туалету, которымъ занялась Руоь до ухода на поле, какъ къ дѣлу естественному, или, по меньшей мѣрѣ, чуждому нескромныхъ намѣреній. Въ ся положеніи подобное средство было совершенно согласно съ природою женщины, ибо Руоь не могла требовать руки Вооза, какъ чего то законнаго, долженствующаго непременно быть исполненнымъ. Было бы страннымъ и непонятнымъ, если бы внѣшнимъ видомъ своимъ Руоь охладила уже зародившееся къ ней расположеніе Вооза, даже уничтожила его и оттолкнула отъ себя старца.

Просьба Руои *„простереть покрывало поверхъ ея“* и самый фактъ лежанія у ногъ старца Вооза также мало даютъ основаній для сужденія о нецѣломудренномъ поведеніи Руои. Слова ея, обращенныя къ Воозу: *„простри крыло твое поверхъ рабы твоей, такъ какъ ты родственникъ“* (III, 9), суть ничто иное, какъ обыкновенная у Евреевъ поговорка, обозначающая собою вѣжливое, принятое обычаемъ, приглашеніе къ супружеству, скромную просьбу о покровительствѣ и защитѣ, которыхъ естественно требовать женѣ отъ мужа. Эта поговорка имѣла въ своемъ основаніи одинъ изъ обычаевъ, существовавшихъ между Израильтянами. По свидѣтельству Вигтабля, Серарія и другихъ толкователей, у евреевъ было принято, чтобы женихъ, когда онъ дѣлалъ предложеніе невѣстѣ, одною частію своего плаща *прикрывалъ ее*. И потому, какъ настоящій обычай не даетъ мѣста для подозрѣній въ чемъ-либо предосудительномъ,

такъ равно и то присловье, которое составилось на основаніи его и которое употребила Руѳь для своей цѣли, также должно быть чуждо нареканій. Слова: „*простри крыло твое*“ въ буквальномъ смыслѣ означаютъ—„*простри край твоей одежды*“ и указываютъ лишь на просьбу Руѳи покрыть ее тѣмъ же покрываломъ, которымъ покрытъ самъ Воозъ, или, что то же, принять ее подъ свое покровительство, защитить ее. Что въ данномъ случаѣ, Еврейское слово „*сапарн*“, LXX-ти „*πτερούριον*“,—Вульгаты „*palium*“ слѣдуетъ понимать въ смыслѣ покрывала, края одежды, крыла—это не требуетъ доказательства. Во многихъ мѣстахъ священнаго писанія эта метафора обозначаетъ ничто иное, какъ только покровительство, защиту (Псал. XVI, 8; Псал. LVI, 2; Псал. LX, 5; Псал. LXII, 8; Псал. XC, 4; Матѳ. XXIII, 37). Самый контекстъ рѣчи не позволяетъ заподозривать Руѳь въ чемъ либо предосудительномъ, достойномъ порицанія. Изъ него слѣдуетъ, что, послѣ того, какъ Руѳь сдѣлала предложеніе Воозу—„*простереть крыло свое*“, послѣдній въ отвѣтъ на просьбу пожелалъ ей спать до утра, что устраняетъ всякую мысль о грѣхѣ любодѣянія.

Что же касается упрека въ выборѣ мѣста и времени для разумнаго дѣла, въ стремленіи воспользоваться приподнятымъ душевнымъ настроеніемъ Вооза, для обезпеченія успѣха его, то эти обстоятельства, правда, служатъ подкрѣпленіемъ мысли порицателей Руѳи и Ноеммини; но это подтвержденіе вытекаетъ скорѣе изъ особенной подозрительности, чѣмъ изъ существа дѣла. Неувѣренность женщинъ въ исполненіи своего намѣренія заставляла ихъ устроить предложеніе брака при исключительныхъ обстоятельствахъ: былъ родственникъ ближе Вооза, и послѣдній могъ отказаться отъ предложенія Руѳи. Неприятно было бы получить отказъ среди бѣлаго дня, въ присутствіи другихъ постороннихъ лицъ. Если къ этому прибавить, что мысль несчастныхъ женщинъ такъ была увлечена благотворительностью и расположеніемъ Вооза, что онѣ рѣшились просить о защитѣ и помощи *именно его* и рѣшились достигнуть своей цѣли, то понятно будетъ ихъ желаніе, при необезпеченности домогательства со стороны закона, воспользоваться удобнымъ мѣстомъ и благопріятной минутой. Отно-

сительно послѣдняго возраженія, почему Руѳъ не обратилась съ просьбой къ тому ближайшему родственнику, о которомъ упоминается въ III гл. 12 ст., если только она искала брака на основаніи закона ужичества, замѣтимъ слѣдующее: когда Руѳъ сказала Воозу о желаніи своемъ стать женой его, какъ ближайшаго родственника ея мужа, то послѣдній не отвѣтилъ прямо и положительно, что онъ именно тотъ родственникъ, на котораго ближайшимъ образомъ надасть законъ ужичества, а замѣтилъ лишь: *хотя и правда, что я родственникъ, но есть еще родственникъ ближе меня* (12 ст.). Были бы неумѣстны и непонятны эти слова, если бы Руѳъ пришла къ нему съ нечистыми побужденіями. То обстоятельство, почему Руѳъ не обратилась съ предложеніемъ брака къ ближайшему родственнику, произошло, говоритъ Серарій въ толкованіи своемъ на эту книгу, „вслѣдствіе того, что Руѳъ и, можетъ быть, сама Ноеминь, или не знали этого родственника, или забыли о немъ въ эту минуту увлеченія благодѣяніями Вооза, или же, наконецъ, предвидѣли жестокость и тщеславіе этого родственника, такъ что, если бы даже и попросили его, то онъ отвергнулъ бы просьбу и возгнушался бракомъ съ Руѳью“. Къ этому слѣдуетъ прибавить предусмотрительное соображеніе Ноемини, что этотъ ближайшій родственникъ изъ уваженія къ Воозу—этому знатному и богатому мужу—согласится уступить свое право.

Скажемъ для большаго убѣжденія въ правотѣ и честности поступка Руѳи, словами блаженнаго Феодорита, что если бы не было внушенія Божія, то Руѳъ не сказала бы того, что сказала, и не сдѣлала бы того, что сдѣлала.

Какъ для чистыхъ все чисто, такъ и для безчестныхъ все безчестно.

Епископъ Иннокентій.

Посланіе Господомъ Іисусомъ Христомъ двѣнадцати апостоловъ на проповѣдь

(Матѣ. X, 1—42; Мр. VI, 7—13; Лк. IX, 1—6).

(Оковчаніе *).

Ободривши апостоловъ обѣщаніемъ божественной помощи въ виду ожидающихъ ихъ бѣдствій, Спаситель продолжаетъ рѣчь о грозившихъ имъ опасностяхъ. Изображая вражду противъ иновѣдующихъ Его имя вообще, а слѣдовательно, и противъ апостоловъ въ частности, Онъ возвѣщаетъ, что вражда эта проникнетъ въ тѣснѣйшія семейныя отношенія людей. *Предастъ братъ брата на смерть и отецъ сына; и возстанутъ дѣти на родителей и умертвятъ ихъ* (Мѣ. 10, 21). Въ основу изображенія семейной вражды изъ-за Христа положено описаніе пророкомъ Михеемъ ужасной бездны нравственнаго паденія и растлѣнія, долженствовавшихъ обнаружиться при наступленіи суда. *Посѣщеніе Твое (Господне), говоритъ пророкъ, наступаетъ; нынѣ постигнетъ ихъ (Израильтянъ) смятеніе. Не вѣруйте другу, не полагайтесь на пріятеля; отъ лежащей на лонѣ твоемъ стереги двери устъ твоихъ. Ибо сынъ позоритъ отца, дочь возстаетъ противъ матери, невестка противъ свекрови своей; враги человеку—домашніе его* (Мих. 7, 4—6). По отношенію собственно къ апостоламъ эта вражда проявится въ томъ, что вѣрующіе, близко къ нимъ стоящіе, окажутся ихъ предателями, измѣнниками ¹⁾.

Предастъ на смерть—*παράδοσι εἰς θάνατον*, т. е. послужить

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ», за 1900 г. № 6

¹⁾ Schanz, S. 296.

причиной смерти, причиной казни—братъ брата, отецъ сына. *Возстанутъ дѣти на родителей*—ἐπαχθήσονται τέκνα ἐπὶ γονεῖς—будутъ отвращаться отъ увѣровавшихъ родителей и выступятъ противъ нихъ, какъ доносчики и какъ свидѣтели на судѣ. *Умертвятъ ихъ*—ἀναθήσουσιν αὐτούς, чтобы чрезъ то сохранить собственную жизнь, избавиться самимъ отъ казни ¹⁾).

Гоненія на апостоловъ имѣли бытъ слѣдствіемъ того, что проповѣдь ихъ должна была произвести сильную злобу и ненависть между людьми, которыя и имѣли обрушиться на самихъ проповѣдниковъ. *И будите—ненавидимы всеми за имя Мое* (Мѡ. 10, 22),—говоритъ Господь. Выраженіе *ненавидимы всеми*—μισούμενοι ὑπὸ πάντων—обозначаетъ сильную и всеобщую ненависть ко Христу. „Какъ заразительная лихорадка или чума, говоритъ Ланге, эта ненависть охватитъ весь міръ; ея весь міръ будетъ воспаленъ, какъ веществомъ, изъ котораго возникаютъ преслѣдованія“ ²⁾. Ненавидимы апостолы должны были бытъ за имя Христа—διὰ τὸ ὄνομα τοῦ (ср. Мѡ. 5, 11), т. е. за то, что они его знали и проповѣдывали ³⁾).

Не смотря на все преслѣдованія и сопровождающія ихъ бѣдствія, апостолы должны были оставаться твердыми въ исповѣданіи имени Господа, потому что только *претерпѣвшій до конца спасется* (Мѡ. 10, 22),—только оставшіеся вѣрными Христу и открыто исповѣдующими Его за Сына Божія среди страданій и мученій могутъ получить спасеніе. Подъ *концемъ*—εἰς τέλος,—до котораго слѣдовало терпѣть ученикамъ, одни изъ толковниковъ разумѣютъ конецъ жизни каждаго исповѣдника имени Христа ⁴⁾; другіе—конецъ страданій апостоловъ, имѣющій наступитъ съ явленіемъ Спасителя на судѣ ⁵⁾; третьи для каждаго въ отдѣльности—мученическую смерть, а для всего христіанства—совершенную побѣду вѣры надъ невѣріемъ—надъ ненавистію міра ⁶⁾. Повидимому, здѣсь нужно

¹⁾ Meyer, S. 257.

²⁾ Lange, S. 149.

³⁾ Meyer, S. 257; Schanz, S. 296. Тертуліанъ говоритъ: Torquemur contentes et punimur perseverantes et absolvimur negantes, quia nominis proelium est. Apol. 2.

⁴⁾ Евв. Зигабенъ: Толкованіе Еванг. отъ Матѡея, стр. 155.

⁵⁾ Keil, S. 260.

⁶⁾ Lange, S. 149.

разумѣть конецъ земной жизни, которая полагаетъ предѣлъ всѣмъ страданіямъ и гоненіямъ. Выраженіемъ до конца Господь именно заповѣдывалъ апостоламъ, чтобы они не отрекались отъ Него, не переставали возвѣщать имя Его, хотя бы имъ пришлось лишиться за это жизни, претерпѣть мученическую смерть.—*Будетъ спасенъ* въ греческомъ текстѣ выражено чрезъ σωθήσεται, чѣмъ обозначается полное, всецѣлое спасеніе—полученіе вѣчнаго блаженства въ царствѣ Христа. Спасеніе претерпѣвшихъ до конца само сабою предполагаетъ погибель людей, которые бы поступили противоположно имъ, которые бы отреклись отъ имени Христа.

Апостолы должны были быть твердыми въ исповѣданіи имени Христа и терпѣливыми въ перенесеніи гоненій и страданій изъ-за Него, но въ томъ только случаѣ, когда это могло быть полезнымъ для ихъ миссіи, когда чрезъ это могло святиться имя Божіе (Мѡ. 6, 9) и прославляться Отецъ Небесный (Мѡ. 5, 16); въ противномъ же случаѣ, когда гоненія апостоламъ, кромѣ страданій и опасности лишиться жизни, не предвѣщали никакого успѣха и пользы въ ихъ благовѣствованіи,—ихъ слѣдовало избѣгать. Спаситель говорилъ: *Когда же будутъ гнать васъ въ одномъ городѣ, бѣгите въ другой* (Мѡ. 10, 23). Это бѣгство апостоловъ изъ одного города въ другой отъ возбужденныхъ противъ нихъ преслѣдованій не было бѣгствомъ въ собственномъ смыслѣ, а было только простымъ благоразумнымъ переходомъ въ другой городъ для болѣе успѣшнаго дѣйствованія въ дѣлѣ проповѣди. Они должны были въ этомъ отношеніи сообразоваться съ главнымъ правиломъ ихъ дѣятельности—отвращаться отъ ожесточенныхъ и идти къ тѣмъ, которые способны воспринять ихъ слово (ст. 14). Основаніемъ къ бѣгству должна была быть не боязнь преслѣдованій и страданій, а исключительно успѣшное проповѣданіе имени Христа; даже желаніе продлить свою жизнь должно было имѣть въ основѣ духовное служеніе другимъ и принесеніе имъ пользы. Благоразумное избѣжаніе бесполезныхъ опасностей съ цѣлью успѣшнаго проповѣданія евангельскаго ученія было главнымъ, такъ сказать, внутреннимъ основаніемъ къ переходу апостоловъ изъ одного города въ другой, но къ

нему присоединялось еще видѣнное побужденіе, высказанное Господомъ въ словахъ: *Ибо истинно говорю вамъ: не успеете обойти городовъ Израилевыхъ, какъ придетъ Сынъ Человѣческій* (Мѡ. 10, 23). Поприще дѣятельности апостоловъ было широко и требовалось много времени для того, чтобы имъ можно было огласить своею проповѣдью землю Израилеву, между тѣмъ было уже близко пришествіе Сына Человѣческаго; апостоламъ нужно было спѣшно обходить города Израильскіе; даже и при этомъ они не могли успѣть довести свою миссію до конца,—огласить евангельскимъ ученіемъ всѣ города и селенія земли Израильской. Вслѣдствіе этого имъ и не слѣдовало оставаться въ мѣстахъ, гдѣ они не видѣли успѣха отъ своей проповѣди и откуда ихъ гнали.

Не успеете обойти городовъ въ греческомъ текстѣ стоитъ: *μη τελήσητε τὰς πόλεις*. Τηλέω значитъ совершать, оканчивать, а въ соединеніи съ τὰς πόλεις—обходить. Въ данномъ случаѣ употреблено выраженіе, обозначающее полное и совершенное окончаніе дѣла; слѣдовательно, имъ указывалось, что до пришествія Сына Человѣческаго апостолы не могли совершить въ полнотѣ и совершенствѣ свою миссію. *Города*—τὰς πόλεις,—какъ мѣсто дѣйствія апостоловъ, названы вмѣсто самой дѣятельности, которая должна была въ нихъ совершиться, т. е. апостольской проповѣди. Прибавленіе τοῦ Ἰσραὴλ изъясняется повелѣніемъ Господа апостоламъ идти къ *погибшимъ овцамъ дома Израилева* (ст. 6),—Израилемъ ограничить свою проповѣдническую дѣятельность.

Подъ *пришествіемъ Сына Человѣческаго* какъ Св. Отцы и учителя Церкви, такъ и новые толковники разумѣютъ разные моменты времени. Св. Іоаннъ Златоустъ считаетъ за такое время неопредѣленное пришествіе Христа къ ученикамъ и пребываніе съ ними ¹⁾, имѣющее, повидимому, быть до распятія и страданій Господа ²⁾; Евѡ. Зигабень—взятіе Спасителемъ

1) „Не успеете обойти Палестины, какъ Я тогдашъ приду къ вамъ“—говоритъ Св. Отецъ отъ лица Господа. Opp. ed. Montfaucon, p. 388; Русск. пер. стр. 95.

2) „Господь говоритъ не о тѣхъ гоненіяхъ, которыя имѣли быть послѣ, но о тѣхъ, которымъ слѣдовало быть раньше распятія и страданія“—читаемъ мы у того же Св. Отца и въ томъ же мѣстѣ.

апостоловъ къ себѣ скорѣе, чѣмъ они обуйдутъ всѣ города іудейскіе ¹⁾; блаж. Теофилактъ—тѣ моменты времени, въ которые апостолы находились при Христѣ при возвращеніи съ провѣди и до отшествія на нее вновь ²⁾. Изъ новѣйшихъ толковниковъ одни временемъ пришествія Сына Человѣческаго считаютъ время сошествія Св. Духа ³⁾; другіе—разрушенія Іерусалима ⁴⁾; третьи—второго славнаго пришествія Христа на судъ ⁵⁾. Естественнѣе всего подъ пришествіемъ Сына Человѣческаго разумѣть пришествіе Христа въ царствіи Своемъ (Мѡ. 16, 28), открытіе церкви Христовой, начальнымъ моментомъ котораго должно было быть воскресеніе Господа, а конечнымъ будетъ второе Его пришествіе съ силою и славою мною (Мѡ. 24, 30) ⁶⁾.

Предсказаніе объ имѣвшей встрѣтитъ апостоловъ всеобщей ненависти міра (ст. 22) не должно было ихъ смущать, такъ какъ и Самъ Господь, ихъ образецъ и защита, подвергался клеветѣ и злорѣчію враждебныхъ Ему людей. Если же Онъ, ихъ Учитель, не избѣжалъ людской злобы, то тѣмъ болѣе не должны были ожидать лучшей участи апостолы, Его ученики,—не должны были беспокоиться, если одинаково съ своимъ Учителемъ будутъ осмѣваемы, преслѣдуемы и ненавидимы. Эти утѣшительныя для апостоловъ мысли Господь выразилъ чрезъ еврейскую пословицу: *ученикъ не выше учителя, и слуга не выше господина своего: довольно для ученика, чтобы онъ былъ, какъ учитель его, и для слуги, чтобы онъ былъ какъ господинъ его* (Мѡ. 10, 24—25). Смыслъ пословицы именно тотъ, что ученикъ и рабъ должны быть довольны, если на ихъ долю выпадаетъ участь, равная съ учителемъ перваго и господиномъ втораго,—если съ первыми случится (въ подлинникѣ (γένηται) то же, что и съ послѣдними. Приведенная пословица, какъ и всякая вообще пословица, взятая сама въ себѣ, безъ ограниченія и условія, содержитъ одностороннюю

¹⁾ Толкованіе Еванг. отъ Матоея, стр. 156.

²⁾ Благовѣстникъ, ч. 1-я, стр. 176.

³⁾ Такъ думаютъ: Кальвинъ, Гроцій, Каловій, Блекк, Шеггъ.

⁴⁾ Михаелисъ, Ебрардъ.

⁵⁾ Keil, S. 260; Meyer, S. 258.

⁶⁾ Schanz, S. 298.

и противорѣчащую дѣйствительности мысль, такъ какъ, по выраженію греческой пословицы, „многіе ученики бываютъ лучше своихъ учителей“—πολλοὶ μαθηταὶ κρείσσονες τῶν διδασκάλων¹⁾),—но для устраненія этой кажущейся противорѣчивости достаточно привести слова Св. Іоанна Златоустаго, который говоритъ: „Доколѣ кто ученикъ или рабъ, дотолѣ онъ не имѣетъ равной чести съ учителемъ и господиномъ“²⁾).

Примѣняя общую мысль пословицы о достоинствѣ учителя въ сравненіи съ ученикомъ и господина въ сравненіи съ рабомъ къ Самому Себѣ и Своимъ ученикамъ, Спаситель говоритъ: *Если хозяина дома назвали веельзевуломъ; не тѣмъ ли болѣе домашнихъ его?* (Мѡ. 10, 25). Хозяиномъ дома былъ Самъ Господь, какъ глава и домохозяинъ основаннаго имъ царства, а домашними Его—апостолы. Послѣдніе должны были быть довольными, если только ихъ будутъ, подобно Господу, уподоблять веельзевулу, а не постигнетъ ихъ еще худшая участь,—ненависть ихъ враговъ не проявится въ отношеніи къ нимъ еще въ большей мѣрѣ и еще въ злѣйшемъ видѣ. Только изъ этого мѣста евангелія видно, что іудеи называли Иисуса Христа веельзевуломъ; но въ другихъ есть указаніе на то, что они обвиняли его въ совершеніи чудесъ силою веельзевула (Мѡ. 9, 34; 12, 27; Мр. 3, 22; Лк. 11, 15).

Названіе веельзевулъ толковники объясняютъ различно. Одни производятъ его отъ веельзевувъ чрезъ измѣненіе *в* въ *л*. Веельзевуломъ назывался филистимскій богъ мухъ (βααλ μούαν), иособенно чтившійся въ городѣ Екронѣ (4 Цар. 1, 2³⁾), но іудеи въ насмѣшку чрезъ указанное измѣненіе буквъ преобразовали бога мухъ въ бога кала и всякой нечистоты и сдѣлали именемъ діавола⁴⁾). Другіе, соотвѣтственно значенію οὐκοδεσπότης, производятъ слово веельзевулъ отъ *ваалъ*—богъ, господинъ и *зевула*—жмище, т. е. хозяинъ дома. Діавола, какъ господина царства, въ которомъ обитаютъ злые

¹⁾ См. Schanz, S. 299.

²⁾ Opp. ed. Montfaucon, p. 389; Русс. пер., стр. 97.

³⁾ Это же наименованіе можно встрѣтить и оно читается у LXX; ср. I. Фавій: Ant., IX, 2, 1.

⁴⁾ Keil, S. 260.

духи, называли dominus domicilii ¹⁾; Иисусъ Христосъ въ отношеніи къ Своимъ ученикамъ былъ *Herus domesticus*, но враги Его, вмѣсто того, придали Ему соотвѣтственное имя діавола— *Herus domicilii* ²⁾. Какое изъ этихъ объясненій вѣрнѣе, сказать трудно.

Какъ Самъ І. Христосъ не избѣжалъ людской ненависти и клеветы, такъ не могли избѣжать ихъ и апостолы, какъ Его ученики и провозвѣстники Его ученія. Но не смотря на то, имъ не слѣдовало бояться своихъ враговъ, потому что провозвѣщаемое или евангельское ученіе должно было быть открыто предъ всѣми,—такъ этому было предназначено быть Самимъ Богомъ, такъ это и должно было совершиться. *Итакъ*, говорилъ Господь, послѣ указанія имъ на невозможность для нихъ избѣжать, подобно Ему, ненависти, *не бойтесь ихъ: ибо нѣтъ ничего сокровеннаго, что не открылось бы, и тайнаго, что не было бы узноано*, (Мѡ. 10,26). Выраженіе: *не бойтесь ихъ*—*μη φοβηθητε αυτους*—заключаетъ въ себѣ ту мысль, что апостоламъ должно было исполнять свое дѣло безбоязненно, такъ какъ истина, провозглашавшаяся ими, сама по себѣ, въ силу ненарушимаго закона нравственнаго міропорядка, должна была обнаружиться и придти къ свѣту. Вслѣдствіе же этого людская ненависть и преслѣдованія со стороны ихъ враговъ не могли воспрепятствовать успѣху ихъ миссіи.

Нѣкоторые толковники 26-му стиху даютъ другое толкованіе ³⁾. Подъ сокровеннымъ и тайнымъ, долженствовавшимъ открыться, они разумѣютъ добродѣтель апостоловъ и клевету ихъ враговъ ⁴⁾. Апостолы, по мнѣнію ихъ, не должны были бояться своихъ враговъ потому, что со временемъ должна обнаружиться какъ ихъ добродѣтель, ихъ правота, такъ и клевета ихъ враговъ, и они должны будутъ получить награду, а клеветники—наказаніе, если не во время своей жизни, то на страшномъ судѣ. Но при такомъ пониманіи указаннаго стиха не представляется

¹⁾ Паулюсъ *domicilii* замѣняетъ *tartari* (Цит. у Meyer'a, S. 259), а Ланге считаетъ Веельзевула за господина бѣсноватыхъ. *Comment.*, стр. 151.

²⁾ Meyer, S. 259.

³⁾ Блаж. Теофилактъ, Беза, Гроцій, Шерръ и др.

⁴⁾ *Elucescet tandem orbi vestra sinceritas*,—говоритъ Еразмъ Роттердамскій. *Paraphrasis N. Testam.*, Hannover, 1668 г.

возможности установить связь его съ стихомъ послѣдующимъ (27).

Такъ какъ евангельскому ученію надлежало быть извѣстнымъ, явнымъ для всѣхъ, это и апостоламъ слѣдовало смѣло и открыто возвѣщать его, не смущаясь кознями враговъ. Къ такой открытой дѣятельности Господь приглашаетъ апостоловъ словами: *что говорю вамъ въ темнотѣ, говорите при свѣтѣ; и что на ухо слышите, проповѣдуйте на кровляхъ* (Мф. 10, 27). *Темнота и свѣтъ* σκοτία и φῶς—суть символическіе образы—первая таинственности и сокровенности, а второй—ясности и очевидности. Что говорилъ Господь апостоламъ сокровенно, какъ напр., въ притчахъ, то они должны были проповѣдывать другимъ ясно и открыто. *Что на ухо слышите*—ὁ εἰς τὸ οὖς ἄχοῦετε, т. е. наединѣ, секретно, какъ близкіе къ Господу люди, какъ друзья Его. Εἰς τὸ οὖς у грековъ употребляется для обозначенія дружественности, довѣрія ¹⁾. Равнины по довѣрію къ своимъ любимымъ ученикамъ передавали имъ нѣчто особое, что они должны были распространять между другими, что называлось: *in aures insusurrare* ²⁾. Услышанное отъ Спасителя наединѣ апостолы должны были проповѣдывать на кровляхъ—*κηρύξατε ἐπὶ τῶν δαματῶν*. Крыши еврейскихъ домовъ были плоскими и потому съ нихъ удобно было проповѣдывать открыто, во всеуслышаніе. Господь образно выражаетъ ученикамъ повелѣніе, чтобы они сообщенное имъ по особому Его довѣрію къ нимъ провозглашали всюду и всѣмъ.

Смѣлое и открытое возвѣщеніе евангельскаго ученія должно было сильно раздражить гонителей апостоловъ и понудить ихъ искать ихъ погибели, ихъ смерти; но если бы послѣднимъ предстояла и смерть, имъ не слѣдовало бояться ея, потому что погибло бы только ихъ тѣло, а не душа. Ихъ безбоязненная открытая проповѣдь, возвышавшаяся даже надъ самою смертію, пренебрегавшая ею, свидѣтельствовала бы только о ихъ высшей преданности Христу, которая не могла остаться безъ соотвѣтствующей награды для ихъ души въ Христовомъ

¹⁾ Meyer, S. 260. Unam, secreto,—замѣчаетъ Вепгелъ. Gnomon, p. 77.

²⁾ Lightfoot: Horae Hebraicae et talmudicae in Evang. Matth., 10, 27; Schanz, S. 300.

царствѣ. Они страдали бы за правду, а таковы блаженны (I Петр. 3, 14), но слову апостола. Имъ слѣдовало бояться только того, какъ бы не погубить вмѣстѣ свое тѣло и свою душу, что бы могло случиться въ томъ случаѣ, если бы они измѣнили своему призванію, своей миссіи,—избѣгая опасностей и смерти, откреклись отъ Христа и открытаго провозвѣщенія Его ученія. *И не бойтесь*, говорилъ Спаситель, поучая ихъ всему этому, *убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убить; а бойтесь болѣе того, кто можетъ и душу и тѣло погубить въ гееннѣ* (Мѡ. 10, 28). Подъ *могущимъ погубить душу и тѣло*—*τὸν θυάμενον καὶ ψυχὴν καὶ σῶμα ἀπολέσαι*—одни изъ толковниковъ рязумѣютъ діавола ¹⁾, а другіе—Бога ²⁾. Мнѣніе послѣднихъ справедливѣе, потому что Одинъ только Богъ имѣетъ силу и власть осуждать людей въ преисподнюю, Онъ только одинъ *имѣетъ власть жизни и смерти, и низводитъ до вратъ ада, и возводитъ* (Прем. Сол. 16, 12); Онъ—*Единъ Законодатель и Судія, могущій спасти и погубить* (Іак. 4, 12). Евѡ. Зигабенъ справедливо говоритъ, что Господь научалъ апостоловъ „отражать страхъ страхомъ, страхъ предъ людьми—страхомъ предъ Богомъ“ ³⁾.

Люди могутъ убивать своихъ ближнихъ и чрезъ то губить ихъ тѣло, но въ томъ только случаѣ, если допуститъ Богъ, Который промышляетъ о всѣхъ тваряхъ. А такъ какъ апостолы, боявшіеся Бога и особенные избранники Его, находились подъ Его особеннымъ отеческимъ промышленіемъ, то имъ и не слѣдовало бояться убивающихъ тѣло. ⁴⁾ Это новое основаніе къ безбоязненности апостоловъ, новое ободреніе ихъ было высказано Господомъ въ словахъ: *не двѣ ли малыя птицы продіются за ассарій. И ни одна изъ нихъ не упадетъ на землю безъ воли Отца вашего. У васъ же и волосы на головѣ сочтены. Не бойтесь же: вы лучше многихъ малыхъ птицъ* (Мѡ. 10, 29—31). Цѣнность жизни апостоловъ предъ Богомъ

1) Keil, S. 261; Meyer, S. 260; Schanz, S. 301.

2) Olshausen, S. 349.

3) Толков. Еванг. отъ Матѡея, стр. 158.

4) Qui Deum timet, nihil extra eum timere debet: qui Deum non timet, omnia extra eum timent,—говоритъ Бенгель. Gnomon, p. 77.

Спаситель выясняетъ чрезъ противопоставленіе ихъ съ малыми, дешевыми птицами, которыя парами продавались за самую ничтожную цѣну,—за ассарій, равнявшійся сперва $\frac{1}{10}$ части динарія, или на наши деньги $\frac{1}{2}$ коп., а позднѣе $\frac{1}{16}$ ¹⁾). Не смотря на ничтожность этихъ птицъ, Богъ промышлялъ о нихъ, и ни одна изъ нихъ не могла безъ Его воли, безъ Его поущенія упасть на землю, т. е. погибнуть, понавъ въ сѣть, по толкованію отцевъ и учителей церкви ²⁾; по изъясненію же новѣйшихъ толковниковъ,—свалившись на землю вслѣдствіе вліянія атмосферы, или же пораженная стрѣлою ³⁾). Если же Богъ, небесный Отецъ учениковъ Христовыхъ, такъ промышлялъ о ничтожныхъ тваряхъ, то попеченіе Его о нихъ, Его дѣтяхъ, настолько было велико, что и всѣ волосы на головѣ ихъ были исчислены Имъ, т. е. Онъ имѣлъ, по объясненію Евѣ. Зигабена, „о нихъ совершенное знаніе,—до мелочи зналъ все, касающееся ихъ, по причинѣ большой близости къ нимъ“ ⁴⁾). Слѣдовательно, имъ нужно было быть твердо убѣжденнымъ, что безъ поущенія Божія они не могли по-погибнуть, быть убиты.

Обобщая сказанное апостоламъ объ угрожавшихъ имъ опасностяхъ, при которыхъ имъ предстояло показать свою твердую вѣру и неустрашимую смѣлость въ проповѣданіи евангельскаго ученія, Господь говорилъ: *Итакъ всякаго, кто исповѣдуетъ меня предъ людьми, того исповѣдаю и Я предъ Отцемъ Моимъ небеснымъ. А кто отречется отъ Меня предъ людьми; отрекусь отъ того и Я предъ Отцемъ Моимъ небеснымъ* (Мѣ. 10, 32—33). Всякій, а слѣдовательно и апостолы, только подъ условіемъ открытаго выраженія вѣры во Христа, какъ въ Мессію, словомъ и дѣломъ могли надѣяться, что Онъ объявитъ ихъ Своими вѣрными послѣдователями предъ Отцемъ небеснымъ на всемірномъ судѣ (Мѣ. 25, 31—40), признастъ ихъ достойными вѣчной блаженной жизни; кто же изъ-за

1) Вигуру: Руков. къ чт. и изуч. Библіи, Ветх. Зав., перев. Воронцова, т. I., Москва, 1897 года, стр. 204.

2) Злагоуста, блаж. Теофилакта, Евѣ. Зигабена.

3) Lange, S. 153.

4) Толков. Еванг. отъ Матоея, стр. 158.

страха предъ опасностями, изъ-за нежеланія имъ подвергаться отрекся бы отъ Него предъ людьми, тотъ не могъ ожидать, что и Онъ признаетъ его предъ Отцемъ своимъ истиннымъ послѣдователемъ, не могъ надѣяться на полученіе вѣчныхъ наградъ,—отвергшихся отъ Христа ждутъ вѣчныя муки. Судьею Спаситель представляетъ Бога Отца, но осужденіе Имъ однихъ къ блаженству, а другихъ къ погибели будетъ зависѣть отъ того, какое они будутъ имѣть отношеніе къ лицу и дѣлу І. Христа, какъ Мессіи, какъ Богочеловѣка, Искупителя рода человѣческаго.

Исповѣдуетъ Меня и того исповѣдую и Я—въ греческомъ текстѣ стоитъ: *ὁμολογήσει ἐν ἐμοὶ* и *ὁμολογήσω καὶ ἐν αὐτῷ*, т. е. признается во Мнѣ—въ вѣрѣ въ Меня, и признаюся и Я въ немъ, какъ въ Моемъ послѣдователѣ. Евѣ. Зигабень замѣчаетъ: „*Исповѣсть ἐν ἐμοὶ* (во Мнѣ), тоже-что Меня; и *исповѣмъ ἐν αὐτῷ* (въ немъ) то же, что Его“¹⁾.

Апостоламъ и всѣмъ вѣрующимъ могли встрѣтиться многіе случаи, когда они были бы вынуждены къ открытому исповѣданію Христа, потому что ожидавшія ихъ гоненія стояли въ необходимой внутренней связи съ пришествіемъ Его на землю. Онъ пришелъ принести на землю не спокойствіе и благоденствіе, какъ ложно думали іудеи; *не миръ Онъ пришелъ принести, а мечъ* (Мѣ. 10, 34). Цѣлью пришествія Христа было, несомнѣнно, принесеніе мира, за что воинство ангеловъ по рожденіи Его и славилло Бога (Лк. 2, 14), и цѣлью этого не могло быть принесеніе меча, потому что Христосъ есть *князь мира* (Ис. 9, 6) и *миръ нашъ* (Ефес. 2, 14); но Господь, говоря, что онъ принесъ мечъ, указывалъ не цѣль Своего пришествія, а только тотъ путь, которымъ должно было идти водвореніе мира, принесеннаго Имъ, распространеніе евангельскаго ученія, имѣвшаго умиротворить людей въ отношеніи другъ къ другу. Путь этотъ долженъ былъ быть полнымъ непріязни, вражды и раздоровъ, потому что евангелію необходимо было побѣдить грѣховный міръ и уничтожить въ немъ зло. Христосъ принесъ въ міръ правду и любовь, міръ же

¹⁾ Толков. Еванг. отъ Матѣя, стр. 159.

весь во злѣ лежалъ (I Иоан. 5, 19), а общенія праведности съ беззаконіемъ и свѣта со тьмою быть не могло (2 Кор. 6, 14). Слѣдовательно причиною того, что пришествіе Христа вносило въ міръ мечъ, было грѣховное состояніе самого человѣчества, а не Христосъ и Его ученіе. „Брань была не слѣдствіемъ Христова опредѣленія, говоритъ Св. Златоустъ, но раснобженія самихъ людей. Не Христосъ былъ причиною этого (принесенія меча—на землю), но злоба людей“¹⁾.

Принести мечъ въ подлинномъ текстѣ читается: βαλεῖν μάχεραυ,—бросить мечъ. По объясненію новѣйшихъ толковниковъ, чрезъ βαλεῖν выражается случайность и неожиданность явленія²⁾. Иудеи ожидали, что Мессія принесетъ на землю миръ и благоденствіе, а Онъ, вопреки этому ожиданію, принесъ мечъ, или раздѣленіе, вражду (διαμερισμόν), по выраженію ев. Луки (12, 51).

Такъ какъ Спаситель принесъ на землю мечъ, то съ пришествіемъ Его должна была обнаружиться такая сильная и упорная борьба вѣры съ невѣріемъ, что ея имѣли быть порваны даже самые тѣсные семейные узы, ибо она имѣла *раздѣлить* челоѵки съ отцемъ его и дочь съ матерью ея, и неѵстку съ свекровью ея (Мѳ. 10, 35),—сдѣлать врагами челоѵку домашнихъ его (Мѳ. 10, 36). По мнѣнію нѣкоторыхъ толковниковъ, сыновья, дочери и неѵстки представляются возстающими изъ за евангелія противъ старшихъ въ семьѣ потому, что молодымъ людямъ и женщинамъ легче было обратиться ко Христу³⁾.

Раздѣлить—въ греческомъ текстѣ поставлено διαῶσαι, т. е. разъединить, поссорить, положить начало партійной враждѣ, возстановить однихъ противъ другихъ, основаніемъ къ чему должно было быть то, что одни увѣруютъ во Христа, а другіе—нѣтъ. Неѵстку по гречески νόμφη; νόμφη значитъ неѵста, но у классиковъ часто употребляется въ смыслѣ молодой женщины, а у LXX—неѵстки, снохи, въ каковомъ значеніи должно быть принимаемо и въ данномъ мѣстѣ⁴⁾.

1) Opp. ed. Montfaucon, p. 397; Русск. пер., стр. 112.

2) Keil, S. 262; Schanz, S. 302.

3) Lange, S. 156.

4) Keil S. 263; Meyer S. 262

Борьба съ невѣріемъ требовала отъ апостоловъ и всѣхъ вѣрующихъ отреченія отъ всѣхъ семейныхъ связей, враждебныхъ Христу, полного пренебреженія ими, если они препятствовали сохраненію вѣры въ Него. Въ противномъ случаѣ вѣрующіе оказались бы болѣе любящими своихъ семейныхъ, чѣмъ Христа, а кто любитъ отца или мать, говорилъ Господь, болѣе, нежели Меня, не достоинъ Меня; и кто любитъ сына или дочь болѣе, нежели Меня, не достоинъ Меня (Мо. 10, 37). *Не достоинъ Меня*—ὁὐκ ἔστι μου ἄξιος,—т. е. не достоинъ того, чтобы Господь призналъ его за Своего истиннаго послѣдователя, даровалъ ему Свое блаженство. Спаситель не хотѣлъ Своимъ требованіемъ порвать священные узы семейной любви, но понуждалъ Своихъ послѣдователей въ лицѣ апостоловъ къ искорененію тѣхъ грѣховныхъ склонностей, вслѣдствіе которыхъ они могли цѣнить любовь къ родителямъ, дѣтямъ и родственникамъ выше любви ко Христу, своему Спасителю и Искупителю, Которому обязана своимъ освященіемъ и семейная любовь.

Вмѣстѣ съ отреченіемъ отъ семейныхъ привязанностей апостолы и всѣ вѣрующіе для побѣды вѣры надъ невѣріемъ должны были отречься отъ всѣхъ земныхъ радостей и быть готовыми къ самоотверженному, терпѣливому и добровольному перенесенію предстоявшихъ имъ страданій за Христа. *И кто не беретъ креста своего и не слѣдуетъ за Мною*, говорилъ Спаситель, *тотъ не достоинъ Меня* (Мѡ. 10, 38). Образъ взять изъ римскаго обычая, по которому осужденный на распятіе долженъ былъ самъ нести до мѣста казни тотъ крестъ на которомъ ему предстояло быть распятымъ¹⁾; вслѣдствіе такого обычая и на Іисуса Христа при отправленіи Его на Голгоѳу былъ возложенъ крестъ Его (Іоан. 19, 17). Несеніе креста,—орудія собственной казни,—было тяжкимъ и позорнымъ: оно причиняло несшему его, кромѣ физическаго утомленія, душевныя страданія, а посему λαμβάνειν τὸν σταυρὸν символически обозначаетъ самоотверженное перенесеніе страданій, какія будутъ посланы человѣку Богомъ.

¹⁾ Keil, S. 26; Meyer, S. 262; Schanz, стр. 303.

Отреченію отъ всего земнаго апостоловъ, а въ лицѣ ихъ и всѣхъ истинныхъ послѣдователей Христа надлежало быть настолько самоотверженнымъ, что они должны были быть готовыми принести въ жертву Спасителю даже свою земную жизнь, такъ какъ *сберегшии душу свою потеряетъ ее, а потерявшии душу свою ради Меня сбережетъ ее* (Мѡ. 10, 39), говорилъ Господь. Сущность этой рѣчи Христа заключается въ различномъ значеніи словъ *душа* и *сберегитъ* и *теряетъ* въ обоихъ предложеніяхъ рѣчи. Въ обоихъ въ нихъ *душу* (ψυχήν) означаетъ жизнь земную, а *ее* (αὐτήν) жизнь небесную; въ первомъ предложеніи сбереженіе (εὐρώων) души для жизни временной означаетъ гибель (ἀπολέσει) ея для жизни вѣчной, а во второмъ гибель (ἀπαλέσας) для жизни временной означаетъ сбереженіе (εὐρήσει) души для жизни вѣчной. Отсюда смыслъ такой: кто сбережетъ душу свою для временной жизни чрезъ отреченіе отъ Христа изъ-за земныхъ выгодъ и благъ, тотъ потеряетъ ее для жизни вѣчной, лишится этой жизни; напротивъ, кто потеряетъ душу свою для жизни временной чрезъ самоотверженіе, тотъ сбережетъ ее для жизни вѣчной,—наслѣдуетъ жизнь вѣчную.

Въ заключеніи Своего наставленія апостоламъ Господь съ цѣлью укрѣпленія ихъ въ ихъ трудной миссіи говоритъ о великомъ достоинствѣ и великой важности ихъ проповѣди, имѣвшей обнаружиться въ тѣхъ благодатныхъ дарахъ, которые долженствовали ниспослаться на вѣрующихъ за принятіе ими апостоловъ. *Кто принимаетъ васъ, говорилъ Господь, принимаетъ Меня, а кто принимаетъ Меня, принимаетъ пославаго Меня* (Мѡ. 10, 40), т. е. имѣвшихъ принять апостоловъ ожидала такая великая награда, какую они могли получить только за принятіе Самого Христа и Бога Отца. Отсюда для апостоловъ вытекало побужденіе съ твердостью и бодростью духа совершать свое служеніе, такъ какъ, не смотря на враждебное отношеніе къ нимъ міра, они имѣли найти пріемъ и гостепріимство у людей, расположенныхъ къ принятію евангельскаго ученія, а для этихъ послѣднихъ—побужденіе съ любовью и искреннимъ расположеніемъ принимать апостоловъ и оказывать имъ гостепріимство. Евѡ. Зигабентъ въ объясненіе

40 стиха справедливо говорить: „Сказалъ (Господь) это, открывая ученикамъ дома вѣрующихъ. Кто съ радостію не приметъ ихъ, имѣя чрезъ нихъ принять Сына, а чрезъ Сына—Отца?“¹⁾

Общую мысль о наградахъ принимающимъ апостоловъ, какъ учениковъ Христовыхъ, Спаситель раскрываетъ для большей наглядности и убѣдительности рѣчи чрезъ сравненія. *Кто принимаетъ пророка, во имя пророка, получитъ награду пророка; и кто принимаетъ праведника во имя праведника, получитъ награду праведника. И кто напоитъ одного изъ малыхъ сихъ только чашею холодной воды, во имя ученика, истинно говорю вамъ, не потеряетъ награды своей* (Мѡ. 10, 41—42). *Во имя пророка—εις ὄνομα προφήτου—и во имя праведника—εις ὄνομα δικαίου*, т. е. съ уваженіемъ и достоинствомъ приличнымъ пророку и праведнику, съ признаніемъ въ нихъ истинныхъ пророка и праведника, каковы они на самомъ дѣлѣ и есть. *Получитъ награду пророка и праведника—μισθὸν προφήτου καὶ δικαίου*, т. е. награду, равную наградахъ пророка и праведника, которую они сами получаютъ отъ Бога,—первый за свое пророческое служеніе, а второй за свою праведность. *Малыми* Господь называетъ Своихъ учениковъ,—не потому, что они имѣли быть презрѣнными въ глазахъ своихъ враговъ и гонимыми отъ нихъ, какъ думаютъ нѣкоторые изъ толковниковъ²⁾, но, во 1-хъ, потому, что они были незначительными людьми въ мірѣ, простыми рыбаками, а во 2-хъ, потому, что были кроткими и смиренными, чуждыми надменности и превозношенія, подобно малымъ дѣтямъ. Но малые эти предъ Господомъ имѣли высокое и великое значеніе, а потому кто бы напоилъ хотя одного изъ нихъ чашею холодной воды, во имя ученика—какъ ученика Христа, т. е. оказалъ бы ему хотя незначительную помощь, тотъ получилъ бы за это награду въ вѣчной жизни,—не былъ бы лишенъ блаженства. Эта помощь свидѣтельствовала бы о вѣрѣ оказавшаго ее во Христа, о признаніи Его за Мессію, о той или другой степени его религіозно-правственного совершенства³⁾.

¹⁾ Толков. Еванг. отъ Матѡея, стр. 162.

²⁾ Meyer, S. 266.

³⁾ Keil, S. 264.

Многіе изъ новѣйшихъ толковниковъ наставленіе Спасителя апостоламъ при отправленіи ихъ на проповѣдь въ томъ видѣ, какъ оно изложено у ев. Матѳея, признають не за отдѣльную рѣчь, сказанную Господомъ именно въ это время, а за обобщеніе всего того, о чемъ Онъ говорилъ Своимъ ученикамъ въ теченіе всей Своей земной дѣятельности въ разные времена и до послѣднихъ дней Своей жизни ¹⁾. Но такое предположеніе не оправдывается ни сравненіемъ повѣствованія ев. Матѳея съ параллельными повѣствованіями евв. Марка и Луки, ни формою и содержаніемъ перваго, взятаго въ отдѣльности.

При сравненіи повѣствованія ев. Матѳея съ параллельными повѣствованіями другихъ евангелистовъ можно видѣть, что ев. Маркъ (6, 7—11) кратко передаетъ наставленіе Господа апостоламъ при отправленіи ихъ на проповѣдь, а ев. Лука, излагая это наставленіе еще кратче (9, 1—6) и часть его помѣщая въ рѣчи Спасителя къ 70 ученикамъ при отправленіи ихъ на проповѣдь (10 гл.), сущность наставленія 12-ти апостоламъ,—именно объ отношеніи ихъ къ враждебному міру (Мѳ. 10, 16—36)—приводитъ въ частяхъ (12, 2—9 и 51—53), которыя связаны не хронологически, а представляютъ собою соединеніе рѣчей, выраженій и сравненій, объединенныхъ логическою связью и высказанныхъ Господомъ во время путешествія изъ Галилеи въ Іерусалимъ. Между тѣмъ, въ противоположность этимъ, крайне недостаточнымъ указаніямъ евв. Марка и Луки, подробное наставленіе, изложенное у ев. Матѳея, представляется не какъ объединеніе изреченій различнаго времени, но какъ общее и стройно распределенное цѣлое, отдѣльныя части котораго тѣсно связаны между собою и строго проникають другъ друга. Правда, нѣкоторые толковники ²⁾ говорятъ, что стихи 16, 17, 24, 34 и преимущественно 19 и 20 не стоятъ въ связи съ другими, но это опровергается само собою изложеннымъ выше объясненіемъ этихъ стиховъ.

И содержаніе наставленія Христа 12-ти апостоламъ по изложенію его ев. Матѳеемъ не даетъ никакого основанія къ

¹⁾ Таково мнѣніе Влека, Гольцмана, Еваальда, Гингельфельда, Кейма и др.

²⁾ Навр. Кеймъ. Цит. у Кейлъ, S. 265.

сомнѣнію въ первоначальномъ его единствѣ. Если же нѣкоторые изъ толковниковъ, напр. Вейсъ и Кеймъ, и возражаютъ противъ этого, то возраженія ихъ легко устраняются. Вейсъ находитъ непонятнымъ, какимъ образомъ Спаситель могъ предвозвѣщать апостоламъ вражду противъ нихъ, угрожавшую ихъ жизни, когда при первой проповѣди ихъ такой вражды не могло и быть ¹⁾. Но, во 1-хъ, мысль о грозившихъ апостоламъ опасностяхъ могла предноситься Господу при воспоминаніи Имъ того, что угрожало Ему Самому при выступленіи Его съ проповѣдью въ синагогѣ Назаретской, гдѣ Его рѣчь привела Его соотечественниковъ въ такой гнѣвъ, что они выгнали Его изъ города и хотѣли сбросить Его съ утесистой скалы (Лк. 4, "28—30); а во 2-хъ, Господь въ своихъ рѣчахъ нерѣдко отдаленныя будущія событія связывалъ съ непосредственною дѣйствительностію. Кеймъ думаетъ, что мрачныя воззрѣнія, которыя излагаются ев. Матеемъ съ 16 стиха, — именно сравненіе учениковъ съ овцами, идущими къ волкамъ, указаніе на вражду, имѣвшую быть порожденной Христомъ на землѣ, указаніе на гоненія и ненависть въ отношеніи къ апостоламъ, на дурное обращеніе съ ними въ синагогахъ, на допросъ ихъ у правителей и царей, на необходимость для нихъ полного самоотверженія — противорѣчатъ благожелательному и радостному настроенію, изъ котораго вытекало первое посольство учениковъ, и указываютъ на характеръ болѣе поздней кровавой борьбы и послѣднихъ прощальныхъ рѣчей Христа ²⁾. Съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться потому, что предполагаемое „благожелательное и радостное настроеніе“ не подтверждается самою евангельскою исторіею. Ко времени перваго посольства апостоловъ на проповѣдь не только уже книжники и фарисеи были явными противниками Господа, но уже и народъ, обманутый въ своихъ ожиданіяхъ видѣть во Христѣ могущественнаго политическаго царя, былъ готовъ отвратиться отъ Него и примкнуть къ своимъ вождямъ. По мнѣнію того же Кейма, предвозвѣщеніе апостоламъ предстоявшихъ имъ бѣдствій, гоненій, страданій и

¹⁾ См. Keil, S. 265.

²⁾ Ibid.

ненависти при первомъ ихъ отправленіи на проповѣдь не могло быть для нихъ понятнымъ, потому что Христосъ прежде ничего имъ не говорилъ объ ожидавшей ихъ печальной участи. Но, во 1-хъ, апостолы сами по себѣ знали, какова была участь ветхозавѣтныхъ провозвѣстниковъ воли Божіей—пророковъ и не могли ожидать лучшей участи для себя, а во 2-хъ, во время пагорной проповѣди Господь ясно говорилъ, что Его послѣдователей и въ особенности, конечно, апостоловъ ждетъ та же самая участь, какую испытали и пророки (Мо. 5, 10—12). Несомнѣнно, такимъ образомъ, въ рѣчи Господа объ ожидавшихъ апостоловъ бѣдствіяхъ не могло быть для нихъ ничего непонятнаго, а между тѣмъ предугазаніе этихъ бѣдствій было необходимо, потому что апостолы не были свободны отъ ложныхъ надеждъ на Мессію и не легко могли помириться съ мыслию о страданіяхъ и смерти; нужно было обо всемъ этомъ ихъ предувѣдомить и ко всему этому приготовить. Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: „посылаетъ ихъ (Христосъ апостоловъ) не на опасные подвиги, потому что не было еще никакой опасности въ Палестинѣ, а предстояло только имъ подвергаться злословіямъ. Впрочемъ, предсказываетъ имъ и объ опасностяхъ, чтобы заранѣе приготовить и частымъ напомнаніемъ приучить ихъ къ нимъ“¹⁾).

Ив. Перовъ.

¹⁾ Opp. ed. Montfaucon, th. 7, p. 368; Русск. пер., стр. 54.

Приготовленіе древняго міра къ принятію христіанства.

Переводъ съ англійскаго сочиненія Р. М. Уенли: The Preparation for Christianity in the ancient world.

(Проложеніе *).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Спасеніе мудростью.

„Еялины имуть мудрости“ (I Кор. I, 22).

При обзорѣни всей греческой исторіи, является очевиднымъ, что при дѣйствіи Провидѣнія, греки оказали двойную услугу приготовленію къ христіанству. Въ цвѣтущій періодъ они со-создали единственную въ своемъ родѣ организацію, хотя и ограниченную въ объемѣ, но такъ высоко развитую (спеціализованную), что она является одной изъ самыхъ замѣчательныхъ и поучительныхъ въ исторіи. Но этотъ славный вѣкъ минулъ и съ его исчезновеніемъ одна услуга грековъ стала дѣломъ преданія. Обязанностью гражданина оставалось описать этотъ періодъ. Два писателя, одинъ близко стоящій къ этимъ обстоятельствамъ, другой разсматривающій ихъ издали, дали описание ихъ. Поздній—Плутархъ, говоритъ намъ въ своей „жизни Тезея“: „теперь послѣ смерти своего отца Егея, создавши въ своемъ умѣ великую и удивительную идею, Тезей собралъ вмѣстѣ всѣхъ жителей города, между тѣмъ какъ прежде они жили въ разсѣяніи и нелегко имъ было собраться для ка-кого-либо дѣла“.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1900 г., № 6.

„Онъ устроилъ все известныя государственныя зданія, залы для совѣтовъ и магистраты и выстроилъ одинъ общественный домъ и залу для собраній на мѣстѣ, возвышающемся надъ городомъ и далъ имя Аѳины всему государству, устроивши общій пиръ и жертву, названную Панапатея, или жертвой всехъ соединенныхъ Аѳинянъ“. Съ другой стороны, Платонъ указалъ принципъ единства, составлявшій центральный пунктъ общественной жизни. „Что въ началѣ мы положили, какъ общее (универсальное) правило дѣйствія, когда мы основывали наше государство, это, если я не ошибаюсь, есть справедливость. Мы утверждали и часто повторяли, что всякій индивидуумъ долженъ имѣть опредѣленное дѣло въ государствѣ и притомъ такое, къ которому больше склонна его природа... Этотъ четвертый принципъ отъ всякаго дитяти и женщины, отъ всякаго раба, свободнаго человѣка, ремесленника, управителя и подданнаго требуетъ исполненія своего дѣла“... Въ обществѣ, съ подобной организаціей каждый гражданинъ дорого платитъ за свои привилегіи, по новому воззрѣнію. Какъ человѣкъ, онъ пользуется немногимъ; его слава лежитъ въ томъ, что онъ членъ государства, въ замѣнъ чего онъ отдаетъ безсознательно ему всю свою жизнь. Мы говоримъ безсознательно, потому что грекъ не сознавалъ, сколько онъ отдавалъ своему городу-государству; оно удовлетворяло его и нисколько не тяготило его до тѣхъ поръ, пока нѣкоторыя обстоятельства не поколебали его міровоззрѣнія.

Это перерожденіе обязано отчасти внутреннимъ, а отчасти внѣшнимъ причинамъ. Внезапное возвышеніе Аѳинъ, послѣ того, какъ они сдержали страшный потокъ Персидскаго нашествія, ошьянило ихъ народъ. У ихъ входа толпились чужеземцы и старая греческая добродѣтель оказалась привитой къ новому дереву. Завоеватель Ксеркса замѣпенъ былъ „бродягой на рыночной площади и холмѣ Собраній, одинаково враждебно настроеннымъ и противъ личнаго служенія и противъ обложенія налогами въ пользу своего государства. Онъ былъ мало чѣмъ лучше нищаго съ его постояннымъ крикомъ „хлѣба и зрѣлищъ“ (panem et circenses), замѣнивъ неразумную вѣру своихъ предковъ въ то, что личность существуетъ для

государства, другимъ убѣжденіемъ, что государство для того существуетъ, чтобы помогать и доставлять удовольствія личности.

Если бы его государство имѣло подчиненныя колоніи, которыя бы доставляли деньги для уплаты наемникамъ въ войскѣ, для платы за корабли, привозившіе хлѣбъ, за удовольствія въ театрѣ и циркѣ, то у него не было бы больше желаній. Онъ не желалъ служить въ войскѣ, ни платить за это другимъ. Своимъ празднымъ критицизмомъ, своимъ развращеннымъ характеромъ, своей любовью къ сутяжничеству и своей безпрестанной болтовней онъ такъ мѣшалъ дѣятельности государства, что уже не было возможности его спасти и немногіе благоразумные люди спѣшили поселиться внѣ его предѣловъ“. Гордость—главный порокъ греческихъ моралистовъ, обуяла Аѳинянь, легкомысліе и отсутствіе удержа сопутствовали ей, и среди союзныхъ и враждебныхъ государствъ начала пробуждаться мстительность. Внутренніе раздоры между различными государствами, всегда тлѣвшіе, теперь начали обнаруживаться и скоро разразилась междуусобная борьба. Наконецъ, истощенная, обнищавшая и выродившаяся Эллада стала легкой добычей чужеземнаго завоевателя. Во времена Аристотеля, Филиппъ и Александръ совершили свое дѣло, свободная Греція была поглощена Македонской имперіей.

Лишенные своего древняго самоуправленія, свободные граждане гибли. Они не имѣли тѣхъ условій, которыя сдѣлали греческія поколѣнія довольными окружающею ихъ жизнью. Но приходя къ ясному сознанію постигшаго несчастія, отвергая почти все, что дѣлаетъ жизнь драгоцѣнной, они вступили на новый путь, совершенно отличный отъ перваго, несравненно менѣе живописный и поразительный, но зато предназначенный къ болѣе широко—распространенному вліянію. Лишившись своего государства, грекъ пошелъ еллинизировать извѣстный тогда міръ и отчасти не сознавая своего дѣла, открывать новую миссію для себя. Выступилъ на сцену вопросъ, какой смыслъ жизни? Эта новая задача не носила соціального характера; каждая личность въ отдѣльности должна была рѣшать ее для себя. Такъ создалась вторая услуга грековъ—раскрыть понятіе личности и

начертать съ помощью разума схему для достойнѣйшаго проведенія жизни. Въ этомъ исканіи греки дали законы своимъ побѣдителямъ. Изобразить этотъ переворотъ—это значитъ представить попытку спасенія мудростью. И исторія его есть исторія постепеннаго истощанія источниковъ, гдѣ бы человѣкъ своей собственной силой могъ найти самоудовлетвореніе и приобрести правильный взглядъ на конечное значеніе жизни и міра.

Лишенный наслѣдства и брошенный въ кипучій водоворотъ могущественной имперіи, человѣкъ, теперь уже не какъ Греческій гражданинъ, но какъ человѣческое существо сталъ лицомъ къ лицу съ вѣчными проблемами окружающаго его таинственнаго міра. Безъ поддержки, которую можно было находить въ ясно-опредѣленной общественной средѣ, эти вопросы являлись не только настоятельными, но они являлись дѣломъ первостепенной важности для всякаго размышляющаго человѣка. Подавляющая трудность этихъ вопросовъ не имѣла никакого отношенія къ устройству государства. Гражданство въ старомъ смыслѣ, предполагавшее, что всякій свободный человѣкъ являлся судьей въ дѣлахъ высшей политики, выродилось въ провинціальный муниципализмъ; мелочные вопросы городского хозяйства замѣнили собой значительные государственные вопросы и важныя рѣшенія иностранной политики. При такихъ обстоятельствахъ, самымъ насущнымъ вопросомъ являлось то, какъ человѣкъ долженъ жить, чтобы охранить свое собственное благосостояніе? Какъ онъ можетъ быть полезнымъ и какъ онъ долженъ употреблять свои силы? Послѣ—Аристотелевскія школы, какъ обыкновенно они называются, стремились дать на это отвѣтъ.

Крайняя настоятельность рѣшенія этихъ вопросовъ подтверждается тѣмъ удивительнымъ единодушіемъ, которое характеризуетъ эти школы, не взирая на ихъ взаимную полемичку. Сознали или не сознали это соперничавшія философскія секты, тѣмъ не менѣе они служили одной общей цѣли. Эпикурейцы, стоики, скептики—все они (интенсивно, иногда даже патетически) стремились формулировать схему жизни, желая снабдить человѣка такимъ планомъ поведенія, благодаря которому онъ могъ бы сдѣлаться лучшимъ, теперь уже не граж-

даниномъ, а человѣкомъ. Всѣ обнаруживали глубокую заботу о томъ, чтобы опредѣлить для всякаго самый достойный путь жизни. Насколько они были различны по средствамъ, рекомендуемымъ для этого, настолько наоборотъ они были тождественны по цѣли. Далѣе, когда время шло, а бѣдствія все увеличивались, явилось ясно опредѣленное стремленіе къ уменьшенію различія и къ объединенію полезныхъ указаній относительно желаемого результата. Такъ какъ люди являлись все меньше и меньше гражданами; то они приходили къ большому и большому сознанию, что они человѣческія существа.

Какъ я долженъ жить, какъ приготовиться къ смерти—эти вопросы являлись дѣломъ первостепенной важности для всякой личности. Поэтому, „индивидуализмъ въ этикѣ, подчиненіе всей науки этической цѣли и матеріалистическій реализмъ одинаково общи эпикурейцамъ и стоикамъ. Скептики, несмотря на то, что они критиковали и осмѣивали положительное ученіе остальныхъ, сходны съ ними въ своемъ индивидуализмѣ. Фактъ личнаго сознанія, личнаго существованія, есть самое выдающееся явленіе, которое не можетъ объяснить самый упорный скептикъ. Наконецъ, лозунги всѣхъ этихъ философскихъ сектъ имѣютъ постоянное значеніе, никакъ не потому, что они являются отчасти истинными, но скорѣе потому, что они въ дѣйствительности носятъ одинаковое отношеніе къ жизни своего времени. Всѣ они стремились установить вѣхи и опредѣлить направленіе той дѣятельности, для которой великіе мыслители-систематики Платонъ и Аристотель не оставили никакого руководства.

Видя, затѣмъ, что ихъ единственное государство исчезло, эпикуреизмъ и стоицизмъ пришли къ тому убѣжденію, что основаніе жизни должно полагаться не въ политическомъ, но въ естественномъ законѣ. Человѣкъ, индивидуумъ, имѣетъ естественное право—право, доходящее почти до повелѣнія—бороться своими собственными руками. И по легкой ассоціаціи идей, было признано, что человѣкъ долженъ стремиться получить что-либо осязаемое для себя; отсюда было усвоено матеріалистическое ученіе о внѣшнемъ мірѣ. Подъ естественнымъ человѣкомъ понимался не больше, какъ человѣкъ природы. Но

если материализмъ былъ основаніемъ индивидуалистически-этической теоріи, то ясно, что терминъ „естественный“, на которомъ покоится эта теорія, могъ принимать самое разнообразное толкованіе въ его примѣненіи къ человѣчеству. Этотъ фактъ вызвалъ большое разногласіе между двумя школами, къ которымъ мы теперь и обратимся.

Общепринятое употребленіе слова „эпикуреецъ“, побуждаетъ насъ отождествлять систему Эпикура съ такими ученіями, которыя не имѣютъ къ ней никакого отношенія. Мы думаемъ, что эта школа состояла изъ сенсуалистовъ, которые жили для удовлетворенія своихъ собственныхъ склонностей; и мы часто смѣшиваемъ эпикуреизмъ съ теоріей средствъ лучше приспособленныхъ для такого удовлетворенія. Но если изучить обстоятельства, среди которыхъ возникла эта система, то станетъ очевиднымъ, что пониманіе такого рода и невѣрно и неточно. Всеобщимъ крикомъ среди падепія Греческаго государства и культуры было: кто покажетъ намъ благо? Къ опредѣленію природы этого желаемаго блага и обратились эпикурейскіе мыслители. Они утверждали, что этимъ благомъ должно быть удовольствіе. Но въ то же самое время они не были такими новичками, чтобы отождествлять удовольствіе съ грубостью. „Цѣлью и концомъ всякаго дѣйствія“, училъ самъ эпикуръ, есть то, чтобы мы могли ни страдать, ни бояться; когда эта цѣль достигнута, всякое волненіе духа утихаетъ, ибо животная природа не имѣетъ тогда нужды въ удовольствіи, ничего тогда ей не достаетъ для полнаго достиженія блага, со стороны тѣла или души. Мы нуждаемся въ удовольствіи, когда чувствуемъ страданіе отъ его отсутствія; когда же мы не чувствуемъ страданія, тогда мы не нуждаемся въ удовольствіи. На этомъ основаніи мы видимъ, что удовольствіе есть начало и конецъ счастливой жизни“. И дальше Эпикуръ объясняетъ: „когда мы говоримъ, что удовольствіе есть цѣль, то мы не разумѣемъ удовольствій распутства, или простыхъ наслажденій, какъ нѣкоторые критики, или невѣжественные, или враги предполагаютъ, но *отсутствіе страданія въ тѣлѣ и смущенія въ умѣ*. Но оно не есть пьянство, или разумъ, но *трезвое размышленіе* относительно того, что должно быть допускаемо, а что избѣгаемо и поче-

му". Короче сказать, цѣлью жизни добраго человѣка является не удовольствіе, а спокойствіе духа, ясность (serenity). Здѣсь главное различіе между эпикуреизмомъ и стоицизмомъ. Ибо эпикурейское пониманіе термина „природа“ не есть суровая твердость, какъ у стоиковъ, но самообладаніе своей собственной жизнью.

Если истинная цѣль жизни ясность, то неудивительно, что эпикурейцы долгіе годы были философиами протеста. Подобно тому, какъ Эпикуръ самъ жилъ въ уединеніи въ Аеинахъ, осуществляя свой собственный идеаль, такъ его позднѣйшіе послѣдователи въ Греціи и Римѣ пытались устроить свое собственное спасеніе внѣ государства, или религіи или культуры. Они стремились сдѣлать жизнь центромъ дѣйствительнаго удовольствія—именно удовольствія гармоніи съ самимъ собой. По этой причинѣ они были жестоко преслѣдуемы не только представителями языческой религіи, но также политиками и людьми культуры, для которыхъ старое язычество оставалось мертвой буквой. Поэтому, эпикурейцы утверждали, что ясность достигается только независимостью (эмансипаціей). Для того, чтобы придти къ тому состоянію гармоніи съ самимъ собою, въ которомъ характеристическими чертами является отсутствіе страданія и смятенія, человѣкъ долженъ освободиться отъ всѣхъ ограниченій, налагаемыхъ на него обществомъ, религіей, или культурой. Отсюда философія, являющаяся сама по себѣ дѣятельностью, должна чрезъ разумъ вести къ приобрѣтенію счастья. И какъ естественно, эта философія распадается на двѣ главныя части.

Человѣкъ чувствуетъ себя въ мірѣ „подобно дитяти, выброшенному на берегъ въ темнотѣ ночи“. Слѣдовательно, сначала должна быть создана теорія міра и человѣка, какъ части его. Съ другой стороны, философія есть дѣятельность разума, ведущая къ счастью. Такъ на второмъ мѣстѣ должно быть указано, какъ человѣкъ, пользуясь знаніемъ самого себя и міра, можетъ достигнуть ясности. Итакъ эпикуреизмъ преслѣдуетъ двѣ главныхъ цѣли—первая—дать свѣдѣнія о природѣ и человѣкѣ; вторая—примѣнить эти знанія къ каждому частному (индивидуальному) случаю для того, чтобы показать, какъ

всѣ люди приобрѣтаютъ счастье въ смыслѣ ясности, или гармоніи съ самимъ собой. Первая цѣль всецѣло подчинена второй. Тогда въ материалистической системѣ ощущеніе считалось единственнымъ критеріемъ реальности и все, что можетъ быть извѣстно, должно быть получаемо чрезъ его посредство. Осязаніе, говорилъ Лукрецій, есть чувство тѣла, всѣ другія чувства—только его видоизмѣненія. Міръ есть совокупность атомовъ и подобнымъ же образомъ духъ составленъ изъ элементовъ. Такъ какъ все есть только матеріаль и является для насъ только чрезъ чувства, то очевидно, что основаніе поведенія должно быть найдено въ чувствѣ. Слѣдовательно, предметъ этики—научить людей познатию дѣйствительной природы ихъ чувствъ; другими словами, предупредить ихъ отъ ошибочнаго принятія меньшаго удовольствія за большее. Эта мысль находитъ для себя иллюстрацію во многихъ словахъ Эпикура, такъ напр. въ слѣдующихъ. „Пріучи себя думать, что смерть ничто для насъ, ибо добро и зло суть только тамъ, гдѣ они чувствуются, а смерть есть отсутствіе всякаго чувства; отсюда истинное пониманіе, что смерть есть ничто для насъ, дѣлаетъ радостной смертность жизни, не прибавляя къ годамъ безконечнаго времени, но удаляя скорбь по безсмертію“. Желать безсмертія есть зло, потому что это производитъ страданіе; оно создаетъ потребность, которая никогда не можетъ быть удовлетворена и отсюда понижаетъ удовольствіе жизни. Чувство есть единственный источникъ различія между добромъ и зломъ. Реакціонное стремленіе ученія въ смыслѣ противодѣйствія ученію прежнихъ великихъ философовъ, проглядываетъ уже здѣсь. Цѣлью Платона и Аристотеля было сообразоваться съ извѣстнымъ идеаломъ. Тогда же подразумевалось, что есть болѣе обширный организмъ, къ которому принадлежитъ индивидуумъ; онъ есть только выраженіе извѣстнаго отправления (функціи) этого организма. Но такъ какъ жизнь государства, главнаго примѣра такого организма, уже прошла, то эпикурейцы не знали на опытѣ ни его необходимости, ни его цѣлы. Для нихъ человѣкъ стоялъ одиноко; онъ есть существо, которое владѣетъ извѣстными чувствами и которое, безъ сомнѣнія, случайно вступаетъ въ отношенія съ себѣ по-

добными. Но такія отношенія случайны и мимолетны. Обязанности, налагаемыя ими, никоимъ образомъ не связываютъ человѣка. Индивидуальный человѣкъ, только потому, что его чувства есть именно его собственныя, является центромъ міра. Состояніе близкое къ природѣ есть идеальное состояніе. „Тѣло, свободное отъ страданія и умъ, освобожденный отъ волненій“ могутъ быть только у изолировавшагося человѣка. Самообладаніе является прелюдіей къ ясности. Человѣкъ, который видитъ это ясно, достоинъ названія „мудраго“ и мудростью своей спасается.

Стоицизмъ, подобно эпикуреизму, основывается на пониманіи природы, только совершенно другого рода. Стоическія воззрѣнія пантеистичны. Отличительная природа человѣка лежитъ въ его обладаніи разумомъ. Онъ одинъ только можетъ понять, что міръ управляется вездѣсущимъ разумнымъ началомъ. Обладаніе этой особенной способностью, составляющей его преимущество, ставитъ его выше всѣхъ другихъ существъ. Человѣкъ долженъ заботиться о томъ, чтобы его разумъ могъ обуздывать страсти. Жить согласно природѣ, это значитъ жить согласно разуму. Но, подобно своимъ современникамъ, стоики были также индивидуалисты. Каждый человѣкъ долженъ управляться своимъ собственнымъ разумомъ. Онъ не только отдѣленъ отъ своихъ сосѣдей, но даже въ его жизни дѣйствія отдѣлены одно отъ другого. Награда, или осужденіе, распределяются согласно добрымъ, или злымъ намѣреніямъ дѣйствія. Никакая градація невозможна. Всѣ пороки въ одинаковой степени дурны, ибо всѣ они обязаны своимъ происхожденіемъ присутствію неразумія въ духѣ; но „мудрый человѣкъ есть абсолютно совершенный, господинъ самого себя и хозяинъ міра“. Мудрый человѣкъ не просто индивидуумъ, живущій для самаго себя, но больше, онъ не ограниченъ какими-нибудь связующими узами расы или страны. Онъ выбираетъ поприще своей дѣятельности по своему собственному произволу и для своихъ собственныхъ цѣлей.

Стоическая философія, по ея собственному признанію, есть всецѣло практическая философія. И такъ, является вопросъ, какими средствами человѣкъ можетъ успѣшнѣе всего обезпе-

читать внутренній миръ и счастье? Это задача главнымъ образомъ—этическая и объясненіе міра можетъ быть допускаемо настолько, насколько это служитъ цѣлямъ морали. Пользуясь словами Позидонія, стоика, скажемъ: „логика—скорлупа, физика—бѣлокъ, а этика—желтокъ“. Разсмотрѣніе природы составляетъ введеніе къ разсужденію о человѣкѣ. Матерія пассивна, въ ней происходитъ всякое движеніе; сила—активна, она является дѣйствующимъ и движущимъ началомъ. Сила и матерія не могутъ быть отдѣляемы. Міръ есть совершенно-опредѣленный вѣчный порядокъ явленій. Въ немъ каждая вещь имѣетъ свою цѣль для выполненія. Такъ вещь, или лицо, которое лучше исполняетъ свое назначеніе, является добродѣтельнымъ—т. е. оно разумно, и достигаетъ высшаго блага. При свѣтѣ такой теоріи, между человѣкомъ и природой есть только одна ступень, и аналогія между ними можетъ быть легко проведена. Какъ въ видимомъ феноменальномъ мірѣ все подчинено одной главной управляющей силѣ, такъ должно быть у въ личной индивидуальной жизни. Страсти—единственные возмутители; разумъ—управитель. Это ясно показываетъ, что разумъ способенъ подчинять себѣ страсти. Стоики, исходя изъ логическаго положенія, что сила познается только въ отношеніи къ матеріи, а добро въ отношеніи къ злу, всегда употребляли антитезы разума и страсти, когда имъ приходилось толковать о жизни. „Разумъ“, говоритъ Сенека, „ничто иное, какъ часть божественнаго духа, погруженная въ человѣческое тѣло“. Поэтому, онъ долженъ развиваться во всѣхъ его возрастахъ безъ помѣхи и препятствія. Отсюда придаетъ величайшая важность его росту во всякомъ случаѣ. У всякаго человѣка разумъ является единственнымъ началомъ добродѣтельнаго дѣйствія. „Для человѣка благословенная жизнь состоитъ въ совершенствованіи его разума, который одинъ только можетъ сдѣлать его независимымъ и стоящимъ выше всѣхъ посягательствъ фортуны; который сообщаетъ понятіе о всякой истинѣ и даетъ порядокъ, умѣренность и достоинство въ дѣйствіи... Это есть добродѣтельная жизнь и она только одна добра“. Можно сказать, что всѣ намѣренія и цѣли въ стоической этикѣ обобщались въ двухъ положеніяхъ. Добродѣтель

заключается въ согласіи съ природою; и эта добродѣтель достаточна для счастья.

Мы уже видѣли, что природа есть соединеніе матеріи и разумной силы, всѣмъ управляющей. Въ мірѣ господствуетъ извѣстный рокъ. Но, какъ одинъ изъ стойковъ выразился, „рокъ ведетъ насъ такъ, что даже часъ нашего рожденія былъ опредѣленъ изъ начала... Много тому времени назадъ были опредѣлены наши радости и наши печали... Причина зависитъ отъ причины... ничто не случается, но происходитъ“. Высшая обязанность мудраго человѣка состоитъ въ добровольномъ подчиненіи этому порядку. Въ этомъ подчиненіи заключается добродѣтель. Она начинается признаніемъ существованія разумнаго порядка, который можетъ понять только разумный человѣкъ; а оканчивается она добровольнымъ подчиненіемъ этому порядку, послушаніемъ, которое можетъ имѣть только одинъ мудрый человѣкъ. Но, второе, добродѣтель достаточна для счастья—т. е., только въ подчиненіи природѣ можетъ быть найдено истинное счастье. Высочайшее благо есть гармонія духа“. Счастье есть та гармонія духа, которая происходитъ изъ совершеннаго пониманія его собственныхъ требованій и полнаго подчиненія имъ. Разумъ здѣсь есть законъ самому себѣ и жизнь, вдохновленная имъ, отличается полнымъ согласіемъ съ природою разумнаго порядка міра. Мудрый человѣкъ долженъ необходимо избѣгать всякой страсти. Это предполагаетъ отрицаніе удовольствія. Удовольствіе зависитъ отъ внѣшнихъ условій, между тѣмъ какъ дѣйствительная добродѣтель имѣетъ цѣль сама въ себѣ. Это опредѣленіе добродѣтели есть одно изъ самыхъ важныхъ и замѣчательныхъ стоическихъ воззрѣній. Хотя добродѣтель можетъ принести счастье, но она должна быть цѣнна сама по себѣ. Разъ хоть одно мгновеніе кто-нибудь ищетъ ее ради счастья, она перестаетъ быть добродѣтелью. „Вы ошибаетесь, когда спрашиваете, ради чего я ищу добродѣтели? Ради нея самой; ибо нѣтъ ничего лучше ея; она есть своя собственная награда“. Или, какъ выразили это стойки въ одномъ изъ самыхъ извѣстныхъ ложныхъ положеній (парадоксовъ): „не нуждаться въ счастьи, это значитъ быть счастливымъ“. Всякое истинное благо внутреннее. Съ этой точки зрѣнія, потеря

всякаго земнаго блаженства, даже сама смерть можетъ быть сдѣлана пригодной для счастья. „Бѣдствія жизни, говорится въ другомъ положеніи, не суть бѣдствія, исключая развѣ тѣхъ, кому они приносятъ бѣдствіе“. Далѣе, самыя бѣдствія жизни могутъ быть благомъ. „Благоденствіе главнымъ образомъ нужно для массъ, для людей низшихъ талантовъ“. „Никогда не быть несчастнымъ“, гласить другой парадоксъ, „значить быть несчастнымъ“.

Но въ самой личности есть нѣкоторый элементъ, который возстаетъ противъ достиженія этого согласія съ природой—противъ этой добродѣтели съ ея послѣдующимъ счастьемъ. Въ человѣческомъ существѣ господствуетъ раздѣленіе, точно также какъ и въ физическомъ мірѣ существуетъ раздѣленіе между разумомъ и страстью. Страсть есть то, что портитъ жизнь; она не можетъ существовать вмѣстѣ съ разумнымъ взглядомъ на вещи. Страсти съ ихъ пустыми мечтами касательно настоящаго и будущаго возбуждаютъ всѣ удовольствія и желанія, всѣ бѣдствія, заботы и опасенія. Въ результатѣ изъ такого представленія является не только раздѣленіе природы человѣка на двѣ противоположныя половины, но также сведеніе стоиками добродѣтели къ чисто теоретическому уровню, который является чисто внутреннимъ и индивидуалистическимъ; иначе сказать, онъ не можетъ быть никогда осуществленъ на практикѣ въ жизни. Ибо если кто желаетъ слѣдовать своему долгу, то онъ долженъ уничтожить этотъ противоположный элементъ, который при томъ въ каждомъ человѣкѣ различенъ. „Что можетъ быть лучше для насъ, получившихъ рациональную природу, пишетъ Сенека, какъ не разумъ... Всѣ вещи созданы и рождены спокойнымъ умомъ“. Гармонія съ самимъ собою и міровымъ порядкомъ, равнодушіе, спокойствіе при всѣхъ обстоятельствахъ—вотъ отличительныя черты стоическаго идеала. Но осуществленіе его предполагаетъ извѣстныя условія и такъ возникаетъ вопросъ: каковы условія совершенной жизни? Они могутъ быть обобщены въ четырехъ положеніяхъ. Первое, страсти должны быть искоренены. Второе, человѣкъ долженъ удалиться отъ общественной жизни съ ея много-

численными заботами. Третье, онъ долженъ приучить себя къ суровости, онъ долженъ сдѣлаться аскетомъ. „Мы должны приучить себя удаляться отъ всякаго хвастовства... сдерживать всякое проявленіе роскоши, управлять нашими стремленіями, измѣрять вещи по ихъ полезности, а не по ихъ красотѣ“, — такъ пишетъ одинъ стоикъ, который, довольно любопытно, былъ милліонеръ. „Богатства мы не должны искать. Насколько мало мы должны удаляться отъ бѣдности, на столько много отъ богатства, такъ чтобы наша независимость не приносилась въ жертву одной рукой и наше тщеславіе не искушалось другой—вотъ предѣлъ нашихъ желаній“. Наконецъ, „мы должны отказаться отъ желаній, мы должны жить въ себѣ самихъ“. Ибо тогда только мудрый не будетъ бояться капризовъ фортуны.

Имѣя въ виду, что эпикуреизмъ и стоицизмъ были главныя теоріи, на которыхъ древній міръ покоился предъ пришествіемъ Іисуса Христа, мы должны спросить, какова сила и полезность ихъ „евангелій“?

У самого Эпикура удовольствіе является результатомъ собственнаго поведенія человѣка. Короче сказать, оно совпадаетъ съ совокупностью извѣстныхъ условій; оно предполагаетъ ясное состояніе тѣла и ума, которое можетъ быть достигнуто только освобожденіемъ отъ тѣхъ требованій, которыя общество налагаетъ на личность. Поэтому, его ученіе можетъ быть обобщено въ такомъ краткомъ положеніи—удовольствіе отождествляется съ счастьемъ; а счастье покоится на свободѣ; свобода же доступна только для мудраго человѣка, который, въ силу своей мудрости, знаетъ, какъ ее получить. Цѣль системы та, чтобы руководить человѣка къ тому, чтобы онъ могъ быть мудрымъ и позналъ какъ достигнуть счастья. „Греки искали мудрости“. Свобода основывается на жизни, которая „въ нѣкоторой степени является особой для каждаго индивидуума“. Поэтому, для полученія ея, онъ долженъ прежде приобрести знаніе—своей собственной личности. Когда это условіе осуществлено, тогда только человѣкъ, можно сказать, живетъ. Тотъ, кто успѣваетъ въ этомъ, есть „мудрый человѣкъ“.

Онъ въ ясномъ сознаніи всего того, что онъ дѣлаетъ, подчиняетъ всякое размышленіе достиженію свободы и чрезъ нее достигаетъ отрицательнаго счастья, состоящаго въ отсутствіи безпокойства. Названіе добродѣтельнаго дается ему не потому, что онъ добръ, но потому, что онъ знаетъ, какъ жить.

Когда онъ вполнѣ достигнетъ того, что его ничто не будетъ смущать, тогда онъ въ дѣйствительности будетъ въ гармоніи съ самимъ собою. Такъ живя, онъ пользуется тѣмъ великимъ миромъ, который вытекаетъ изъ постояннаго ограниченія себя такимъ путемъ, что ничто не входитъ въ него и ничто не возбуждаетъ безпокойства. Ясность жизни есть его доброта. Не нравственность, не самопожертвованіе, не интересъ добра, но постоянное спокойствіе, уединеніе, стремленіе къ совершенной индивидуализаціи—вотъ отличительные признаки мудреца. Потому что онъ счастливъ, онъ добродѣтеленъ; если онъ дѣлается добычей страха, его порочность является совершенно очевидной.

Оставляя въ сторонѣ, что это ученіе обращено къ очень ограниченному классу, который можетъ имѣть всѣ требуемыя имъ условія, мы легко видимъ, что оно полно противорѣчій. Удовольствіе, или счастье, свобода, мудрый человѣкъ—все это не существовало въ человѣческомъ опытѣ. Полное отдѣленіе личности совершенно невозможно. Независимость, въ смыслѣ удаленія отъ людей и отъ міра, не можетъ представляться ничѣмъ инымъ, какъ простымъ вымысломъ фантазіи. Наша свобода можетъ быть достигнута только съ свободой другихъ; счастье можетъ быть приобрѣтаемо только тѣмъ человѣкомъ, который знаетъ, какъ нужно соединяться съ своими сосѣдями; индивидуальность во всей ея полнотѣ можетъ только развиться въ общественной средѣ, съ ея обязанностями, необходимо сопровождающими ея права. Уничтожьте всѣ потребности, исключите всѣ общественныя отношенія и вы создадите независимость. Только, въ сущности-то, это будетъ пустое имя. Она не содержитъ ничего, она пустая форма безъ матеріи; она такъ пуста, что ее можно именовать, какъ кому угодно. Сдѣлайте пустыню и назовите это міромъ, если вамъ угодно, хотя сюда подойдетъ почти всякое названіе. Подобнымъ же образомъ и

счастіе, которое есть не больше, какъ самозависимость, заключаетъ въ себѣ противорѣчіе. Полное обладаніе жизнью, которая происходитъ въ самоограниченномъ духѣ, есть простая иллюзія. Мало удивительнаго въ томъ, что отчаяніе являлось часто отличительной особенностью тѣхъ, которые принимали это ученіе. Желая бѣжать отъ самихъ себя, они предавались чувственнымъ удовольствіямъ, дополняя и коверкая для этой цѣли оригинальное ученіе. Все, что оно обѣщало, оказалось тѣнью, все, чѣмъ оно обнадеживало смущенное человѣчество, явилось пустотой и моральное самоубійство въ распутствѣ и физическое явилось естественнымъ слѣдствіемъ того сознанія, что высочайшій идеаль жизни въ дѣйствительности оказался пустымъ ничтожествомъ. И древній міръ приходилъ постепенно къ сознанію, что его силъ недостаточно для спасенія.

Школа Зенона была болѣе научна, она стремилась дать болѣе систематическое ученіе о мірѣ и о человѣкѣ. Сознавая недостаточную гибкость эпикуреизма, она первая создала принципъ, который могъ быть примѣненъ ко всякому случаю. Достигать идеала независимости, всегда созерцаемаго мудрымъ, это значитъ „жить согласно природѣ“. Отличительная особенность міроваго порядка это его измѣняемость. И когда это будетъ вполне сознано, человѣкъ не можетъ не убѣдиться, что одинъ лишь опредѣленный характеръ поведенія остается возможнымъ для него. Самообладаніе вытекаетъ прямо изъ самоубѣжденія, что этотъ міръ есть совершенно цѣлое, въ которомъ все происходящее совершается неизбежно. Понять это и стать выше измѣняемости явленій это высочайшая миссія человѣка. Когда онъ имѣетъ это необходимое знаніе, онъ въ состояніи покорить всѣ бѣдствія, которымъ подчинена плоть и такъ обладать теченіями своей жизни, что они не смогутъ причинить страданія, или вреда на его святой горѣ.

Является вопросъ, какъ достигнуть этой независимости? Отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ таковъ, какъ мы видѣли, искорененіемъ страсти. Страсти—великіе враги того разумнаго пониманія, которое одно способно возвысить человѣческое существо къ достоинству его природы, помѣстивъ его рядомъ съ разу-

момъ, управляющимъ всѣми вещами. Они разрушаютъ гармонію, или, употребляя общепринятое выраженіе, они становятся между разумомъ и его разсудкомъ. Отсюда, человѣкъ долженъ отрицаться всѣхъ тѣхъ случаевъ, которые ему представляетъ жизнь, онъ долженъ освободить свое существо отъ всѣхъ тѣхъ условій, которыя обыкновенно ведутъ къ дѣйствию, ибо тогда и только тогда его разумъ будетъ имѣть свободное развитіе. Подобно эпикуреизму, это ученіе не давало „евангелія“ доступнаго для массы. Какъ отецъ, мать, дитя, гражданинъ, солдатъ могутъ удалиться въ самобезстрастіе? Какъ громадное большинство человѣчества можетъ поставить себя въ такое положеніе, гдѣ бы оно могло развивать созерцательную жизнь? Вещь невозможная. Далѣе, когда человѣкъ возрастетъ въ мудрости, когда онъ познаетъ, какъ оставаться въ заколдованномъ кругѣ чисто рациональнаго я, куда онъ можетъ удалиться? Что останется духу, освобожденному отъ обязанностей по отношенію къ сосѣдямъ, отъ тѣлесныхъ потребностей, наконецъ отъ тѣхъ безконечныхъ интересовъ, которыми такъ богата жизнь? Совершенно ничего. Въ тотъ моментъ, когда онъ пріобрѣтаетъ единеніе съ міровымъ разумомъ, мудрый человѣкъ найдетъ, что это единеніе есть согласіе съ тѣнью. Освободившись отъ всего того, что дѣлаетъ жизнь жизнью, онъ не можетъ не впасть въ отчаяніе. Полное равнодушіе ко всему, индифферентизмъ, а не дѣятельность, является той цѣлью, для которой онъ работалъ; поэтому, онъ начинаетъ смотрѣть на самоубійство, какъ на средство избѣжать той пустоты, въ жертву которой онъ принесъ все. Иначе поступить онъ не можетъ. Ибо никакое человѣческое существо, по самой природѣ, не можетъ созерцать процесса уничтоженія, не полагая его въ смерти. Я не можетъ быть не я, до тѣхъ поръ, пока личность не будетъ уничтожена совершенно. Сила такой системы лежитъ, конечно, въ ея протестѣ противъ безумія и слабости вѣка. Она имѣла значеніе какъ критическое, а не какъ положительное конструктивное ученіе. Она оставалась отрицательной даже тамъ, гдѣ требовалось положительное ученіе, такъ что даже стала вызывать себѣ сильное противодѣйствіе,

какъ это мы увидимъ дальше. Познать, что всѣ бѣдствія происходятъ изъ заранѣе predetermined стеченія обстоятельствъ, не могущаго быть измѣненнымъ—это не значитъ облегчить бѣдствія. Учить человѣка тому, что онъ долженъ искоренить свои страсти—это не значитъ сдѣлать его жизнь, сосредоточенной на новомъ идеалѣ и измѣнить ее для болѣе достойныхъ цѣлей—великій секретъ Христіанства—но скорѣе заставить его бѣжать отъ жизни, какъ она есть.

Съ какой бы точки зрѣнія мы ни посмотрѣли, спасеніе мудростью недостаточно. Доступное только для мудрыхъ и привилегированныхъ на землѣ оно лишено той непосредственной и общей пригодности, на которой покоится всякое вліятельное ученіе; оно не даетъ новаго руководства для дѣятельности; оно предлагаетъ отвлеченныя правила для жизни, которая во всякомъ случаѣ невозможна для человѣческаго существа. Главная бѣда въ томъ, что эти позднѣйшія философскія школы (индивидуалистическія), будучи ограничены условіями своего времени, недостаточно поняли значеніе личности. Этотъ недостатокъ у нихъ общъ со всей классической цивилизаціей. Они побуждали людей утверждать свои „естественныя права“, но они не представили тѣхъ обязанностей, которыя эти права предполагаютъ. Достоинство человѣческаго духа, его глубина, богатство и сложность не могли проявиться тогда вполне. Указать путь къ совершенной жизни не могли даже самые мудрѣйшіе изъ тогдашнихъ людей. Лишивши гражданина всего того, что дѣлало его значительнымъ, какъ органическую часть общества, новыя школы пытались найти другое поприще для него; но это поприще не можетъ быть построено на отрицательныхъ началахъ. Имъ недоставало понятія, что новое начало обязательно требуетъ новой инициативы, которая всецѣло бы измѣнила понятіе жизни. Стремясь сдѣлать человѣка свободнымъ отъ бѣдствій вѣка, они освободили его отъ одного зла, подчинивъ его господству другого. Ихъ мудрый человѣкъ оставался простымъ понятіемъ; ихъ ученія не произвели глубокого слѣдствія, потому что они сдѣлали человѣчество, уже жалкое прежде, еще болѣе несчаст-

стнымъ. Они отняли отъ него все, что оно имѣло. И для него ничего не оставалось, кромѣ полнаго отчаянiя или презрѣнiя къ той жизни, которая требовала такъ много и давала такъ мало. Въ кризисѣ самопротиворѣчiя жизнь, которая могла быть такъ достойна, легко находила свое окончанiе. Смерть Зенона, Клеана, Эмпедокла, Катона Младшаго, Сенеки и другихъ показываетъ, какъ странно дѣйствительность противорѣчила идеалу. Это необходимо и должно было быть.

К. Г. Вобльи.

(Продолженiе будетъ).

Мѣры правительства къ улучшенію состоянія духовенства въ царствованіе Императора НИКОЛАЯ I-го.

Вопросъ о матеріальномъ состояніи православнаго духовенства, какъ извѣстно, является однимъ изъ больныхъ мѣстъ во всѣхъ періодахъ русской церковной исторіи. Нельзя признать удовлетворительнымъ и современное обезпеченіе нашего духовенства, особенно сельскаго. Однако, хотя современное обезпеченіе духовенства и не можетъ быть признано нормальнымъ, вполнѣ отвѣчающимъ его нуждамъ и положенію, тѣмъ не менѣе оно не кажется такимъ безотраднымъ, какимъ являлось въ прежнее время. Всего отраднѣе въ современномъ положеніи дѣла то, что въ немъ заложены прочныя основанія къ достиженію всѣхъ желательныхъ результатовъ въ будущемъ. Не утопіями, не мечтами о несбыточномъ можно утѣшать себя въ данномъ случаѣ, а серьезнымъ и единственно вѣрнымъ направленіемъ рѣшенія вопроса о способахъ для улучшенія состоянія духовенства, принятымъ въ самое послѣднее время. Въ Бозѣ почившій Императоръ Александръ III-й, равно стремившійся къ удовлетворенію нуждъ и потребностей всѣхъ сословій, не исключая и духовнаго, въ цѣляхъ умиротворенія русскаго духовенства и большаго обезпеченія его матеріальной жизни, рѣшилъ встать на тотъ путь, какой указанъ былъ Его Державнымъ дѣдомъ Императоромъ Николаемъ I-мъ. 28 декабря 1892 года Высочайше было утверждено представленіе г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода объ ассигнованіи въ 1893 году изъ казны на содержаніе духовенства 250,000 руб. и о дальнѣйшемъ продолженіи дополнительныхъ ассигнованій

до тѣхъ поръ, пока не будетъ обезпечено содержаніемъ духовенство всей Россіи ¹⁾. Такимъ образомъ, со времени Александра III-го, вопросъ о содержаніи духовенства вновь поставленъ на тотъ путь, на которомъ былъ въ царствованіи Николая I-го и съ котораго былъ сдвинутъ въ царствованіе Александра II-го; вновь принятъ тотъ порядокъ относительно постепеннаго отпуска суммъ изъ государственнаго казначейства для назначенія содержанія духовенству, который впервые былъ примѣненъ въ 1830-мъ году и который продолжался до 1860 года. Богъ дастъ, не за горами уже тѣ дни, когда и православное духовенство будетъ пользоваться такою-же обезпеченностію, какою по милости Русскаго Правительства пользуются не только римско-католическіе патеры, но даже іудейскіе (т. н. казенные) раввины и духовныя лица исповѣдниковъ ламаизма. Конечно, окончательнаго рѣшенія дѣла ждать долго; далеко еще не на всѣ нужды православнаго духовенства обращено вниманіе. Но важно и то, что главнѣйшія изъ предначертаній Николая I-го уже осуществляются. Можно надѣяться, что и другія дождутъ своей очереди, если первыя осуществляются согласно предположеніямъ, утвержденнымъ державной волей царя Николая I-го. И по истинѣ было бы дорого для православнаго духовенства полное осуществленіе всѣхъ предначертаній сдѣланныхъ въ его пользу Императоромъ Николаемъ Павловичемъ.

Сказаннымъ опредѣляется интересъ тѣхъ данныхъ, которыя сообщаются читателю въ нижеслѣдующихъ строкахъ. Тѣмъ съ большей смѣлостію мы предлагаемъ вниманію читателя эти данныя, что въ повременной печати большинство изъ нихъ являются впервые и извѣстны развѣ только специалистамъ ²⁾.

По смерти Императора Александра I-го, въ его кабинетѣ были найдены между другими бумагами различныя проекты объ измѣненіяхъ во многихъ частяхъ Государственнаго Управленія. Для обсужденія содержащихся въ проектахъ предпо-

¹⁾ Съ 1895 г. отпускается на тотъ же предметъ 500,000 рублей.

²⁾ Да и то, надо думать, не всѣмъ. По крайнѣй мѣрѣ, мы не нашли въ самомъ полномъ изъ всѣхъ изслѣдованій о Митроп. Моск. Филаретѣ—проф. И. Н. Корсунскаго тѣхъ свѣдѣній изъ жизни святителя, которыя сообщаются ниже по 74 тому Сборника Импер. Рус. Ист. Общества.

ложеній Императоръ Николай I-й нашелъ нужнымъ учредить особый Секретный Комитетъ, которому онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, поручилъ заняться пересмотромъ государственнаго устройства и управленія и представить свое заключеніе о необходимыхъ въ этомъ отношеніи преобразованіяхъ. Дѣло, порученное Секретному Комитету, Николай Павловичъ считалъ однимъ изъ важнѣйшихъ своихъ занятій и обязанностей. Въ собственноручной запискѣ своей Императоръ писалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Еженедѣльно увѣдомлять объ успѣхахъ дѣла, которое я почитаю изъ важнѣйшихъ моихъ занятій и обязанностей“.

Комитетъ былъ учрежденъ 6 Декабря 1826 года Высочайшимъ рескриптомъ на имя бывшаго тогда Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта гр. В. П. Кочубея, назначеннаго вмѣстѣ съ тѣмъ Предсѣдателемъ и Секретнаго Комитета. Составъ Комитета образовался изъ самыхъ видныхъ государственныхъ дѣятелей своего времени. Именно, членами новообразованнаго Комитета были члены Государственнаго Совѣта: гр. П. А. Толстой, И. В. Васильчиковъ, кн. А. Н. Голицынъ, бар. И. И. Дибичъ, М. М. Сперанскій (впослѣдствіи графъ). Дѣлопроизводителями комитета были: Д. Н. Блудовъ и Д. В. Дашковъ, а съ 1831 года бар. М. А. Корфъ. Любопытно отмѣтить, что изъ числа членовъ Комитета двое—кн. А. Н. Голицынъ и Д. Н. Блудовъ были въ разное время Оберъ-Прокурорами Святейшаго Синода.

Дѣятельность Секретнаго Комитета выразилась въ выработкѣ цѣлаго ряда проектовъ преобразованія какъ центральныхъ, такъ и губернскихъ учрежденій. Практическаго значенія дѣятельность Комитета не имѣла почти никакого; Комитетскія мѣропріятія въ томъ видѣ, въ какомъ они были выработаны Комитетомъ, никогда не примѣнялись къ жизни и навсегда сохранили лишь одинъ видъ проектовъ. Даже болѣе того, они не представлялись на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, и если можно говорить о ихъ значеніи, то лишь о значеніи подготовительномъ. Единственнымъ изъ всѣхъ Комитетскихъ проектовъ, который представлялся на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, былъ обширный проектъ дополнительнаго закона о состояніяхъ, заключавшій въ себѣ предположенія о

лучшемъ устройствѣ всѣхъ сословій Россіи. Но и проектъ закона о состояніяхъ практическаго значенія не получилъ вслѣдствіе сомнѣній, возбужденныхъ противъ него Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ.

Секретный Комитетъ существовалъ недолго. Послѣ 1830 года засѣданія Комитета были очень рѣдки, а чрезъ два года и совсѣмъ прекратились, хотя самый Комитетъ формально никогда не былъ закрытъ. Дѣла Комитета въ 1834 году были переданы въ 1-е отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи, въ 1856 году—во 2-е, а 1857 году въ Государственную Канцелярію. Журналы Комитета частію были отпечатаны Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ въ его Сборникѣ, 74-й томъ котораго и далъ матеріалъ для настоящей статьи.

Хотя, какъ выше сказано, дѣятельность Секретнаго Комитета практическаго значенія и не имѣла вообще, въ отношеніи духовнаго сословія она была далеко не бесполезной. Мѣропріятія, выработанныя Комитетомъ относительно способовъ улучшенія содержанія духовенства, не остались только на бумагѣ, но дали и болѣе осязательные результаты, вызвавъ извѣстный указъ 11-го января 1828 года, который, собственно, и положилъ прочное начало улучшенію матеріальнаго состоянія духовенства. Указъ 11 января 1828 года былъ подготовленъ Секретнымъ Комитетомъ и выработанъ имъ же. За одно это дѣло, столь важное по своимъ практическимъ послѣдствіямъ, нельзя не помянуть добрымъ словомъ Секретнаго Комитета 6 Декабря 1826 года.

Ниже мы увидимъ, что ровно черезъ три года послѣ открытія Комитета, благодаря сдѣланной имъ разработкѣ вопроса о содержаніи духовенства, 6 Декабря 1829 г. Именнымъ указомъ былъ установленъ съ 1830 г. вышеупомянутый отнускъ 500000 руб. изъ Государственнаго Казначейства на содержаніе причтовъ бѣдныхъ приходоу.

Учреждая Комитетъ, Правительство желало обратить свое попечительное вниманіе на всѣ классы подданныхъ, безъ исключеній и предпочтенія однихъ другимъ. Потому-то очень скоро въ ряду всевозможныхъ мѣропріятій было положено и

„назначеніе способовъ для улучшенія состоянія духовенства. Первый разъ вопросъ о немъ былъ поднятъ предсѣдателемъ Комитета въ засѣданіи послѣдняго 31 Августа 1827 года ¹⁾. Явившись 31 Августа какъ одно изъ предположеній Предсѣдателя Комитета, „назначеніе способовъ для улучшенія состоянія духовенства“ 30 Октября стало предметомъ спеціальнаго разсмотрѣнія. Засѣданіе Комитета 30 Октября почти всецѣло было посвящено именно разсужденію о необходимости улучшить состояніе православнаго духовенства. Вполнѣ естественно, что члены Комитета, при всей своей компетентности въ разсужденіи о дѣлахъ обще государственныхъ, по вопросу объ улучшеніи состоянія духовенства почувствовали необходимость въ указаніяхъ высшихъ его представителей, близко знакомыхъ съ бытомъ и нуждами своего сословія. Вотъ почему 30 Октября 1827 года Комитетъ разсудилъ войти въ объясненія съ однимъ изъ членовъ Святѣйшаго Синода, извѣстнымъ по своему благоразумію, свѣдѣніямъ и безпристрастію, чтобы точнѣйшимъ образомъ опредѣлить положеніе духовнаго сословія—„сего многочисленнаго и важнаго класса подданныхъ Его Императорскаго Величества“ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ вѣроятностію успѣха предначертать мѣры какъ для доставленія духовенству средствъ безбѣднаго существованія, такъ и для возвышенія его, а съ нимъ и самаго священническаго сана въ общемъ мнѣніи. Выборъ Комитета палъ на приснопамятнаго святителя Московскаго Филарета, бывшаго тогда въ С.-Петербургѣ и участвовавшаго въ засѣданіяхъ Святѣйшаго Синода. По мнѣнію Комитета, Филаретъ Митрополитъ Московскій соединялъ въ себѣ всѣ тѣ качества (благоразуміе, свѣдѣнія и безпристрастіе), которыя были вѣрнымъ залогомъ успѣха дѣла, почему и найдено было возможнымъ, если на то будетъ Высочайшее соизволеніе, пригласить Владыку Филарета на совѣщаніе, впрочемъ, не давая послѣднему ни какой гласности и не обращая его въ формальное засѣданіе. О предположеніи Комитета было постановлено довести черезъ Предсѣдателя графа Кочубея до свѣдѣнія Государя Императора. Любопытно, что Николай Павловичъ не только утвер-

¹⁾ Сборникъ Имп. Рус. Ист. Общ., томъ 74, СПБ. 1891, стр. 151.

дилъ сношенія Комитета съ Митрополитомъ Московскимъ, но и указалъ членамъ Комитета съѣзжаться у него для совѣщаній. Такъ, значитъ, велико было вниманіе Государя къ Митрополиту Филарету,—и какъ всѣ,—даже высшіе государственные дѣятели Россіи того времени—прислушивались къ его голосу, уважая его благоразуміе, свѣдѣнія и безпристрастіе! На подлинномъ журналѣ Комитета сохранилась слѣдующая надпись, сдѣланная рукою графа Кочубея. „Его Величество, соизволяя на сношенія Комитета съ Преосвященнымъ Митрополитомъ Московскимъ, желаетъ, что-бы они были сколько можно сокровенны и не имѣли въ виду какого либо особо установленнаго комитета, полагая для сего удобнѣйшимъ съѣзжаться у него“ ¹⁾. Эта резолюція Государя была заслушана въ засѣданіи комитета 9 Ноября 1827 года.

Согласно съ Высочайшей волей относительно предположеннаго совѣщанія съ Митрополитомъ Московскимъ, комитетъ въ засѣданіи 16 Ноября 1827 года поручилъ графу Кочубею и князю Голицыну посѣтить вмѣстѣ Преосвященнаго Филарета и узнать отъ него, какія мѣры имѣетъ въ виду Святѣйшій Синодъ, чтобы улучшить состояніе и воспитаніе бѣлаго духовенства и особенно сельскаго, и какіе способы, по собственному Филарета мнѣнію, могли бы приняты быть съ большимъ удобствомъ и пользою для достиженія этой важной цѣли, обратившей на себя *особенное вниманіе* Государя Императора ²⁾. Полученныя, такимъ образомъ, отъ Митрополита свѣдѣнія должны были служить основаніемъ къ дальнѣйшимъ сужденіямъ по данному вопросу. Нельзя здѣсь не обратить вниманія на то, что Комитетъ желаетъ узнать одновременно и мѣры, предположенныя Св. Синодомъ, и собственное мнѣніе Святителя Филарета: такъ, видимо, онъ дорожилъ послѣднимъ.

Въ засѣданіяхъ 2, 5 и 9 ноября того же 1827 г. въ цѣляхъ осуществленія общихъ предначертаній и задачъ Комитета былъ выработанъ и прочитанъ проектъ манифеста съ дополнительнымъ закономъ о состояніяхъ. При докладѣ о немъ Государю, послѣдній выразилъ сомнѣніе относительно того, что говорилось

¹⁾ Ibid, стр. 191—192.

²⁾ Ibid, стр. 197—198.

въ проектѣ манифеста о духовенствѣ. Николай Павловичъ находилъ, что правительству въ своихъ актахъ неудобно объявлять о томъ уничиженіи, въ какомъ находится наше духовенство, хотя бы это и было справедливо. Независимо отъ этого замѣчанія, касавшагося лишь редакціи манифеста, Императоръ Николай указалъ на то, что въ манифестѣ не опредѣлялось въ пользу духовенства ничего положительнаго, но давались лишь обѣщанія. Государь, занимавшійся уже способами улучшенія состоянія духовенства, затруднялся тѣмъ, что къ улучшенію не представлялось ни какихъ почти средствъ. Несомнѣнно; что такое участливое отношеніе Николая Павловича къ вопросу о способахъ улучшенія состоянія духовенства, предупредившее всѣ возможныя непріятныя случайности и столкновенія, и обнаруживавшее его несомнѣнную и глубокую заботу о духовенствѣ, побуждало и членовъ комитета къ болѣе дѣятельному и внимательному обсужденію вопроса объ улучшеніи участи духовенства.

По полученіи указанныхъ замѣчаній Николая Павловича „въ соображеніе“,—въ комитетѣ тотчасъ-же начинается и болѣе детальная разработка нашего вопроса. Сообразно съ замѣчаніями Императора, комитетъ 20-го ноября 1827 г. положилъ исключить изъ манифеста всѣ выраженія, означающія униженіе духовенства передъ другими сословіями, и сказать „что съ перемѣнами, въ оныхъ происшедшими, съ распространеніемъ промышленности и народнаго богатства, сіе званіе, особенно въ селеніяхъ, лишилось надлежащей съ прочими соразмѣрности въ выгодахъ гражданской жизни и самыхъ средствахъ безбѣднаго существованія“. Вмѣстѣ съ тѣмъ Комитетъ находилъ необходимо нужнымъ упомянуть о духовенствѣ въ такомъ законѣ, который долженъ былъ коснуться всѣхъ государственныхъ состояній, хотя-бы пока и не предвидѣлось возможности сдѣлать что-либо положительное въ пользу духовенства. Важно было уже и одно то, что духовенство не исключалось, его не обходили и нужды его признавали на ряду со всѣми другими общегосударственными нуждами. Комитетъ находилъ полезнымъ объявить въ манифестѣ, что Государь изъявляетъ свое попеченіе о благѣ духовенства—„сей важной части Его вѣрно-

поданныхъ“, поручая Святѣйшему Синоду приведеніе въ исполненіе своихъ намѣреній. Святѣйшій Синодъ преимущественно долженъ былъ, по мнѣнію Комитета, знать нужды духовенства и способы къ удовлетворенію этихъ—нуждъ, Императору же надлежало только дать обѣщаніе принять во вниманіе всѣ Синодальныя представленія по сему дѣлу. Комитетъ не скрывалъ отъ себя всѣхъ трудностей въ достиженіи желаемой цѣли и не надѣялся осуществленіе ея видѣть въ близкомъ будущемъ, но въ то же время онъ убѣжденно выражалъ то, что „благотворные виды Его Императорскаго Величества не останутся безъ исполненія“. Комитетъ ожидалъ также, что предназначенное совѣщаніе съ Митрополитомъ Московскимъ не будетъ бесполезно и приведетъ къ опредѣленію какихъ либо положительныхъ мѣръ въ пользу духовенства, о которыхъ тоже можно было-бы упомянуть въ манифестѣ ¹⁾.

Очень скоро состоялось и совѣщаніе Комитета съ Преосвященнымъ Филаретомъ. Комитетъ, видимо, работалъ весьма усердно. 9 ноября онъ узналъ о Высочайшемъ соизволеніи на сношенія съ Митрополитомъ Московскимъ, а на засѣданіи 21 декабря того же года въ Комитетѣ уже обсуждали результаты этихъ сношеній. Разсужденія графа Кочубея и князя Голицына, назначенныхъ къ Митрополиту Филарету для совѣщанія, были изложены въ особой запискѣ и представлены Митрополиту. Преосвященный Филаретъ исправилъ и дополнилъ эту записку и она въ обновленномъ своемъ видѣ была подана Николаю Павловичу. Николай Павловичъ, вмѣстѣ съ этой запиской, велѣлъ внести въ Комитетъ и другую, еще прежде составленную Митрополитомъ Филаретомъ ²⁾, а также и секретную записку министра финансовъ, заключавшую въ себѣ предначертаніе нѣкоторыхъ мѣръ для доставленія лучшаго содержанія сельскому духовенству. Посвятивъ засѣданіе 21 декабря чтенію этихъ записокъ, Комитетъ, по его собственному выраженію, старался, „болѣе и болѣе вникнуть въ суще-

¹⁾ Ibid. стр. 202—203.

²⁾ Обѣ записки м. Филарета напечатаны въ „собраніи его мнѣній и отзывовъ“, изданномъ арх. Саввою, т. 2.

ство представлявшихся разсмотрѣнію его вопросовъ и обозрѣтъ оныя во всѣхъ отношеніяхъ“¹⁾).

Всѣ разсужденія и замѣчанія митрополита Филарета Комитетъ нашелъ достойными величайшаго уваженія, признавая ихъ основанными на долготѣнемъ наблюденіи и опытѣ въ дѣлахъ управленія церковію и отличающимся благоразуміемъ и дальновидностію. Неудивительно поэтому, что онъ, не колеблясь, призналъ возможнымъ осуществить большую часть предположеній Преосвященнаго „безъ неудобствъ, безъ отягощенія государственной казны и съ вѣроятностію желаемаго успѣха“. Для достиженія совершенной правильности въ дальнѣйшемъ движеніи дѣла, Комитетъ находилъ нужнымъ вновь предписать Святѣйшему Синоду немедленно заняться изысканіемъ средствъ для улучшенія состоянія и воспитанія духовенства, при чемъ предоставить митрополиту Филарету выработанный имъ планъ улучшенія матеріальнаго положенія духовнаго сословія внести въ Синодъ въ видѣ особаго мнѣнія. Предположенія Филарета, по соображеніи ихъ съ мнѣніями другихъ членовъ Святѣйшаго Синода, должны были стать предметомъ новыхъ разсужденій Комитета. Пока же Комитетъ ограничился лишь слѣдующими двумя незначительными замѣчаніями на записки митрополита Филарета.

Первое замѣчаніе относилось къ обычаю такъ называемыхъ добродѣтельныхъ даяній за исправленіе требъ. Преосвященный Филаретъ высказался за оставленіе въ силѣ этого обычая, лишь только съ увеличеніемъ самыхъ даяній. Комитетъ, съ своей стороны, предъявилъ по данному вопросу слѣдующія соображенія.—Необходимость не измѣнять сего обычая, говорилъ Комитетъ, по крайней мѣрѣ еще нѣсколько времени, достаточно доказана, ибо нѣтъ сомнѣнія, что если вмѣсто даяній установить какой либо, даже и самый легкій налогъ для жалованья священникамъ, то, съ одной стороны, это можетъ малорадивыхъ между ними сдѣлать вовсе неисправными, съ другой-же, произвести ропотъ, возбудить негодованіе крестьянъ на священнослужителей и еще болѣе ослабить, къ сожалѣнію, уже весьма слабую въ Россіи связь между пастырями церковей

¹⁾ Сборн. т. 74, стр. 222.

и прихожанами ихъ. Комитетъ, однако же, полагаетъ и отчасти по тѣмъ же самымъ причинамъ, что не должно спѣшить возвышеніемъ цѣны установленныхъ нынѣ за духовныя требы даяній и что для избѣжанія новыхъ поводовъ къ злоупотребленіямъ и нераздѣльнымъ съ ними неудовольствіямъ и жалобамъ, нужно будетъ прежде разрѣшенія сего вопроса, еще разъ внимательно рассмотреть его, а, можетъ быть, и собрать нѣкоторыя дополнительныя свѣдѣнія о порядкѣ исправленія требъ, о взносѣ даяній и о томъ, что въ самомъ дѣлѣ платятъ за требы крестьяне.

Въ другомъ мѣстѣ преосвященный Филаретъ, исчисляя недостатки прежней схоластической системы ученія въ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ, предположилъ въ богословскихъ классахъ преподаванію быть исключительно на русскомъ языкѣ, употребленіе же латинскаго языка оставить только въ классахъ краснорѣчія и философіи. Комитетъ, находя это мнѣніе совершенно основательнымъ, въ отношеніи къ практическому богословію и церковной исторіи, относительно преподаванія богословія догматическаго и герменевтики, высказался за оставленіе латинскаго языка, чтобы изданіемъ новыхъ русскихъ книгъ о предметахъ высшаго богословія, обративъ на нихъ вниманіе людей мало просвѣщенныхъ, не подать случая къ неосновательнымъ толкованіямъ и догадкамъ, нерѣдко ведущимъ за собой пагубныя заблужденія въ мнѣніяхъ о самыхъ высшихъ истинахъ религіи.

Этимъ ограничились замѣчанія Комитета на записки Преосвященнаго митрополита Московскаго Филарета. Всѣ прочія предположенія его: о приличнѣйшемъ размѣщеніи воспитанниковъ духовныхъ семинарій, о соединеніи бѣднѣйшихъ приходовъ, о порядкѣ назначенія священниковъ въ оныя, о жалованьѣ священникамъ и о средствахъ къ предупрежденію злоупотребленій и безпорядковъ въ сборѣ даяній за требы, къ отстраненію отъ сего сбора всего, что въ немъ могло казаться унижительною, Комитетъ снова призналъ не только полезными, но и въ точности соотвѣтствующими предназначенной Правительствомъ благотворной цѣли. Оставалось лишь желать, чтобы, по достаточномъ соображеніи ихъ, были приняты надежнѣй-

шія мѣры исполненія и чтобы дѣйствіе этихъ мѣръ было надлежащимъ образомъ обезпечено.

Въ засѣданіи 21 Декабря была рассмотрѣна и секретная записка министра финансовъ, касавшаяся главнымъ образомъ надѣла причтовъ землею. Комитетъ призналъ, что предлагавшіяся въ ней мѣры могли быть приведены лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ есть пустопорожнія казенныя земли, отрѣзывать же у крестьянъ и даже заводовъ не казалось удобнымъ, потому что отъ такого распоряженія можно было ожидать тѣхъ же послѣдствій, что и, по замѣчанію митрополита Филарета, отъ установленія налога. Предположеніе министра финансовъ поставлено было препроводить въ Святѣйшій Синодъ для рассмотрѣнія, отдѣльно впрочемъ отъ указа о возложеніи на Святѣйшій Синодъ обязанности составленія общаго плана для улучшенія состоянія русскаго приходскаго духовенства ¹⁾).

Дѣло на этомъ не остановилось, продолжая съ удвоенной скоростью двигаться впередъ. Предначертанія Комитета весьма скоро стали Высочайшими повелѣніями. Въ первомъ же послѣ того засѣданіи—4 Января 1828 года, графъ Кочубей объявилъ слѣдующіе отзывы и приказанія Николая Павловича на журналъ 21 Декабря 1827 года: а) заготовить указъ Святѣйшему Синоду и поднести на Высочайшее усмотрѣніе; б) сообщить Оберъ-прокурору Свят. Синода князю Мещерскому о предположеніяхъ министра финансовъ; а также в) предоставить графу Кочубею и князю Голицыну, на прежнемъ основаніи, объясниться съ митрополитомъ Московскимъ о сдѣланныхъ Комитетомъ замѣчаніяхъ и объявить ему, что Государь Императоръ принялъ съ особеннымъ благоволеніемъ виды, содержащіяся въ представленныхъ имъ запискахъ. При этомъ Государь выражалъ желаніе, чтобы преосвященный Филаретъ, когда послѣдуетъ указъ Святѣйшему Синоду, предложилъ ему свои замѣчанія въ видѣ частнаго мнѣнія ²⁾).

На четвертый день, въ засѣданіи 8-го Января 1828 года, члены Комитета уже разсматривали и одобрили проектъ указа Свят. Синоду объ улучшеніи состоянія приходскаго и сель-

¹⁾ *ibid*, стр. 222—224.

²⁾ *ibid.*, 228—9.

скаго духовенства, составленный на основаніи Высочайше утвержденныхъ заключеній Комитета. Какъ видимъ, въ Комитетѣ исполненіе воли Императора не заставило себя ждать, и проектъ указа Свят. Синоду былъ составленъ безотлагательно. Графъ Кочубей представилъ проектъ указа на Высочайшее усмотрѣніе ¹⁾, и 11 Января 1828 года Святѣйшему Синоду былъ данъ нижеслѣдующій Именной указъ Государя Императора Николая Павловича—„объ изысканіи способовъ къ успѣшнѣйшему образованію духовнаго юношества и къ обезпеченію содержанія лицъ, духовному званію себя посвящающихъ“:

„Въ постоянномъ Нашемъ попеченіи о благѣ всѣхъ Нашихъ вѣрноподданныхъ, состояніе духовенства всегда привлекало на себя особенное Наше вниманіе. Въ твердой увѣренности, что добрые христіанскіе нравы составляютъ первое основаніе общественнаго благоденствія, а нравы назидаются наставленіемъ и примѣромъ духовенства, Мы всегда желали, чтобы чинъ духовный имѣлъ всѣ средства и къ образованію юношества, церкви посвящаемаго, и къ прохожденію служенія его съ ревностію и свойственнымъ ему достоинствомъ, не препинаясь заботами жизни и безбѣднаго своего содержанія.—Изъявивъ уже въ разныхъ случаяхъ Святѣйшему Синоду мысль и волю Нашу о сихъ важныхъ предметахъ, Мы признали за благо, симъ снова повелѣть, дабы Святѣйшій Синодъ неукоснительно представилъ Намъ способы, какіе найдетъ онъ нужными, съ одной стороны, къ успѣшнѣйшему образованію духовнаго юношества, а съ другой, дабы лица, духовному званію себя посвящающіе, особливо же приходскаго духовенства, обезпечены были въ средствахъ содержанія ихъ вездѣ и особенно въ приходсахъ бѣдныхъ“ ²⁾.

Какъ того требовалъ Императоръ, Свят. Синодъ, дѣйствительно, „неукоснительно“ представилъ Николаю Павловичу свой всеподданнѣйшій докладъ о способахъ улучшенія состоянія бѣлаго духовенства, воспользовавшись для сего главнымъ образомъ записками преосвящ. Филарета. Мы видимъ, что 18 Апрѣля 1828 года члены Комитета на своемъ засѣданіи раз-

¹⁾ *ibid.*, стр. 231.

²⁾ 2) Полн. Собр. Зак. Рос. Имп. т. III, 1828 г. № 1697-й.

сма тривали уже полученный ими отъ Государя докладъ Свя- тѣйшаго Синода. Комитетъ нашелъ мѣры, предлагаемыя Свят. Синодомъ, полезными, требованія же для приведенія ихъ въ дѣйствіе весьма умѣренными, почему и передалъ все дѣло въ Государственный Совѣтъ для окончательнаго рѣшенія. Къ Си- нодальному докладу была приложена и записка митрополита Филарета.

Въ Государственномъ Совѣтѣ, куда былъ сданъ Синодаль- ный докладъ, дѣло затянулось до Декабря 1829 года. Можно однако не жаловаться на долгое разсмотрѣніе доклада Совѣ- томъ, такъ какъ оно было для духовенства весьма благопрі- ятнымъ. Результатомъ совокупной дѣятельности Комитета, Свя- тителя Филарета, Свят. Синода и Государственнаго Совѣта явился Именной указъ Николая I-го, данный Свят. Синоду 6 Декабря 1829 года—„объ усиленіи вѣщшихъ способовъ къ образованію духовнаго юношества и къ обезпеченію церков- ныхъ причтовъ въ безбѣдномъ содержаніи“¹⁾. Это, именно, и былъ тотъ указъ, въ силу котораго былъ принятъ порядокъ постепеннаго отпуска суммъ изъ Государственнаго Казначей- ства для назначенія содержанія духовенству. Несомнѣнно, что такой порядокъ является и доселѣ самымъ вѣрнымъ ручатель- ствомъ обезпеченія духовенства: отсюда значеніе указа 6 Де- кабря 1829 года видно само собой. Въ исторіи нашего вопро- са ему принадлежитъ безспорно первое мѣсто, такъ какъ имъ собственно и положено прочное основаніе для улучшенія участи духовенства. Вотъ почему намъ кажется естественнымъ по- дробно ознакомиться съ содержаніемъ этого указа²⁾, а равно и съ приложенными къ нему „Положеніями о способахъ къ улучше- нію состоянія духовенства“.—Многія изъ прекрасныхъ пред- начертаній „указа“ и „Положеній“ и для нашего времени не

1) *ibid.*, т. IV, 1829 г. № 3323.

2) „Въ виду важности для духовенства заботъ Николая Павловича о сосло- вии духовномъ“ указъ 6-го Декабря 1829 года цѣликомъ напечатанъ еще, кро- мѣ 2 П. С. З. Р. И., въ Майской и Іюньской книжкѣ «Страннива» за 1898 г. въ статьѣ г. Н. Соловьева „Заботы Имп. Николая I-го о приходскомъ духовен- ствѣ“, но здѣсь нѣтъ исторіи происхожденія указа, такъ какъ данныя 74-го т. Сбор. Имп. Рус. Ист. Общ., очевидно, не были извѣстны автору статьи.

являются отжившими свой вѣкъ, хотя все еще ждутъ осуществленія на дѣлѣ.

Способы улучшенія состоянія духовенства, о которыхъ говорятъ „Указъ“ и „Положеніе“, имѣютъ въ виду а) образованіе кандидатовъ священства и опредѣленіе ихъ къ мѣстамъ, б) надѣленіе церковей землями и устроеніе домовъ для причтовъ и, наконецъ, в) обезпеченіе духовенства въ приходахъ бѣдныхъ.

а.

Для возвышенія образованія духовнаго юношества указъ 6 Дек. 1829 г. повелѣвалъ 1) пересмотрѣть, дополнить и исправить Уставъ духовныхъ училищъ; 2) составить новые штаты семинарій съ тѣмъ, чтобы всѣ воспитанники были на казенномъ издивеніи, и 3) составить, сообразно этому, смѣты издержекъ, какія и представить на Высочайшее утвержденіе. Распредѣленіе воспитанниковъ на мѣста должно было производиться по слѣдующимъ правиламъ (§§ 1—9 „Положенія“) Во священники производить кончившихъ въ духовныхъ академіяхъ или семинаріяхъ. Гдѣ мало своихъ кандидатовъ, заимствовать изъ другихъ епархій. Гдѣ кончившихъ не будетъ, тамъ производить и изъ неокончившихъ, но имѣющихъ добрыя умственныя и нравственныя качества. Академисты имѣютъ преимущество предъ семинаристами. Окончившихъ семинарію, но не получившихъ назначеній, оставлять въ вѣдомствѣ семинарій, чтобы повторяли богословскія науки, читали Свящ. Писаніе и проч. По случаю недостатка книгъ—семинаристъ, поступающій въ богословскій классъ, долженъ получать Библию отъ Синода, а при церквахъ должно заводить необходимое число книгъ, списокъ которыхъ долженъ быть составленъ въ Синодѣ. Чтобы обучающіеся въ духовныхъ училищахъ получали болѣе зрѣлое образованіе, епархіальные Архіереи должны наблюдать, чтобы къ философіи и богословію допускаемы были достаточно наставленные въ подготовительныхъ наукахъ и не слишкомъ малолѣтніе. Такъ какъ очень многіе не поступаютъ въ духовное званіе, то постановить, чтобы получившіе образованіе на средства духовныхъ училищъ служили по ду-

ховному вѣдомству не менѣе четырехъ лѣтъ; кто же пожелаетъ быть свободнымъ отъ этой обязанности, тотъ не можетъ пользоваться содержаніемъ Семинаріи. Архіереи чрезъ благочинныхъ должны наблюдать, чтобы дѣти духовенства, не обучающіяся въ школахъ, были наставляемы въ чтеніи и пѣніи, въ катихизисѣ и церковномъ уставѣ. Тѣ же, которые окажутся неспособными къ прохожденію церковныхъ должностей, должны быть увольняемы изъ духовнаго званія по желанію, или отсылаемы въ Губернскія Правленія для избранія другого рода жизни.

б.

Такъ какъ многія церкви еще не были снабжены землей, а также немало было церквей, владѣвшихъ землей лишь номинально, потому что относительно отмежеванныхъ имъ земель производились спорныя дѣла, то указъ строго подтверждаетъ о точномъ исполненіи всѣхъ законовъ касательно надѣленія церковныхъ причтовъ землею и устройства для ихъ жительства домовъ. Гражданскія Начальства должны были неопустительно и немедленно производить отмежеваніе церквамъ указаннаго количества земли и дополненій оной, а равно ускорять рѣшеніе всѣхъ спорныхъ дѣлъ о церковныхъ угодіяхъ. Земли, отмежеванныя церквамъ, навсегда признавались ихъ неприкосновенной собственностію; постороннихъ притязаній къ нимъ не допускалось. Не отчуждалась земля и въ томъ случаѣ, если церковь упразднялась, или приписывалась къ другой, а переходила въ собственность этой послѣдней. Прихожане и помѣщики призывались къ устройенію и поддержанію домовъ для церковныхъ причтовъ, начиная съ домовъ священниковъ. Кромѣ того, для приходоуказанныхъ селеній, горныхъ и соляныхъ заводовъ устанавливались тройныя, двойныя, полуторныя и др. нарѣзки земли сверхъ узаконенной пропорціи. Гдѣ крестьяне имѣли надѣль свыше 15 десятинъ, тамъ съ 33 десятинъ церковный надѣль увеличивался до 99 десятинъ; гдѣ крестьяне имѣли отъ 12 до 15 десятинъ, тамъ церкви получали 66 дес.; гдѣ крестьяне имѣли отъ 8 до 12 дес., тамъ церковная земля увеличивалась до 49½ десятинъ, гдѣ же крестьяне имѣли менѣе

8 десятинь, тамъ нарѣзка къ церковному надѣлу должна была производиться по усмотрѣнію министра финансовъ. Опредѣлялся положеніемъ и самый характеръ земли, отводившейся для церквей: она должна была находиться возможно ближе къ жительству духовенства, требовалась земля пахатная, или способная къ хлѣбопашеству, съ надлежащей припорціей сѣно-косовъ; какъ надѣль, такъ и прирѣзки назначались для одного причта, если же гдѣ было два или три причта, то каждый получалъ особый надѣль. Указанный порядокъ имѣлъ силу для тѣхъ губерній, гдѣ было уже произведено межеваніе земель, въ другихъ же губерніяхъ онъ вступалъ въ силу, какъ только и здѣсь межеваніе приходило къ концу.

в.

Обезпеченію духовенства въ приходахъ бѣдныхъ было удѣлено особенное вниманіе. Если представлялось возможнымъ малолюдный и бѣдный приходъ закрыть и приписать къ другому, то Епархіальное начальство такъ и должно было поступить. Но если такъ дѣлать представлялось неудобнымъ по отдаленности прихода отъ другихъ, или вслѣдствіе плохихъ путей сообщенія, или изъ предосторожности противъ охлажденія прихожанъ къ церкви, то Епархіальный Архіерей докладывалъ объ этомъ Св. Синоду, при чемъ сообщалъ подробныя свѣдѣнія о приходѣ и указывалъ, какой годовой окладъ нужно присовокупить къ собственнымъ той или другой церкви способамъ для безбѣднаго содержанія причта“. При такой церкви діакона не полагалось. Если же прихожане желали имѣть, то для исполненія своего желанія должны были обезпечить содержаніе всему причту, послѣ чего церковь выходила изъ разряда бѣдныхъ и окладъ для нея отмѣнялся. Точно также церковь не признавалась болѣе нуждающейся и прекращался для нея вспомогательный окладъ и тогда, когда мѣсто при пей, въ случаѣ его открытія, какойнибудь проситель соглашался занять безъ вспомогательнаго оклада. Окладъ назначался или для всего причта или только для священника; въ послѣднемъ случаѣ священникъ лишался права пользованія церковной землей, которая вся поступала другимъ членамъ причта. Размѣръ окладовъ для

причтовъ бѣдныхъ приходовъ опредѣлялся разный, отъ 300 до 500 рублей. На производство этихъ окладовъ по указу 6 декабря 1829 г. вѣльно было отпустить въ распоряженіе Святѣйшаго Синода, начиная съ 1830 года, по пятисотъ тысячъ рублей ежегодно изъ Государственнаго казначейства, съ тѣмъ, чтобы эта сумма на другіе предметы не расходовалась и чтобы къ ней присоединялись все остатки отъ суммъ, состоявшихся въ распоряженіи Комиссіи духовныхъ училищъ.

Такъ въ сравнительно недолгой промежутокъ времени волей Николая Павловича осуществилось одно изъ самыхъ важныхъ мѣропріятій въ исторіи обезпеченія нашего духовенства. Не оставилъ добрый Царь своей милостию духовенство и послѣ, хотя къ сожалѣнію, Комитетъ 6 декабря 1826 г. вскорѣ и прекратилъ свою полезную для духовенства дѣятельность. Съ открытіемъ въ 1837 г. Министерства Государственныхъ Имуществъ Николай I-й передалъ ему къ исполненію существенѣйшую часть своихъ заботъ о матеріальномъ обезпеченіи духовенства¹⁾. И здѣсь общее направленіе мѣръ по обезпеченію содержанія сельскаго духовенства было то же, что и въ Комитетѣ 6 декабря 1826 года, такъ какъ оно опредѣлялось одной и той же державной волей Николая Павловича. Въ первый же годъ основанія министерства были представлены на Высочайшее усмотрѣніе и утвержденіе слѣдующія соображенія: 1) о примѣненіи образованія духовнаго юношества къ условіямъ сельской жизни, т. е. о введеніи въ Семинаріяхъ преподаванія сельскаго хозяйства и медицины; 2) о содержаніи духовенству отъ казны, съ постройкой домовъ и съ отводомъ земельныхъ участковъ, и 3) о возложеніи на духовенство образованія сельскаго юношества. Съ введеніемъ этого послѣдняго мѣропріятія добавочное содержаніе духовенству за обученіе сельскихъ дѣтей доходило по исчисленію Минист. Государ. Имущ. до 100.000 руб. въ годъ. Далѣе, въ особомъ комитетѣ было выработано положеніе, утвержденное Николаемъ Павловичемъ въ 1839 г., по которому опредѣлялось жалованье сельскимъ причтамъ, при чемъ

¹⁾ Историческое обозрѣніе 50-ти лѣтней дѣятельности Мин. Гос. Имущ. 1837—87 гг. ч. II, Слб. 1888 г. стр. 44—46.

Епархіальное Начальство должно было заботиться о прекращеніи, съ введеніемъ этого положенія, взиманія платы за требы. Это положеніе практически осуществляться начало съ 20 іюля 1842 года. Прежде всего оно было введено въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ возсоединенное духовенство при помѣщикахъ—католикахъ особенно нуждалось въ правительственной поддержкѣ, затѣмъ постепенно стало вводиться и въ губерніяхъ великорусскихъ, такъ что „къ концу царствованія Николая I въ 32 епархіяхъ пользовались казеннымъ жалованьемъ причты 13.214 церквей“¹⁾. Изъ другихъ пособій духовенству, осуществлявшихся въ Мин. Гос. Имущ., слѣдуетъ отмѣтить еще бесплатный отпускъ дровъ, начало которому было положено съ 1852 г. Для рѣшенія дѣлъ, касавшихся обезпеченія духовенства, въ великорусскихъ губерніяхъ были учреждены особые Губернскіе комитеты, съ участіемъ управляющихъ палатами государственныхъ имуществъ. Въ первые 17 лѣтъ съ основанія Мин. Гос. Имущ. причтамъ было отведено земли 102.634 десятины; съ прежде отведенными всего было у церквей 403.635 десятинь.

Такъ широка и многостороння была помощь, оказанная нашему духовенству щедрой рукой одного изъ лучшихъ государей Россіи, Императора Николая Павловича; да будетъ же ему отъ насъ вѣчная молитвенная память!

Свящ. І. Кречетовичъ.

¹⁾ Доброклонскій. Ист. Рус. Цер., вып. 4-й Москва 1893, стр. 184.

ФИЛОСОФІЯ МОНИЗМА.

(Критическій разборъ сочиненія Геккеля „Die Welträthsel.
Bonn. 1899).

(Продолженіе *).

Съ чисто логической точки зрѣнія дарвинизмъ нельзя не уличать въ непослѣдовательности и противорѣчіяхъ. И если онъ не способенъ объяснить происхожденіе міровой жизни, то для его *мыслящихъ* послѣдователей должно бы быть непонятнымъ и самое *существованіе* міра. Отвергнувъ цѣлесообразное *устройство* міра, Дарвинъ, какъ мы видѣли, долженъ былъ допустить *случайность* мірообразования. Но какъ возможно вообще случайное бытіе? Какая причина или какая сила опредѣляетъ существованіе въ природѣ тѣхъ, а не другихъ формъ или видовъ? На этотъ вопросъ *Дарвинъ* не могъ найти отвѣта въ своей гипотезѣ и потому сталъ учить о такъ называемомъ *приспособленіи* организмовъ къ жизни въ природѣ. По убѣжденію *Дарвина*, организмы вообще превосходно *приспособлены* къ внѣшней природѣ и потому существуютъ. Но для каждаго понятно, что выраженіе „превосходно приспособлены“— то же, что и выраженіе „цѣлесообразно устроены“. И нужно замѣтить, что это указаніе на *приспособленіе* организмовъ у *Дарвина* вовсе не случайная мысль; нѣтъ, напротивъ, это— главная точка зрѣнія его, это именно и есть тотъ принципъ, изъ котораго *Дарвинъ* объясняетъ не только свойства и различія организмовъ, но и самую возможность ихъ существованія. Итакъ, *Дарвинъ* только замѣнилъ одно слово другимъ; но

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1900 г. № 6.

самую цѣлесообразность мірового устройства не только не отвергъ, а напротивъ въ дѣйствительности признаетъ ее болѣе другихъ мыслителей.

Кто же далъ міровому устройству эту цѣлесообразность? Или, говоря языкомъ *Дарвина*,—кто превосходно *приспособилъ* организмы для жизни въ природѣ? Кто привыкъ мыслить логично и послѣдовательно, тотъ въ самомъ фактѣ превосходнаго приспособленія или цѣлесообразнаго устройства организмовъ не можетъ не видѣть яснѣйшаго доказательства той истины, что организмы устроены преднамѣренно, по напередъ выработанному плану, Высшею Разумною Силою. Но дарвинисты ничего не хотятъ знать о такой Силѣ и снова обращаются къ слѣпому случаю. Организмы, по ихъ мнѣнію, просто случайно оказались превосходно приспособленными къ жизни. Правда,—говорятъ дарвинисты и во главѣ ихъ нашъ *Геккель*,—безконечные ряды организмовъ природа произвела неприспособленными къ жизни и потому они вымерли; но достаточно было одному организму явиться случайно приспособленнымъ къ жизни,—и жизнь стала возможною. Это разсужденіе столь наивно и ненаучно, что кому дорого время, тотъ не сталъ бы обращать на него и вниманія. Гдѣ рѣчь идетъ о слѣпомъ случаѣ, тамъ нѣтъ мѣста для науки. Но въ виду той популярности, какою пользуется дарвинизмъ въ обществѣ еще и въ наше время, мы должны показать ложь и этого разсужденія ¹⁾. Это сдѣлать легко. Дарвинисты любятъ опираться на такъ называемыя опытыя науки: анатомію, фізіологію, онтогенію, филогенію, геологію и палеонтологію. Послѣдуемъ ихъ примѣру и мы. Такъ какъ, по ихъ словамъ, многочисленныя организмы, которые природа произвела неприспособленными къ жизни, вымерли и теперь должны находиться гдѣ либо въ древнѣйшихъ слояхъ земли, то къ нимъ не могутъ быть примѣнены результаты, достигнутыя анатоміею и фізіологіею; но о геологіи и палеонтологіи нельзя этого сказать. Геологи нашего времени сдѣлали много: почти на

¹⁾ Какою рѣдкою популярностію пользуется въ русскомъ обществѣ *дарвинизмъ*, объ этомъ можно судить уже потому, что переводъ главнаго сочиненія Дарвина (О происхожденія видовъ) выдержалъ у насъ четыре изданія, а сочиненіе его „О происхожденія человѣка“ вышло въ свѣтъ одновременно въ трехъ переводахъ.

пятьдесятъ верстъ они проникли въ нѣдра земли, изучили различные пласты и наслоенія и отыскали много экземпляровъ окаменѣлыхъ растеній и животныхъ, которые и служатъ предметомъ изученія палеонтологовъ. Если бы природа дѣйствительно произвела первоначально *безчисленное множество* организмовъ нецѣлесообразно устроенныхъ, то естественно ожидать, что большинство находимыхъ въ землѣ окаменѣлыхъ организмовъ должно принадлежать къ этимъ неудачнымъ опытамъ слѣпой природы. Однако же до сихъ поръ ни одного такого неприспособленнаго къ внѣшней природѣ организма не найдено въ нѣдрахъ земли. Чѣмъ объяснить это странное, повидимому, явленіе? Объясненіе одно: такихъ организмовъ никогда не существовало внѣ фантазіи ослѣпленныхъ своимъ ложнымъ міровоззрѣніемъ дарвинистовъ.

Сказаннаго, конечно, достаточно для того, чтобы видѣть научную несостоятельность дарвинизма, какъ философскаго міровоззрѣнія. Но удовлетворится ли сказаннымъ такой дарвинистъ, какъ *Геккель*? Конечно, нѣтъ! Съ *Дарвиномъ* можно бы еще имѣть дѣло. Первоначально *Дарвинъ* выступилъ только какъ ученый и многосвѣдущій естествоиспытатель; его метафизическіе выводы были нерѣшительны и гипотетичны; первоначально онъ вовсе не выдавалъ своего міровоззрѣнія за непреложную истину, а лишь за возможную гипотезу. Первоначально, именно въ 1859 году, въ первомъ изданіи своего сочиненія „О происхожденіи видовъ“ онъ, дѣйствительно, какъ утверждаетъ и *Геккель*, не рѣшился сдѣлать заключенія о томъ, что человѣкъ произошелъ отъ обезьяны; если же въ 1871 г. въ своемъ сочиненіи „О происхожденіи человѣка“ онъ и рѣшился высказать предположеніе, что, быть можетъ, человѣкъ произошелъ отъ какого-либо обезьяновиднаго существа, то, безъ сомнѣнія, онъ сдѣлалъ это только подъ давленіемъ такихъ друзей своихъ, какъ *Гексли* и *Геккель*, которые успѣшили сдѣлать этотъ легкомысленный выводъ изъ положеній *Дарвина* раньше самаго *Дарвина*—первый—въ 1863 году, второй—въ 1868 году ¹⁾. *Дарвинъ* даже не былъ атеистомъ; изъ его со-

¹⁾ Лямаркъ, говоритъ *Дарвинъ* (стр. XI), много времени тому назадъ пришелъ къ этому заключенію, которое поддерживается теперь многими знаменитыми

чиненій видно, что первоначально, по крайней мѣрѣ, онъ вѣровалъ въ бытіе Божіе, хотя, быть можетъ, только въ деистическомъ смыслѣ. Такъ въ своей книгѣ „О происхожденіи видовъ“ онъ говоритъ: „Есть величіе во взглядѣ на жизнь, съ ея различными силами, по которому она была первоначально вдохнута Творцемъ въ немногія, или въ одну форму“. Въ другомъ мѣстѣ по поводу постепеннаго усовершенствованія глаза на различныхъ ступеняхъ органическаго развитія онъ говоритъ: „Пусть этотъ процессъ будетъ происходить въ теченіе милліоновъ лѣтъ; и въ теченіе каждаго года на милліонахъ особей различныхъ видовъ;—не можемъ ли мы повѣрить, что живой оптической инструментъ могъ бы этимъ путемъ стать настолько совершеннѣе стекляннаго, насколько дѣла Создателя совершеннѣе дѣлъ человѣческихъ“? А въ послѣдней главѣ названнаго сочиненія *Дарвина* рассуждаетъ такимъ образомъ: „Я не вижу основательной причины, почему взгляды, изложенные въ этой книгѣ, могли бы быть оскорбительными для чьихъ бы то ни было религіозныхъ чувствъ. Весьма утѣшительно вспомнить, какъ доказательство того, насколько преходящи подобныя впечатлѣнія,—что на величайшее изъ открытій, когда либо сдѣланныхъ человѣкомъ,—на законъ тяготѣнія, Лейбницъ нападалъ, какъ на подрывающее естественную религію и непочтительное по отношенію къ религіи откровенной. Одинъ знаменитый писатель и вмѣстѣ духовное лицо писалъ мнѣ, что онъ постепенно научился видѣть, что вѣрованіе въ то, что Богъ создалъ небольшое число первобытныхъ формъ, способныхъ къ саморазвитію въ другія необходимыя формы, составляетъ столь же вѣрное и столь же возвышенное понятіе о Божествѣ, какъ и то, по которому Ему понадобились бы новые акты творчества для возмѣщенія пустотъ, причиненныхъ дѣйствіемъ Его же законовъ“. Какъ бы мы ни понимали эти выраженія *Дарвина*,—они ясно говорятъ о томъ, что *Дарвинъ* не имѣлъ никакого желанія прослыть атеистомъ. Онъ и въ этомъ отношеніи не оставляетъ своей осмотрительности и нерѣшительности.

(eminent) натуралистами и философами (?); таковы Уоллесъ, Гексли, Лайэаль, Фогтъ, Леббокъ, Бюхнеръ, Ролле и др., и въ особенности Геккель.

Совершенно инымъ представляется *Геккель*. *Геккеля* называютъ (Вигандъ и др.) „нѣмецкимъ Дарвиномъ“, „корифеемъ дарвинизма“, „enfant terrible дарвинизма“ и т. д. Но всѣ эти и подобныя имъ названія только отчасти характеризуютъ *Геккеля*. Его мало назвать „Дарвинистомъ большимъ самаго Дарвина“. Намъ кажется наиболѣе вѣрно охарактеризовалъ его покойный Страховъ, назвавъ его просто по-русски—„большеннымъ дарвинистомъ“. И дѣйствительно неясно выраженное *Дарвиномъ* предположеніе, что человѣкъ произошелъ отъ обезьяны, стало *idée fixe Геккеля* и столкнуло его съ прямого логическаго пути философскаго мышленія. Онъ готовъ проводить эту идею съ тою логически невозможною дерзостію, которую уже принято въ наукѣ называть „геккелевскою“¹⁾; ради ея онъ искажаетъ ученіе самаго *Дарвина*, вымышляетъ не существующіе результаты опытныхъ наукъ, дѣлаетъ возмутительныя логическіе скачки, раздражается, извращаетъ мнѣнія противниковъ, прибѣгаетъ къ площаднымъ ругательствамъ и иногда заканчиваетъ свои научныя экскурсіи камерою мирового судьи. Всѣ эти приемы *Геккелевскаго* философствованія уже достаточно осѣнены въ русской (и даже не духовной) литературѣ. Чтобы составить о нихъ представленіе, достаточно для этого прочитать сочиненіе *Н. Н. Страхова* „Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ“ или капитальный трудъ *Н. Я. Данилевскаго* „Дарвинизмъ“. Въ этихъ сочиненіяхъ многіе выводы и разсужденія *Геккеля* прямо называются (и называются... совершенно справедливо) „пошлостью“, „абсурдомъ“, „нелѣпностью“, „враньемъ“, „безсмыслицею“, „сорочьимъ стрекотаньемъ“ и т. п. Для примѣра мы приведемъ только одно мѣсто изъ книги *Данилевскаго*, въ которомъ прекрасно показано, насколько сбивчиво и неясно *Геккель* понимаетъ даже то самое ученіе, которое онъ считаетъ своимъ и которое онъ защищаетъ „всѣми правдами и неправдами“. „До какой степени можетъ доходить (у дарвинистовъ) сбивчивость и путаница понятій,—говоритъ *Данилевскій*, всего лучше показываетъ *Геккель*, считаемый однимъ изъ корифеевъ дарвинизма—„Нѣмецкимъ Дарвиномъ“, какъ называетъ его Вигандъ“. Изъ сочине-

¹⁾ Срв. *Данилевскаго* „Дарвинизмъ“, т. I. ч. II. стр. 457.

ній *Геккеля Данилевскій* приводитъ немного выписокъ; но „ихъ вполне достаточно, говоритъ онъ, чтобы представить примѣръ невообразимаго хаоса, который можетъ происходить въ головѣ человѣка, пріобрѣвшаго себѣ репутацію замѣчательнаго, во мнѣніи же его многочисленныхъ приверженцевъ, даже перво-класснаго ученаго, изъ игры основными началами Дарвинова ученія“... „Приспособленіе (говоритъ *Геккель*) есть первое предварительное условіе всякаго прогресса“. „Что это значитъ?“—спрашиваетъ *Данилевскій*. „Когда приспособленіе органической формы совершилось, то совершился и органическій прогрессъ. Чего же еще нужно? и какъ можетъ достигнутый результатъ быть предварительнымъ условіемъ достиженія того же самаго результата? Вѣдь это все равно, что сказать: славный и выгодный миръ есть предварительное условіе побѣдоносной войны, къ такому миру ведущей!... „Черезъ посредство приспособленія (говоритъ *Геккель*) совершаются всѣ измѣненія, которыя претерпѣваютъ органическія формы, подъ вліяніемъ внѣшнихъ жизненныхъ условій. Оно есть настоящая причина каждаго измѣненія“.—Приспособленіе, принаравливаніе, прилаживаніе (говоритъ *Данилевскій*) должно быть причиною измѣненія!—читаешь и едва вѣришь, что человѣкъ *въ здоровомъ умѣ* могъ написать подобную *безсмыслицу*, и еще болѣе, что умъ, одаренный такою *логикою*, можетъ пользоваться авторитетомъ!... Вотъ еще цитаты: „Когда подъ вліяніемъ борьбы за существованіе, отношенія между наследственностью и приспособленіемъ вступаютъ въ тѣснѣйшее взаимодѣйствіе; то необходимо должны происходить измѣненія полезныя для самихъ организмовъ“. Да вѣдь приспособленіе и есть не что иное, какъ измѣненіе для самаго организма полезное, а если оно уже тутъ на лицо, ну такъ, конечно, оно тутъ на лицо и есть. Но что же этой фразой сказано, и какія измѣненія должны тутъ необходимо происходить, когда они уже произошли, и приспособленіе уже готово? И для чего тутъ и что дѣлаетъ борьба за существованіе? „При видоизмѣненіи организмовъ борьбою за существованіе наследственность и приспособленіе, въ ихъ различныхъ взаимодѣйствіяхъ, дѣйствуютъ, какъ видоизмѣняющія причины“. Въ одномъ и томъ же предложеніи то борьба за существованіе, то на-

слѣдственность вмѣстѣ съ приспособленіемъ являются видоизмѣняющими причинами! „По средствомъ борьбы за существованіе происходятъ изъ индивидуальнаго измѣненія, по законамъ наследственности и приспособленія, новыя разновидности“. Законы наследственности въ самомъ благопріятномъ случаѣ могутъ повести только къ тому, что индивидуальное измѣненіе вполнѣ передается потомкамъ, но все же останется не болѣе, какъ индивидуальнымъ измѣненіемъ; а какіе такіе законы приспособленія?—они ни въ чемъ иномъ не состоятъ какъ въ томъ, что измѣненіе оказалось соотвѣтственнымъ даннымъ условіямъ, а не въ томъ, чтобы существовала какая либо особенная сила—*sui generis*, которая обращала бы несоотвѣтственное или безразличное измѣненіе въ соотвѣтственное и для организма полезное... „Естественный подборъ основывается на взаимодействіи принаровленія и наследственности“,—совершенно наоборотъ: приспособленіе есть результатъ естественнаго подбора... Здѣсь что ни слово, то *вздоръ*, и противорѣчіе Дарвину“. Сдѣлавши еще нѣсколько выписокъ изъ сочиненій *Геккеля* и показавъ, какая царитъ у него путаница понятій, Данилевскій говоритъ: „Но кромѣ *путаницы понятій* видно, что съ каждымъ изъ нихъ не соединяется никакого опредѣленнаго представленія, что не только не съ чѣмъ тутъ соглашаться, но нечему и возражать, ибо, собственно говоря, ничего понять нельзя; мало того, что все это *неверно, ложно, вздорно*,—это просто—ровно ничего. Говоря образнымъ языкомъ Карлейля, это—*сорочье стрекотанье*, а не членораздѣльная человѣческая рѣчь“.

Такой же невыгодный отзывъ о *Геккель*, не только не понявшемъ, но и исказившемъ исповѣдуемое имъ самимъ ученіе *Дарвина*, дѣлаетъ и покойный *Страховъ* „Относительно Дарвина, говоритъ онъ, можно сказать, что его не знаютъ и не понимаютъ не только обыкновенные читатели, но и сами ученые, ставшіе его послѣдователями. Въ Германіи самый извѣстный изъ дарвинистовъ есть нѣкто *Геккель*, авторъ многихъ объемистыхъ ученыхъ сочиненій. Между тѣмъ его пониманіе Дарвиновой теоріи ужасно по своей грубости. Вотъ, напри- мѣръ, какъ онъ излагаетъ сущность дѣла (слѣдуетъ букваль-

ный переводъ изъ сочиненія Геккеля „О происхожденіи и родословномъ древѣ человѣческаго рода“ 1868, стр. 23, 24—гдѣ, между прочимъ, наследственность и измѣнчивость называются *силами природы*, питаніе и размноженіе—„чисто механическими процессами“ и т. д.). Вотъ изложеніе, противъ котораго долженъ бы жестоко вооружиться самъ Дарвинъ, если бы заботился о точномъ смыслѣ своей теоріи, а не объ одной извѣстности, не объ одномъ приобрѣтеніи поклонниковъ, каковы бы они ни были. Но противъ словъ Геккеля вооружится и всякій физикъ, всякій физиологъ. Какъ?—Наследственность и измѣнчивость суть *силы природы!* Большой *безсмыслицы* въ употребленіи слова *сила* еще не бывало. „Питаніе и размноженіе суть чисто механическіе процессы“; но кто же и когда это доказалъ?... Мысль Дарвина, очевидно, получила у Геккеля самый превратный смыслъ“...

Мы остановили вниманіе на отзывахъ *Данилевскаго* и *Страхова* о сбивчивости и путаницѣ понятій *Геккеля* относительно ученія *Дарвина*, потому что такую же сбивчивость и такую же путаницу понятій онъ вноситъ и въ сужденіе о происхожденіи человѣка.

Извѣстна нашимъ ученымъ и удивительная способность *Геккеля* выдумывать ни когда не существовавшіе результаты опытныхъ наукъ. „Геккель, говоритъ, напримѣръ, *Данилевскій*, не нуждается уже ни въ какомъ, даже самомалѣйшемъ остаткѣ исчезнувшихъ животныхъ, чтобы создавать ихъ въ своемъ воображеніи de toute piéce, да не только создавать животныхъ, но и самыя мѣстожительства ихъ. Мы имѣемъ, напр., Мѣловую фармацію,—г. Геккель сверхъ ея придумалъ еще Предмѣловую: мы имѣемъ Юрскую, онъ находитъ въ своемъ воображеніи Предюрскую; но, какъ мѣста все еще не хватаетъ для его созданій, въ древнѣйшей Силурійской, раздѣленной на три самостоятельныя формаціи: собственно Силурійскую, Кембрійскую и Лаврентійскую, онъ интерпонируетъ еще между ними Досилурійскую, Докембрійскую, и всѣмъ имъ заставляеть предшествовать Долаврентійскую и помѣщаетъ въ нихъ зачатки органическихъ формъ, имѣвшихъ развиться впоследствии. Если такимъ образомъ сочиняется гипотетическая зоологія и геоло-

гія, то почему бы не сочинить зоологіи, а также и ботаники, или общѣе—біологіи *пророческой*—*Biologia prophetica*? Это было бы по истинѣ необычайное торжество—ни съ чѣмъ несравнимый процессъ науки!“.

Дарвинова гипотеза, какъ извѣстно, безъ головы; она никакъ не можетъ разрѣшить вопроса: откуда явилась на землѣ органическая жизнь. Самъ *Дарвинъ*, какъ мы видѣли, предположилъ, что всемогущій Творецъ первоначально вдохнулъ жизнь въ нѣсколько, или, по крайней мѣрѣ, одну клѣточку. *Геккелю*, *Геккелю* и другимъ дарвинистамъ эта мысль *Дарвина* приплась не по сердцу. Они стали искать и нашли протоплазматическое безформенное существо на большой глубинѣ Атлантического океана. Существо это было названо „*Геккелевою глубокоживкою*“ (*Bathybius Heckelii*). Имя *Геккеля* такимъ образомъ увѣковѣчено! Жаль только, что послѣ тщательнѣйшаго изслѣдованія эта „*Геккелева глубокоживка*“ оказалась простымъ *химическимъ* осадкомъ, произведеннымъ въ морской водѣ дѣйствіемъ алкоголя, употребленнаго какъ предохранительное средство!

Въ разрѣшеніи вопроса о происхожденіи человѣка отъ обезьяны *Геккель* оказался вѣрнымъ самому себѣ: дѣйствительные результаты опытныхъ наукъ онъ замалчиваетъ; отъ логическихъ прыжковъ его не сдерживаетъ никакая пропасть; на мнимыя открытія выгодныя для дарвинизма онъ чрезвычайно щедръ.

Анатомическое *сходство* въ строеніи организмовъ человѣка и млекопитающихъ животныхъ *Геккель* признаетъ, какъ мы видѣли, вполне достаточнымъ основаніемъ для своего предвзятаго вывода, что человѣкъ произошелъ отъ обезьяны. Но, по своему совершенно ненаучному обычаю, онъ, какъ мертвый, молчитъ о тѣхъ дѣйствительныхъ результатахъ сравнительной анатоміи, которыя указываютъ даже физическое существенное различіе между человѣкомъ и обезьяною и потому не даютъ ему никакого права на его излюбленный выводъ. Такъ, изъ сравнительной анатоміи мы узнаемъ, что объемъ мозга у самой развитой обезьяны шимпанзе не превышаетъ 500 кубическихъ сантиметровъ, а у австралійскаго негра, представителя самой низшей и самой малорослой человѣческой расы, онъ не менѣе

1628 кубическихъ сантиметровъ, такъ что у новорожденнаго дитяти австралійца объемъ мозга вдвое больше объема мозга взрослой обезьяны шимпанзе. Интересно знать, какой отсюда выводъ сдѣлалъ бы *Геккель*! Но это указаніе сравнительной анатоміи онъ предпочелъ пройти полнымъ молчаніемъ.

Далѣе,—сравнительная анатомія утверждаетъ, что устройство всѣхъ голосовыхъ аппаратовъ у человѣка существенно сходно съ устройствомъ голосовыхъ аппаратовъ у обезьянъ, собакъ и другихъ животныхъ. Но никто не сомнѣвается въ томъ, что даромъ слова владѣетъ только человѣкъ. Ясно, что даръ слова представляетъ одно изъ существенныхъ различій между человѣкомъ и животными. Это до сихъ поръ признавали и всѣ дарвинисты,—признавалъ это даже и *Геккель* и находилъ въ немъ серьезное возраженіе противъ предположенія, что человѣкъ произошелъ отъ обезьяны. Теперь, какъ мы видѣли, *Геккель* отыскалъ какой-то индійскій видъ обезьянъ—*Hylobates syndactylus*, который поетъ всю октаву въ совершенно чистыхъ и звучныхъ полутонахъ; слѣдовательно,—нашъ языкъ произошелъ изъ несовершеннаго языка нашихъ пліоцеиновыхъ предковъ—обезьянъ. Поразительная логика! *Геккель* какъ бы забываетъ, что рѣчь идетъ о дарѣ слова, а не о различеніи звуковъ. *Геккель* какъ бы не знаетъ въ чемъ дѣло; онъ былъ бы правъ въ томъ только случаѣ, еслибы противники дарвинизма указывали на *пѣніе*, какъ на существенное различіе между человѣкомъ и животными. Для различія звуковъ нужно только правильно устроенное и хорошо развитое ухо; а уши есть у каждаго животнаго и животныя поѣтому не только могутъ, но и должны различать звуки или тоны. Но даръ слова предполагаетъ способность съ извѣстною комбинаціею звуковъ соединять отвлеченныя понятія или мысли; поѣтому можно встрѣтить не мало людей, которые не способны пропѣть октавы тоновъ, какъ поетъ ихъ (если это правда) геккелевская обезьяна, но которые прекрасно говорятъ и рассуждаютъ логичнѣе *Геккеля*.

Здѣсь слѣдовало бы говорить о психическомъ различіи между человѣкомъ и животными; но разсужденію о душѣ человѣка и животныхъ *Геккель* посвящаетъ почему-то особый от-

дѣль въ своей книгѣ (слѣдующій за рассматриваемымъ). Рѣшившись слѣдовать за *Геккелемъ* шагъ за шагомъ, мы также не будемъ его упреждать, а перейдемъ къ разрѣшенію вопроса о такъ называемомъ промежуточномъ звенѣ между человѣкомъ и обезьяною.

Въ первой книжкѣ еженедѣльнаго берлинскаго клиническаго журнала („Berliner klinischen Wochenschrift“) за 1893 годъ была помѣщена прекрасная статья знаменитаго берлинскаго антрополога профессора *Вирхова* подъ заглавіемъ „Transformismus und Descendenz“, въ которой авторъ подвергаетъ весьма основательной и объективно-научной критикѣ попытки *Дарвина* и *Геккеля* доказать, что человѣкъ произошелъ отъ обезьяны. „Дарвинъ и его ученики, говоритъ *Вирховъ*, въ разрѣшеніи вопроса о происхожденіи человѣка не пошли далѣе простой и бездоказательной гипотезы. Но еще и въ настоящее время мы не имѣемъ генетическаго доказательства относительно происхожденія человѣка отъ какого либо животнаго. Эта гипотеза стала бы теоріею только тогда, если бы былъ найденъ недостающій членъ (the missing link),—проантропосъ. Всѣ относящіяся къ этому ожиданія остались тщетными. Все, что мы знаемъ объ окаменѣломъ или доисторическомъ человѣкѣ, показываетъ, что онъ былъ уже homo sapiens; живущіе еще и нынѣ первобытные народы, изученіемъ которыхъ такъ усердно занимались въ послѣдніе годы, не дали намъ возможности составить представленіе о проантропическомъ типѣ“.

Дарвинисты и во главѣ ихъ *Геккель* это требованіе *Вирхова*, который и болѣе двадцати лѣтъ назадъ былъ того же мнѣнія, признаютъ совершенно справедливымъ и основательнымъ. Но какъ его выполнить? Сначала предполагали, что вопросъ будетъ разрѣшенъ, когда будетъ отысканъ хотя одинъ экземпляръ наиболѣе развитой обезьяны и наименѣе развитое племя человѣческое. Казалось, что въ этомъ случаѣ совершенно исчезнетъ существенное различіе между человѣкомъ и обезьяною. Начались поиски; были дѣлаемы научныя открытія, которыя дарвинистовъ приводили въ восторгъ. Прежде всего были отысканы *человѣкоподобныя* обезьяны; по крайней мѣрѣ таковыми были названы шимпанзе, орангъ, гиббонъ и горилла. Долго

дарвинисты спорили между собою о томъ, какая изъ этихъ породъ „человѣкоподобныхъ“ обезьянъ наиболѣе развита, но все таки, можно сказать, по большинству голосовъ, пришли къ тому заключенію, что „изъ всѣхъ антропоморфныхъ обезьянъ шимпанзе наиболѣе приближается къ прародительской формѣ человѣка“.

Гораздо болѣе трудною для дарвинистовъ была задача найти человѣческое племя, наиболѣе приближающееся къ „человѣкоподобнымъ“ обезьянамъ. Всѣ попытки этого рода, какъ справедливо замѣтилъ *Вирховъ*, оказывались тщетными. Упомянемъ о двухъ новѣйшихъ. Британскій путешественникъ *Ландоръ* въ 1893 году издалъ въ свѣтъ описаніе своего путешествія— „*Alone with the hairy Ainu*“ („Только у покрытыхъ волосами Аиносовъ“). Онъ говоритъ въ немъ о томъ, что въ сѣверной Японіи и на южныхъ курильскихъ островахъ живутъ дикіе первобытные обитатели—аиносы, въ различныхъ частяхъ тѣла сильно обросшіе волосами и что эти люди во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтствуютъ будто бы тому, что, по ученію *Дарвина*, слѣдуетъ предполагать въ посредствующемъ членѣ между обезьяною и человѣкомъ,—что эти некультурные люди „хотя и люди, но люди не такіе, какъ мы“, что хотя они не животныя, но ихъ человѣческія свойства замѣтно подавлены чертами животныхъ,—такъ что они больше всего похожи на обезьянъ и т. д. Но самъ же *Ландоръ* и разрушаетъ свое предположеніе, утверждая, что аиносы—въ Японіи пришельцы, вытѣснившіе обитавшій здѣсь раньше народъ, находившійся на ступени высшей цивилизаціи, что прежде они обитали на азіатскомъ материкѣ, именно по верховьямъ Амура и т. д.

Не болѣе успѣшною оказалась и попытка братьевъ *Сиразиновъ*, остановившихся на дикаряхъ—*веддахъ*, обитающихъ на о. Цейлонѣ и представляющихъ собою первобытное дикое племя со множествомъ примитивныхъ анатомическихъ особенностей. Этихъ дикарей не болѣе 2200 человѣкъ; всѣ они малорослы, такъ такъ средняя величина у нихъ для мужчинъ равняется только 1576 м.м. и для женщинъ 1473; грудь у нихъ развита, какъ и у средняго европейца, руки и ноги тоньше, икры недоразвиты, руки и ноги сравнительно длиннѣе, чѣмъ

у насъ, ступня плоче, разстояніе между большимъ пальцемъ и остальными у нихъ на ногахъ шире, чѣмъ у насъ. Ведды держатся прямо, имѣють твердую поступь, широкій шагъ и отличаются поразительной неутомимостью въ соединеніи съ быстротою. Дѣйствуя въ 1817. году вмѣстѣ съ сингалезцами противъ англичанъ, они довели до изнеможенія войска послѣднихъ; по деревьямъ они лазають хорошо, обхватывая стволъ, подтягиваясь руками и отталкиваясь ногами. Ведды довольно чистоплотны, хотя моются разъ въ два мѣсяца; живутъ они частію въ пещерахъ, частію въ хижинахъ большими семействами. Взрослые носятъ на поясицѣ веревку, которая имѣеть для нихъ значеніе пояса, куда можно заткнуть топоръ, и отъ этой веревки сзади напередъ между ногами пропускается широкій кусокъ бѣлаго сукна или дѣлается подобіе юбки изъ вѣтокъ съ листьями одного пахучаго растенія. Въ пищу ведды употребляютъ листья, кору, гнилую древесину, корни, плоды, мясо звѣрей и птицъ, нѣкоторыхъ ящерицъ, рыбу и, наконецъ, пчелный медъ. Они могутъ быть названы хорошими охотниками, хотя охотничьимъ оружіемъ для нихъ служить только желѣзный топоръ и лукъ со стрѣлами. Въ бракъ ведды вступаютъ рано, живутъ въ моногаміи и супружеская вѣрность у нихъ замѣчательна; любовь къ дѣтямъ у нихъ развита очень сильно; характеръ ихъ мягокъ въ такой степени, что Вирховъ совершенно справедливо назвалъ ихъ людьми съ „добрымъ сердцемъ“. Есть у нихъ свои старшины, которые производятъ судъ, руководятъ во время войны и ведутъ сношенія съ посторонними, хотя эти сношенія у нихъ чрезвычайно рѣдки. Понятіе о собственности развито у веддъ весьма сильно. Общей собственности, кромѣ меда, добываемаго въ теченіе дождливаго времени года, у нихъ нѣтъ; но медъ составляетъ общее достояніе и дѣлежъ его между отдѣльными семьями, живущими на одномъ утесѣ, производится старшиною. По свидѣтельству самихъ дарвинистовъ, ведды имѣють религіозный страхъ, употребляютъ религіозные танцы даже для излѣченія больныхъ, признають бытіе души, употребляютъ погребальные обряды и произносятъ различнаго рода заклинанія; говорятъ они на языкѣ близко родственномъ

съ языкомъ сингалезскимъ. Сначала дарвинисты не хотѣли было видѣть существеннаго различія между веддами и обезьяною шимпанзе. Но въ настоящее время они отказались отъ своего мнѣнія.

Всѣ другіе дикари, обитающіе на землѣ въ настоящее время, по мнѣнію дарвинистовъ, въ своемъ развитіи превосходятъ цейлонскихъ веддовъ. Поэтому теперь дарвинисты, кажется, уже совершенно потеряли надежду найти живой посредствующій членъ между человѣкомъ и обезьяною. Типъ проантропа вымеръ, говорятъ они; его можно установить только по окаменѣлымъ частямъ скелетовъ, отыскиваемымъ въ нѣдрахъ земли. Къ такому убѣжденію пришелъ даже и *Геккель*.

Геккель, какъ мы видѣли, не указываетъ уже ни на живыхъ дикарей, ни на живыхъ обезьянъ, какъ на посредствующіе члены между человѣкомъ и обезьяною. Но свое заключеніе о происхожденіи человѣка отъ обезьяны онъ основываетъ исключительно на окаменѣлостяхъ мнимаго обезьяны-человѣка. „Въ два послѣднія десятилѣтія, говоритъ онъ, были открыты въ достаточномъ числѣ хорошо сохранившіеся, окаменѣлые *скелеты полуобезьянъ* и обезьянъ; между ними находятся *всѣ* (?) важныя промежуточные члены (?), представляющіе связную цѣпь предковъ отъ древнѣйшихъ *полуобезьянъ* (?) до самаго даже человѣка“. *Геккель* привыкъ требовать, чтобы ему вѣрили всегда на слово и потому не указываетъ и здѣсь ясно, что это за *скелеты полуобезьянъ*, гдѣ, когда и кѣмъ они были открыты. Беремъ на себя трудъ подробнѣе разъяснить то, что сказано здѣсь *Геккелемъ*, лишь въ общихъ фразахъ. Но мы положительно утверждаемъ, что нигдѣ никогда никѣмъ никакихъ *скелетовъ* ни обезьянъ, ни полуобезьянъ, имѣющихъ палеонтологическое значеніе, открыто не было; что были находимы только части скелета (черепъ, зубъ, бедро, суставъ) и то—не въ *достаточномъ*, а въ крайне ограниченномъ количествѣ; что эти части скелета никогда не были признаваемы со стороны компетентныхъ и безпристрастныхъ ученыхъ принадлежащими полуобезьянѣ или получеловѣку; что онѣ не могутъ быть названы *хорошо* сохранившимися и, наконецъ, что этихъ окаменѣлыхъ частей совершенно недостаточно для того, чтобы уста-

новить „связную цѣпь предковъ отъ древнѣйшихъ полуобезьянъ до самаго даже человѣка“. Такимъ образомъ мы утверждаемъ, что во всемъ приведенномъ мѣстѣ *Геккель* не сказалъ ни слова правды.

Для сужденія о человѣкѣ съ дарвинистической точки зрѣнія палеологическiй интересъ представляютъ слѣдующія находки.

1. Въ *Бельгii*, въ шестидесятихъ годахъ, въ такъ называемой *Емизской* пещерѣ совершенно случайно былъ найденъ черепъ несомнѣнно человѣческой. Въ то время ученіе *Дарвина* пользовалось особенными симпатіями и популярностію. И вотъ экзальтированные дарвинисты схватились за этотъ черепъ, объявивъ его принадлежащимъ проантропу, какъ существу среднему между теперешними обезьянами и человѣкомъ. Но и между дарвинистами нашелся безпристрастный ученый, это именно англійскiй анатомъ *Гексли*, первый, высказавшій предположеніе, что человѣкъ произошелъ отъ обезьяны. И что же? Исслѣдовавъ внимательно найденный черепъ, онъ призналъ его хорошимъ, средней величины, человѣческимъ черепомъ, который могъ принадлежать даже какому либо философу.

2. Затѣмъ, былъ найденъ одинъ черепъ въ *Ментонѣ* и также—въ пещерѣ. Дарвинисты, по обычаю, стали указывать и на этотъ черепъ, какъ на черепъ, принадлежавшій будто бы человѣку—обезьянѣ или полуобезьянѣ. Но извѣстный американскiй геологъ и археологъ *Даусонъ* призналъ этотъ черепъ принадлежавшимъ несомнѣнно человѣку и притомъ обладавшему высокимъ развитіемъ.

3. При *Дюссельдорфѣ*, въ такъ называемой *Неандертальской* пещерѣ былъ найденъ черепъ, представлявшій, повидимому, нѣкоторыя уклоненія отъ обыкновеннаго черепа человѣческаго. Проф. *Вирховъ*, исслѣдовавъ этотъ черепъ, призналъ форму его уродливою съ признаками ненормальнаго или патологическаго развитія, и высказалъ мнѣніе, что онъ принадлежалъ, быть можетъ, какому либо идиоту, но никакъ не проантропу. Впрочемъ, какъ рискованно судить по устройству черепа объ умственныхъ и нравственныхъ способностяхъ человѣка и какъ легко въ этомъ случаѣ смѣшать геніальность съ идиотствомъ, показываетъ недавній примѣръ: вѣдь черепъ

нашего знаменитаго композитора Антона Рубинштейна, какъ извѣстно, нашли похожимъ на черепъ идіота!

4. Въ 1891 году нѣкто *Шимманъ* проживающій въ Аѳинахъ, вырылъ въ своемъ дворѣ нѣсколько череповъ, принадлежавшихъ несомнѣнно древнимъ аѳинянамъ, жившимъ въ 4—6 вв. до Р. Х. Четыре черепа были внимательно изслѣдованы и измѣрены проф. *Вирховымъ*, сдѣлавшимъ о нихъ интересное сообщеніе въ берлинской академіи наукъ. Всѣ эти черепа дѣйствительно отличались незначительнымъ объемомъ; но никто не высказалъ сомнѣнія въ томъ, что эти черепа принадлежатъ людямъ и притомъ—высокой культуры. По этому поводу *Вирховъ* снова повторилъ свое мнѣніе, высказанное имъ еще въ 1871 году по поводу пирейскихъ находокъ, что устройство черепа и его величина могутъ служить только шаткимъ основаніемъ для выводовъ.

Мы могли бы указать и еще на нѣкоторые черепа, найденныя въ болѣе древнихъ слояхъ земли, каковы, напр., дрезденскій, Спи, микроцефаловъ и др. Но эти черепа почти не представляютъ никакого палеонтологическаго интереса и ими перестали интересоваться (по крайней мѣрѣ, въ настоящее время) сами дарвинисты. Даже *Геккель*, какъ мы видѣли, не указываетъ на нихъ, отдѣляясь лишь общими фразами.

Остается питекантропъ изъ Явы. Этой палеонтологической находкѣ не только *Геккель*, но и всѣ современные дарвинисты, въ томъ числѣ и нашъ русскій *М. Мензбиръ*¹⁾ приписываютъ чрезвычайно важное, даже можно сказать, роковое значеніе. Это—последній зарядъ дарвинизма. *Геккель* говоритъ такъ: „Замѣчательнѣйшая и интереснѣйшая изъ этихъ ископаемыхъ находокъ есть *окаменѣлый обезьяна—человѣкъ изъ Явы*, *Pithecanthropus erectus*, открытый голландскимъ военнымъ врачомъ *Евгеніемъ Дюбуа* въ 1894 году (?). Онъ дѣйствительно есть многоискомый „Missing link“, мнимо „недостающій членъ“ въ цѣпи приматовъ, которая непрерывно тянется отъ самыхъ низшихъ катариновыхъ обезьянъ до наиболѣе развитого человѣка.... Находкою этого *окаменѣлаго обезьяны—человѣка* изъ Явы и со стороны палеонтологіи столь же ясно и несомнѣнно

¹⁾ Рус. Мысль, 1897. кн. VIII. стр. 129—163.

доказано „происхожденіе человѣка отъ обезьяны“, какъ раньше это было сдѣлано уже данными сравнительной анатоміи и онтогеніи; *теперь* (!?) мы владѣемъ всѣми главными свидѣтельствами исторіи нашего происхожденія“.

Прежде всего по поводу этой тирады мы замѣтимъ: 1) что на Явѣ никѣмъ никогда никакого окаменѣлаго обезьяны—человѣка открываемо не было, ибо крышка черепа, два зуба и бедро, принадлежавшіе различнымъ организмамъ, цѣлаго человѣка не составляютъ; 2) что открытіе, о которомъ идетъ рѣчь, было сдѣлано *не въ 1894 году*; 3) что находка эта ничуть не замѣняетъ „недостающаго члена въ цѣли приматовъ; 4) что этою находкою палеонтологія не доказывала и не доказываетъ „происхожденія человѣка отъ обезьяны“ и 5) что и *теперь*, помимо Божественнаго Откровенія, мы ничего не знаемъ объ исторіи нашего происхожденія.

О мнимомъ ископаемомъ обезьянѣ—человѣкѣ съ острова Явы было писано очень много. На четвертомъ международномъ зоологическомъ съѣздѣ въ Кембриджѣ 26 августа 1898 года о немъ сдѣлалъ сообщеніе самъ *Геккель* въ чтеніи „О нашихъ теперешнихъ свѣдѣніяхъ относительно происхожденія человѣка“, которое потомъ было напечатано во множествѣ экземпляровъ. Но еще раньше въ 1894 году самъ *Дюбуа* въ Батавіи издалъ въ свѣтъ описаніе своего открытія съ дарвинистическими выводами въ отдѣльномъ сочиненіи: „*Pithecantropus erectus, eine menschenähnliche Uebergangsform aus Java*“. Затѣмъ въ 1895 г. извѣстный цюрихскій антропологъ, докторъ *Рудольфъ Мартинъ* въ № 15 „*Globus*“ помѣстилъ основательную статью, посвященную этому открытію. Даже въ нашемъ Московскомъ Обществѣ Испытателей природы извѣстный дарвинистъ *М. Мензбиръ* читалъ свой рефератъ объ ископаемомъ человекоподобномъ существѣ съ о-ва Явы, напечатанный потомъ въ журналѣ „*Русская Мысль*“,—и нашъ ученый ничуть не разошелся во взглядахъ съ своимъ руководителемъ—*Геккелемъ*. *Вирховъ* также высказалъ свое мнѣніе о явскомъ питекантропѣ. О другихъ, менѣе выдающихся ученыхъ, какъ, напримѣръ, *Кунингамъ*, *Маринъ*, *Шейхель*, *Лесфевръ*, мы уже и не говоримъ.

Разскажемъ съ полнымъ безпристрастіемъ всю исторію этой находки. Нидерландскій врачъ *Eugène Dubois* (Евгеній Дюбуа), находясь на службѣ въ арміи, между прочимъ, получилъ предложеніе отъ своего правительства заниматься на о-вѣ Явѣ геологическими и палеонтологическими изслѣдованіями. По своимъ убѣжденіямъ Дюбуа всегда былъ крайнимъ дарвинистомъ, если не материалистомъ. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1891 года въ центральной Явѣ, близъ Триниля, въ сухое время года, въ 12—15 метрахъ отъ поверхности равнины, въ которой рѣка прорыла свое русло, на глубинѣ около метра ниже уровня рѣки, совершенно случайно былъ найденъ небольшой обломокъ коренного или задняго зуба (*Mahlzahnbruchstück*). Прошло послѣ этого около мѣсяца. Недалеко отъ того же самаго мѣста, не болѣе какъ на одинъ метръ разстоянія, также случайно была найдена крышка какого-то черепа (*ein Schädeldach*). Въ августѣ 1892 г. въ 15-ти метрахъ отъ первоначальной находки Дюбуа нашель бедро (*einen Oberschenkelknochen*). Въ октябрѣ того же года ему удалось почти на томъ же мѣстѣ найти еще одинъ коренной зубъ; но этой находкѣ онъ и самъ не приписываетъ ни какого значенія, почему и не отвелъ для нея мѣста въ своей книгѣ. И такъ, вотъ тотъ *окаменѣлый обезьяна—человѣкъ*, который разъяснилъ *Геккелю* сокровенную тайну происхожденія человѣческаго рода!

1892 и 1893 годы Дюбуа посвятилъ на изученіе своей находки, признавъ напередъ, что три найденныя вещи принадлежатъ одному и тому же организму. Прежде всего онъ измѣрялъ черепъ и вычислилъ, что объемъ его полости равняется 900 куб. см.; слѣдовательно онъ не принадлежалъ ни обезьянѣ, ни человѣку, ибо средній объемъ череповъ самыхъ крупныхъ „человѣкоподобныхъ“ обезьянъ равняется только 500 куб. см., а объемъ черепа у австралійскаго негра—1628 куб. см. Ясно, что найденный черепъ могъ принадлежать только среднему существу между человѣкомъ и обезьяною—*питекантропу*, каковымъ словомъ Дюбуа первый и обозвалъ свою находку. По внѣшнему виду найденный черепъ своею плоскою формою, сильнымъ развитіемъ глазной области и скошенной затылочной частью поразительно походитъ на черепъ гиббона, но онъ вдвое

больше его. Корни зуба расходятся въ такой степени, какъ не бываетъ у человѣка, а по формѣ коронки его нужно признать принадлежавшимъ обезьянѣ; но онъ очень малъ для того, чтобы быть зубомъ обезьяны. Найденное бедро несомнѣнно принадлежало человѣку. Описавъ такъ свою находку, Дюбуа дѣлаетъ выводъ, что она заключаетъ въ себѣ всѣ признаки объединенія въ одномъ существѣ двухъ—обезьяны и человѣка.

Приведенное описаніе возбуждаетъ однако же многія недоумѣнія. Черепъ, какъ видно, принадлежалъ какому-то гиганту—*ибону*; какъ же быть съ тѣмъ утвержденіемъ дарвинистовъ, что къ человѣку ближе всего стоитъ *шимпанзе*? На этотъ вопросъ дарвинисты даютъ такой отвѣтъ ¹⁾: „Если и держаться того взгляда, что шимпанзе изъ всѣхъ антропоморфныхъ наиболѣе приближается къ прародительской формѣ человѣка, изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что именно этотъ антропоидъ и есть такая прародительская форма“ (?!). Послѣ этого отвѣта больше, конечно, уже и разсуждать нечего!... Впрочемъ, нужно вообще сказать, что по вопросу объ „антропоморфныхъ“ обезьянахъ у дарвинистовъ господствуетъ такая путаница понятій, что положительно трудно даже понять что-нибудь. Нашъ дарвинистъ *М. Мензбиръ* такъ выражаетъ результатъ всѣхъ дарвинистическихъ разсужденій по поводу мнимаго питекантропа, открытаго на островѣ Явъ ²⁾. „Мы совершенно должны отбросить наше обыкновеніе говорить объ антропоидахъ, какъ о формахъ, *стоящихъ ниже человѣка*: таблицы точныхъ промѣровъ указываютъ, что даже только нынѣ существующіе антропоиды по разнымъ частямъ своей организаціи какъ бы *включиваются* въ группы человѣческихъ племенъ и совершенно не даютъ возможности расположить антропоидовъ и человѣческія племена въ такой рядъ, который бы *начинался относительно низшими и оканчивался высшими формами*. Антропоморфныя обезьяны въ извѣстныхъ отношеніяхъ *стоятъ ближе къ европейцамъ, чѣмъ нѣкоторыя низшія племена*“. Вотъ до чего договорились дарвинисты! Изъ за своихъ излюбленныхъ обезьянъ они разрушаютъ уже и самое ученіе

¹⁾ Рус. Мысль 1897 г. VIII. стр. 153—154.

²⁾ Ibid. стр. 155.

Дарвина о развитіи высшаго изъ низшаго. Впрочемъ, такого именно конца и слѣдовало ожидать.

О находкѣ *Дюбуа* здравое сужденіе мы встрѣтили только у ученыхъ, свободныхъ отъ ослѣпленія тою или другою школьно-философскою доктриною и умѣющихъ производить научныя изслѣдованія во имя только одной науки. Разумѣемъ *Вирхова*, *Рудольфа Мартина* и *Г. Вебера*. Вотъ заключеніе, которое высказалъ, напр., д-ръ *Мартинъ*—цюрихскій антропологъ въ названномъ выше сочиненіи. 1) Три найденныя *Дюбуа* части не принадлежатъ одному и тому же скелету; 2) измѣреніе черепа *Дюбуа* произвелъ невѣрно; объемъ найденнаго имъ черепа равняется не менѣе какъ 1340 куб. см. и своею величиною онъ даже превосходитъ пирейскіе черепа, несомнѣнно, человѣческіе; 3) по своему виѣшнему виду найденный черепъ даже не можетъ быть смѣшиваемъ съ черепомъ какой бы то ни было обезьяны; 4) зубъ такъ плохо сохранился, что на немъ нельзя основывать никакихъ выводовъ; 5) бедро, при безпристрастномъ и болѣе близкомъ изслѣдованіи представляется во всѣхъ частяхъ человѣческимъ и принципиально отличнымъ отъ бедра человекоподобныхъ обезьянъ.

Послѣ такого безапелляціоннаго суда только вопреки требованіямъ здравой человѣческой логики можно утверждать вмѣстѣ съ *Геккелемъ*, что, помимо Божественнаго Откровенія, мы въ точности знаемъ исторію нашего происхожденія.

Профессоръ Харьковскаго Университета, *Прот. Т. Буткевичъ*.

(Продолженіе будетъ).

ЕСТЕСТВЕННОЕ БОГОПОЗНАНИЕ.

(Продолженіе *).

Мы говорили о пространствѣ и силахъ, но не трудно видѣть, что наше разсужденіе относится и ко времени. Для измѣренія времени, какъ и для измѣренія протяженія, мы не имѣемъ объективной единицы. Продолжительность протекшаго времени мы измѣряемъ количествомъ перемѣнъ, происшедшихъ въ это время. Единицею времени мы считаемъ періодъ обращенія земли вокругъ своей оси, двадцать четвертую часть этого періода мы называемъ часомъ. Но представимъ себѣ, что земля стала бы обращаться вокругъ своей оси въ милліонъ разъ быстрѣе, въ милліонъ разъ быстрѣе понеслась бы она по своей орбитѣ вокругъ солнца, соотвѣтствующимъ образомъ измѣнилось бы ускореніе, сообщаемое тѣламъ силою тяжести, въ милліонъ разъ быстрѣе стали бы совершаться въ насъ фізіологическіе и психологическіе процессы. Замѣтили бы мы происшедшее ускореніе? Нѣтъ, тысячелѣтія, которыя тогда были бы въ дѣйствительности менѣе продолжительны, чѣмъ $\frac{1}{2}$ нашихъ сутокъ, казались бы намъ по прежнему громаднымъ періодомъ времени. Такъ, оказывается, что всю многовѣковую исторію міра, совершавшуюся въ безконечныхъ междузвѣздныхъ пространствахъ, можно представить протекшею и разыгравшеюся въ теченіе секунды времени въ раіонѣ, имѣющимъ радіусъ одинъ миллиметръ. Эти размѣры можно продолжать сокращать до безконечности, и однако исторія міра будетъ оставаться тою же, какою мы ее знаемъ—такою же сложною и

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1900 г. № 6.

также бесконечно чреватою событіями. Эти выводы, слѣдующіе изъ предположенія, что пространство и время суть то, чѣмъ они непосредственно кажутся, влекутъ за собою отрицаніе этого предположенія. Такое отрицаніе въ философіи выдвинуто уже довольно давно, но въ точной наукѣ оно возникло лишь въ девятнадцатомъ столѣтіи и пока только по отношенію къ пространству. Именно математиками теперь выдвигается теорія, что основоположенія Эвклидовой геометріи не суть универсальныя истины, а данныя ограниченнаго опыта, ограниченныхъ наблюденій, данныя, которыя могутъ быть опровергнуты опытомъ болѣе широкимъ и на основаніи которыхъ можно составлять представленія о строеніи только знакомой намъ части міра, а вовсе не всей безграничной вселенной. Въ основѣ геометріи Эвклида лежатъ нѣкоторыя положенія, которыя всегда оправдываетъ опытъ, но которыя принимать не представляется обязательнымъ въ теоріи. Такова знаменитая XI аксіома Эвклида. Если мы имѣемъ двѣ прямыя, находящіяся въ одной плоскости, изъ каковыхъ прямыхъ одна перпендикулярна третьей, а другая не перпендикулярна, то онѣ при продолженіи пересѣкутся. Опытъ всегда подтверждалъ, какъ это положеніе, такъ и всѣ слѣдующіе изъ него выводы. Но дѣло въ томъ, что опытъ всегда бы подтверждалъ все это, еслибы этотъ постулатъ и былъ ошибочнымъ по отношенію къ нѣкоторымъ случаямъ. Нашъ постулатъ провѣренъ опытно по отношенію ко всѣмъ угламъ, подъ которыми прямая пересѣкаетъ другую, начиная съ нуля и доходя до 89° съ минутами и сотыми долями секунды. Но всетаки между тѣмъ предѣльнымъ угломъ, для котораго онъ былъ провѣренъ, и угломъ 90° , остается еще бесконечное число угловъ. Мы можемъ допустить, что если одна прямая пересѣкаетъ другую подъ угломъ въ 90° , а другая подъ угломъ въ $89^\circ,99999999\dots 8$, то эти прямыя никогда не пересѣкутся. Разъ мы это допустимъ, все зданіе геометріи измѣнится. Тогда окажется, что геометрія Эвклида имѣетъ лишь приблизительную точность, тогда окажется, что подобныхъ фигуръ не существуетъ въ природѣ и что построеніе точной модели нашей вселенной невозможно. На самомъ дѣлѣ вся теорія подобныхъ фигуръ и

тѣль утверждается на той теоремѣ, что сумма угловъ въ каждомъ многоугольникѣ опредѣляется числомъ его сторонъ [$\Sigma = 2d.n - 4d$], сумма угловъ треугольника равна двумъ прямымъ, сумма угловъ четырехугольника четыремъ угламъ и т. д., и что въ подобныхъ тѣлахъ соотвѣтственные углы равны. Но разъ отвергнуть постулатъ Эвклида, то тогда слѣдуетъ, что въ каждой фигурѣ сумма угловъ есть величина измѣняющаяся, опредѣляемая не только числомъ сторонъ, но и ихъ свойствами. Это можетъ показаться парадоксальнымъ, но возможную справедливость этой теоріи легко доказать опытомъ. Начертимъ на землѣ треугольникъ. Онъ представится прямолинейнымъ, начерченнымъ на плоскости, но на самомъ дѣлѣ онъ сферическій, онъ начерченъ на поверхности земнаго шара, его стороны суть дуги большаго круга, его сумма угловъ—какъ учить насъ сферическая тригонометрія—непремѣнно больше двухъ прямыхъ. Подойдемъ къ спокойной поверхности рѣки или озера, она представится плоскою, но на самомъ дѣлѣ она сферическая. Повидимому можно продолжать эту поверхность въ безконечности и она будетъ тянуться и тянуться, но на самомъ дѣлѣ эта поверхность при продолженіи замкнется сама въ себѣ и дастъ сферу, она не можетъ быть безконечною. Дѣло вотъ въ чемъ. Незначительная часть какой-либо очень большой линіи и поверхности всегда намъ кажется имѣющею не тѣ свойства, какія имѣетъ на самомъ дѣлѣ. Незначительная часть большой окружности кажется прямою линіею. Уголъ незначительно отличающійся отъ прямого принимается за прямой. Но идеальная геометрія не можетъ довольствоваться приближеніями. Она должна дать точное ученіе о пространствѣ. Теперь такую геометрію и хотятъ создать. Лобачевскій первый попытался разсмотрѣть, что выйдетъ изъ отрицанія XI аксіомы Эвклида, и оказалось, что и при такомъ отрицаніи возможно построеніе геометріи, вполне отвѣчающей практическимъ и научнымъ интересамъ человѣчества и заключающей въ себѣ геометрію Эвклида, какъ частный случай. Отрицаніе положенія Эвклида можетъ быть сдѣлано въ двухъ формахъ: или допущеніемъ, что черезъ точку внѣ прямой можно провести множество параллельныхъ къ послѣд-

ней, или предположеніемъ, что нельзя таковыхъ провести ни одной, т. е., что параллельныхъ линій не существуетъ. Изъ этихъ двухъ формъ отрицанія возникли теперь двѣ новыя геометріи: Лобачевскаго и Римана. Ихъ никто не считаетъ теперь парадоксальными и не приравниваетъ къ алгебраическимъ софизмамъ въ родѣ тѣхъ, что дважды два равно пяти, или что всѣ числа равны между собою. Имъ отводится уже мѣсто и въ учебникахъ. Между тѣмъ онѣ богаты выводами для оцѣнки нашихъ концепцій о пространствѣ. Пренебреженіе незначительными уклоненіями, незначительною кривизною, облегчающее вычисленіе и дающее результаты повидимому не отличающіеся отъ истины, на самомъ дѣлѣ въ концѣ концовъ приводитъ къ полной и грубой лжи. Такъ, въ астрономіи часто вычисляли путь кометъ по параболѣ (кривой тянущейся въ безконечность), хотя на самомъ дѣлѣ эти кометы двигались по эллипсисамъ (кривымъ замкнутымъ), но такъ какъ кривизна параболы въ областяхъ близкихъ къ ея вершинѣ очень близка къ кривизнѣ эллипсиса, то ошибка въ предсказаніяхъ пути кометъ заключала десяти тысячныя и сотни тысячныя доли секунды, совершенно ускользающія отъ астрономическихъ инструментовъ. За всѣмъ тѣмъ, думаемъ, этотъ примѣръ лучше всего показываетъ, къ чему въ концѣ концовъ ведетъ пренебреженіе малою кривизною и ничтожными величинами. Совершенно къ ложнымъ выводамъ. Предположеніе, что комета движется по параболѣ, ведетъ къ заключенію, что, разъ удалившись отъ солнца, она никогда не вернется къ нему, уйдетъ отъ него въ безконечность, но на самомъ дѣлѣ двигающаяся по эллипсису комета черезъ определенное число лѣтъ снова вернется къ солнцу, чтобы затѣмъ снова на время уйти отъ него. Этотъ примѣръ наводитъ на глубокія размышленія. Мы знаемъ только безконечно малую часть безконечно большой вселенной. При своихъ расчетахъ и вычисленіяхъ мы можемъ пренебрегать въ этой знакомой намъ части нѣкоторыми кривизнами, уклоненіями, ускользающими отъ нашего наблюденія. Но очевидно, если мы, пользуясь извѣстными намъ формами протяженія, вздумаемъ начертить образъ всей вселенной, то этотъ образъ можетъ оказаться также мало со-

отвѣтствующимъ правдѣ, какъ наше предположеніе о кометѣ, путь которой мы отнесли къ параболѣ, что она уйдетъ въ безконечность отъ солнца, когда на самомъ дѣлѣ она движется по эллипсису.

Издавна привыкли говорить, что мы представляемъ пространство безконечнымъ. Но не есть ли это представленіе слѣдствіе того, что мы не знаемъ истиннаго уравненія прямой линіи. Мы представляемъ, что прямая тянется въ безконечность. Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Не замыкается ли она сама въ себя гдѣ либо въ ускользящей отъ нашихъ взоровъ дали и не есть ли вселенная самозамкнутое цѣлое? Начертимъ на поверхности земли двѣ параллельныя прямыя. Намъ кажется, что онѣ никогда не пересѣкутся и при продолженіи уйдутъ въ безконечность, оставаясь на неизмѣнномъ разстояніи одна отъ другой. Но на самомъ дѣлѣ при продолженіи онѣ пересѣкутся два раза (въ двухъ діаметрально противоположныхъ точкахъ) и замкнутся сами въ себѣ. То, что справедливо относительно прямыхъ (въ сущности дугъ большихъ круговъ) на землѣ, Риманъ утверждаетъ относительно всѣхъ прямыхъ: всѣ онѣ суть самозамыкающіяся протяженія.

Если мы будемъ разсматривать линію, какъ сумму точекъ, то намъ придется имѣть дѣло съ совершенно непостижимой безконечностью. Но если мы взглянемъ на нее, какъ на предѣлъ поверхности или какъ на результатъ пересѣченія двухъ поверхностей, то она явится для насъ очень опредѣленной конечной величиной. Можетъ быть тоже справедливо и о всемъ пространствѣ, въ которомъ заключена наша вселенная. Пока мы его разсматриваемъ, какъ нѣчто слагающееся изъ трехъ измѣреній, оно представляется намъ тянущимся по всѣмъ направленіямъ въ безконечность. Но можетъ быть она только сторона, граница или предѣлъ какого-то намъ невѣдомаго четырехмѣрнаго пространства. Мы не можемъ его представить, но не можемъ и отрицать его существованія. Мало того. Мы можемъ составить и написать геометрію четырехъ измѣреній, можемъ предлагать формулы для вычисленія тамъ разстоянія между точками (оно будетъ выражаться квадратнымъ корнемъ изъ суммы квадратовъ четырехъ координатъ, какъ въ нашемъ

пространствѣ оно есть квадратный корень суммы квадратовъ трехъ координатъ). Для насъ составленныя нами формулы навсегда будутъ бесполезными, но, можетъ быть, существа четырехъ измѣреній могли бы ихъ утилизировать. Такъ, слѣпой отъ рожденія можетъ рѣшать задачи по геометрической оптикѣ, и его рѣшенія могутъ быть очень полезны зрячимъ, между тѣмъ какъ ему самому результаты его вычислений не скажутъ никогда ничего.

Но слѣпые знаютъ, что есть свѣтъ, хотя и не понимаютъ, что онъ такое, и невѣрно оцѣниваютъ его значеніе. Имѣются ли у насъ основанія утверждать, что имѣется четвертое измѣреніе? Такія основанія указываютъ. О симметріи тѣлъ утверждаютъ, что ее трудно объяснить безъ четвертаго измѣренія. Сторонники спиритизма въ нѣкоторыхъ медиумическихъ явленіяхъ видятъ фактическое доказательство существованія четвертаго измѣренія. Представимъ себѣ сплошное золотое кольцо, на которомъ помѣщается другое меньшее кольцо тоже сплошное. Очевидно, для того, чтобы снять маленькое кольцо, нужно распилить большое. Но на медиумическихъ сеансахъ происходили такія явленія. Маленькое кольцо на нѣкоторый—очень незначительный—промежутокъ времени становилось невидимымъ, и затѣмъ являлось, какъ святая, причемъ ни большое, ни малое кольцо не носили никакихъ слѣдовъ того, что они были перепилены, распаяны гдѣ-либо. Объясняютъ это такъ, что маленькое кольцо вышло изъ большаго чрезъ посредство четвертаго измѣренія. Если дадутъ задачу, чтобы какой-нибудь предметъ, находящійся внутри окружности, вывести за окружность, не касаясь ея, то эта задача можетъ быть рѣшена такъ: мы поднимаемъ предметъ и перенесемъ его надъ окружностію, т. е. значить, рѣшаемъ вопросъ при помощи третьяго измѣренія. Такъ, говорятъ, задача о кольцѣ рѣшается при помощи четвертаго измѣренія. Справедливость требуетъ признать, что вездѣ, гдѣ дѣло изслѣдовалось тщательнымъ образомъ, рѣшеніе задачи о кольцѣ оказывалось грубымъ фокусомъ. Полагаемъ, что этого должно было ожидать: странно производить попытки эмпирически доказать существованіе метэмпирическаго міра. Но за всѣмъ тѣмъ попытки

геометровъ дать новыя представленія о пространствѣ заслуживаютъ глубокаго вниманія. Онѣ разрушаютъ ученіе Канта о субъективности нашихъ пространственныхъ возрѣній, утверждая, что наши пространственные представленія вырабатываются путемъ опыта. Онѣ указываютъ далѣе возможности разрѣшенія антиноміи Канта о пространственной конечности и бесконечности міра. Соединяя геометрическія представленія съ теоремами механики, мы находимъ, что пространственные отношенія отражаютъ въ себѣ отношенія взаимодѣйствія между элементами существующаго. Одинъ предметъ сильнѣе дѣйствуетъ на другой, чѣмъ на третій. Солнце сильнѣе притягиваетъ къ себѣ Урана, чѣмъ Нептуна. Степень силы взаимодѣйствія, степень связи (ближе, дальше) между элементами и выражается въ пространственныхъ схемахъ. Пространство, это—экранъ, на которомъ въ объемахъ, поверхностяхъ и линіяхъ проэктируются символы отношеній между вещами вселенной.

Между идеей пространства и идеей времени существуетъ полная аналогія. Что время не есть вещь въ себѣ, это слѣдуетъ изъ приведеннаго нами выше соображенія о томъ, что какъ бы ни ускорилось теченіе времени, разъ это ускореніе направлено на всѣ явленія бытія, оно не будетъ замѣчено. Если при рѣшеніи вопроса о пространствѣ эти соображенія имѣютъ силу лишь въ приложеніи къ эвклидовской теоріи пространства, то при рѣшеніи вопроса о времени они имѣютъ безусловное значеніе, ибо представленіе времени существуетъ только одно. Время есть функція измѣненій, происходящихъ въ предметѣ. Мы можемъ опустошить міръ и у насъ останется представленіе бесконечно тянущагося во всѣ стороны эвклидовскаго пространства, но времени не будетъ; нѣтъ измѣненій, нѣтъ и времени. Что же такое время? Если пространственные отношенія символизируютъ намъ отношенія взаимодѣйствія, то отношенія по времени, намъ кажется, символизируютъ отношенія причинности. Хотя логика и очень осуждаетъ умозаключенія, строяемыя по формулѣ *post hoc, ergo propter hoc*, однако эта формула въ своей сущности справедлива. Предыдущее есть причина послѣдующаго. Вся сово-

купность явленій въ современномъ мірѣ есть слѣдствіе того, что было въ этомъ мірѣ ранѣе. Умозаключеніе по формулѣ *post hoc, ergo propter hoc* ведетъ насъ къ ошибочнымъ слѣдствіямъ лишь потому, что мы въ предыдущемъ поставляемъ не тотъ рядъ явленій причиной послѣдующаго, какой нужно. Въ предыдущемъ мы имѣли А, В, С, въ послѣдующемъ D, E, F; допустимъ, А было причиною D, В причиною E, С причиною F, а мы можемъ перепутать и представить В причиною F, но однако здѣсь, скажемъ мы, не будетъ безусловной неправды. Дѣло въ томъ, что въ мірѣ нѣтъ ничего разрозненнаго, но все въ своей совокупности представляетъ одно цѣлое, отсюда всякое послѣдующее явленіе представляетъ собою слѣдствіе не одной или нѣсколькихъ какихъ либо изолированныхъ причинъ, но всей совокупности явленій предшествующаго, причѣмъ только преобладающимъ факторомъ будетъ какое либо одно начало. Вчера надъ городомъ N разразилась буря съ грозой. Бъ чемъ искать причину этой грозы? Скопленіе водяныхъ паровъ и электричества въ извѣстномъ мѣстѣ и въ извѣстное время и въ извѣстномъ количествѣ можетъ быть объяснено во всѣхъ своихъ мельчайшихъ подробностяхъ лишь всею прошлою астрономической исторіей вселенной и затѣмъ геологической исторіей земли. Такимъ образомъ не А производитъ D, а А+В+С производитъ D+E+F и только А имѣетъ преобладающее значеніе въ дѣлѣ произведенія D. Смыслъ нашего разсужденія тотъ, что все предыдущее есть причина всего послѣдующаго и что всякое предыдущее является болѣе или менѣе причиною всякаго послѣдующаго. Если бы я обладалъ всевѣдѣніемъ, я безъ сомнѣнія могъ бы показать, что походъ Наполеона на Русь въ 1812 г. несомнѣнно занималъ—хотя и безконечно малое мѣсто—въ ряду тѣхъ причинъ, которыя произвели то, что я въ данный моментъ сижу тамъ-то и въ такомъ-то креслѣ. Общій выводъ изъ нашей рѣчи тотъ: не идея послѣдовательности родила идею причинности, а фактъ причинности открылся нашему духу въ видѣ отношеній послѣдовательности или, иначе, въ видѣ отношеній времени.

Пространство показываетъ намъ, въ какихъ взаимоотношеніяхъ находятся между собою элементы вселенной, время по-

казываетъ ихъ взаимную зависимость по происхожденію. Между ними существуетъ взаимодѣйствіе, они стоятъ другъ съ другомъ въ причинной связи. Выше мы видѣли, что они представляютъ собой многообразіе энергій. Теперь можно подвести итогъ тому, что должно сказать объ ихъ сущности и свойствахъ.

Очевидно, вселенная образуется изъ какихъ-то началъ, которыя во 1) способны къ дѣйствию, во 2) способны воспринимать дѣйствія. Они способны къ дѣйствию. Результатомъ ихъ дѣйствія является то, что мы называемъ міромъ. Они способны воспринимать дѣйствія отъ нихъ. Въ этомъ мы убѣждаемся тѣмъ, что сами вносимъ нѣкоторыя измѣненія во вселенную. Затѣмъ изъ того, что при помощи этихъ силъ мы вступаемъ во взаимныя сношенія съ другими лицами и существами. Мы полагаемъ, что можно доказать, что эти начала должно мыслить *множественными, конечными и несамобитными*. Эти начала *множественны*,—это доказывается тѣмъ, что во вселенной происходятъ постоянныя измѣненія. Этихъ измѣненій не было бы, если бы бытіе было только одно. Они *конечны*. Терминъ „конечный“ требуетъ разъясненія. Нѣкоторые говорятъ, что понятіе безконечности произошло путемъ отрицанія конечнаго, нѣкоторые, наоборотъ, (М. Мюллеръ) идею конечнаго выводятъ изъ безконечнаго. Мы думаемъ, что доселѣ не совсѣмъ правильно конечное противопоставляли безконечному и что въ опредѣленія конечнаго и безконечнаго нужно внести нѣкоторыя поправки. Доселѣ обыкновенно не обращали вниманія на то, что всякая сила, всякое явленіе—какъ бы слабы они ни были,—въ нѣкоторомъ отношеніи безконечны. Маленькая матеріальная частица обладаетъ очень незначительною силою притяженія, но ея притягивающая сила дѣйствуетъ на всю вселенную. Вычисленіе показываетъ намъ, что сфера ея дѣйствія безконечна, но напряженность ея дѣйствія ограничена. Свѣтящаяся точка освѣщаетъ всю вселенную. Ея свѣтъ, какъ и притяженіе матеріальной частицы могутъ парализовать другія силы, но самъ по себѣ этотъ свѣтъ и это притяженіе простираются до безконечныхъ предѣловъ периферіи вселенной. Мало этого. Вычисленіе показываетъ

намъ, что какъ бы слабо на насъ ни дѣйствовала сила, исходящая изъ какого-либо источника, въ центрѣ своего дѣйствія эта сила всегда безконечна. Положимъ, что дѣйствующая на насъ сила свѣта или притяженія, исходящая изъ центра O , находящагося на разстояніи R , равна F , тогда на половинѣ этого разстоянія эта сила будетъ равна $4F$, на одной сотой разстоянія— $10000 F$; уменьшая разстояніе далѣе, мы получимъ какое угодно большее число и наконецъ въ самомъ центрѣ для напряжимости силы мы будемъ имѣть выраженіе $\frac{F}{(0)^2}$ —безконечности (∞). Но эта безконечность сферы дѣйствія и безконечная напряженность въ центрѣ дѣйствія не измѣняютъ того факта, что сама по себѣ дѣйствующая сила конечна, потому что во всякомъ самомъ маломъ объемѣ (центръ не имѣетъ объема, онъ есть нуль пространства) напряженность ея выражается конечнымъ числомъ. Безконечна та сила, напряженность которой равна безконечности хотя бы въ весьма маломъ объемѣ, дѣйствіе такой силы вездѣ будетъ безконечнымъ. Если сила притяженія, исходящая изъ какого-либо центра, на разстояніи одного миллиметра отъ этого центра будетъ безконечною, то тогда ея дѣйствіе на разстояніи метра выразится безконечнымъ числомъ, раздѣленнымъ на миллионъ ($\frac{\infty}{1000^2}$), что также равно безконечности, потому что на какое бы конечное число ни дѣлили безконечность, она всегда останется безконечною. Слѣдовательно, если бы въ видимомъ (вещественномъ) мірѣ была какая-либо безконечная сила, то она вездѣ бы дѣйствовала съ безконечнымъ напряженіемъ, парализовала бы всѣ другія силы и все подчинила бы себѣ. Но такой силы нѣтъ. Напряженія энергій въ каждомъ данномъ объемѣ, оказываются, выражаются очень скромными конечными величинами. Отсюда слѣдуетъ, что видимый міръ *конеченъ* во всякомъ пунктѣ своего бытія, *конеченъ* вообще. Противъ послѣдняго заключенія возражаютъ, что міръ, будучи конеченъ въ каждомъ отдѣльномъ пунктѣ, безконеченъ въ своемъ цѣломъ; сумма его конечныхъ частей безконечна. Но если бы это на самомъ дѣлѣ было такъ, то тогда и дѣйствіе этой суммы во всякомъ пунктѣ было бы безконечнымъ. Этого нѣтъ. Самое представленіе какой-то беско-

нечной силы, разлагающейся на конечные, образующіеся элементы не принадлежитъ къ числу такихъ, которыя могутъ быть допущены логикой или математикой. Точно также представленіе бытія вещественнаго есть представленіе бытія конечнаго, ограниченнаго. Матеріальное бытіе есть прежде всего бытіе ограниченное нѣкоторыми геометрическими поверхностями, оно воспринимаетъ на себя воздѣйствія совнѣ только на границахъ этихъ поверхностей. Для того, чтобы оно не уничтожилось отъ совокупности такихъ воздѣйствій, нужно, чтобы и эти воздѣйствія въ своей суммѣ были конечными. Матеріальная частица можетъ сохранять свою относительную самостоятельность только подъ условіемъ, чтобы вся остальная матеріальная вселенная—какъ бы велика она ни была—была конечною. Такъ, мы приходимъ къ заключенію, что тѣ начала, изъ взаимодействія которыхъ образуется міръ, конечны—каждое въ отдѣльности и всѣ въ своей суммѣ.

Пусть такъ, скажутъ намъ, пусть предположеніе о безконечности міра приводитъ къ абсурду и отсюда путемъ *deductio ab absurdo* выводятъ, что міръ конеченъ. Но вѣдь и предположеніе конечности міра тоже приводитъ къ нелѣпости. Когда мы пытаемся представить міръ конечнымъ, гдѣ бы мы мысленно ни назначали ему границы, сейчасъ наша мысль стремится переступить эти границы, и полагаетъ бытіе и по ту ихъ сторону. Такъ оказывается, что мы обязательно должны мыслить міръ безконечнымъ или вѣрнѣе—оказывается, что мы не можемъ мыслить міръ ни конечнымъ, ни безконечнымъ. Это, говорятъ, старая антиномія Канта, приводящая насъ лишь къ одному неутѣшительному выводу, что на самомъ дѣлѣ мы ничего не можемъ знать о мірѣ и не можемъ предложить о немъ никакого ученія. Да, антиномія дѣйствительно старая, но насколько она стара, настолько и ошибочна. Кантъ правъ, говоря, что наша мысль не можетъ представить пространства и времени конечными, но наша мысль очень легко можетъ представить, что міръ конеченъ по количеству находящихся въ немъ матеріи и силы—по количеству энергіи. Мы можемъ мысленно опустошить и пространство и время и представить, что наша земля и есть вся вселенная, что вокругъ

нея пустота, и что прежде, чѣмъ она была вызвана къ бытію, была пустота и на ея мѣстѣ. Такимъ образомъ, утвержденіе, что мы не можемъ мыслить міра ни конечнымъ, ни безконечнымъ, несправедливо, мы не можемъ мыслить міра безконечнымъ и можемъ мыслить его конечнымъ, слѣдовательно конечнымъ мы его и должны мыслить. Однако движущееся время и неподвижное пространство намъ представляются дѣйствительно безконечными. Какъ намъ объяснить это? Если справедливо положеніе, что по явленію можно судить о сущности, то изъ безконечности пространства и времени не слѣдуетъ ли, что безконечна та сущность, откровеніемъ которой они являются? Отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ слѣдуетъ изъ того, что мы сказали о пространствѣ и времени на предыдущихъ страницахъ. Мы установили, что пространство и время суть обнаруженія отношеній между вещами. Пространство это форма, въ которой мы воспринимаемъ взаимоотношеніе между вещами по ихъ взаимодействію, время, это—форма, въ которой мы воспринимаемъ связь вещей по ихъ происхожденію. Если не будетъ вещей и перемѣнъ съ вещами, то пространство и время станутъ пустыми и будутъ являть собою чистое небытіе, которое не можетъ быть откровеніемъ и обнаруженіемъ никакого бытія, ни конечнаго, ни безконечнаго. Но безконечность пространства и времени говоритъ намъ не о безконечномъ количествѣ вещей, а о возможности между ними безконечнаго числа отношеній. Нашъ опытъ всегда намъ даетъ только конечное количество пространства и времени, но наше мышленіе представляетъ ихъ безконечными, подобно тому какъ нашъ опытъ даетъ намъ только конечное число отношеній между вещами, но наше мышленіе говоритъ, что такое число безконечно. Приведемъ одинъ геометрическій примѣръ, поясняющій это. Положимъ, намъ дано четыре прямыхъ для образованія четырехугольника. Такое образованіе будетъ всегда возможно, если каждая изъ данныхъ прямыхъ меньше суммы трехъ остальныхъ. Такой четырехугольникъ можетъ быть построенъ различнымъ образомъ. Спрашивается, какое число различныхъ отношеній можно установить между его углами, сумма которыхъ неизмѣнно будетъ равна четыремъ прямымъ?

На этотъ вопросъ геометрія даетъ намъ отвѣтъ: число возможныхъ различныхъ отношеній въ данномъ случаѣ бесконечно. Опытъ, конечно, никогда не воспроизведетъ этой бесконечности, но теорія учитъ насъ о ней, какъ бесконечность пространства и времени есть представляемая нашимъ мышленіемъ возможная бесконечность отношеній между вещами, а не дѣйствительная бесконечность вещей.

Такъ мы видимъ, что въ ряду двухъ возможныхъ рѣшеній о мірѣ: міръ или конеченъ или бесконеченъ и логическій анализъ, и факты дѣйствительности побуждаютъ насъ склониться къ рѣшенію, что правильно первое предположеніе, утверждающее конечность нашего міра. Всѣ возраженія противъ этого утвержденія могутъ быть устранимы. Нашъ міръ представляетъ собою совокупность многихъ (но не бесконечно большаго числа) конечныхъ началъ. Эти начала находятся между собою во взаимной связи и образуютъ собою гармоничное цѣлое. Поставимъ теперь вопросъ о происхожденіи этихъ началъ. Чтобы его правильно рѣшить, прежде всего нужно его выяснить. Что такое происхожденіе? Предо мною кусокъ гранита. Онъ представляетъ соединеніе полевого шпата, кварца и слюды. Я говорю, что онъ произошелъ вслѣдствіе соединенія этихъ минераловъ. Всѣ вещи въ физическомъ мірѣ происходятъ или путемъ сложенія или путемъ разложенія. Вода явилась вслѣдствіе соединенія кислорода и водорода въ опредѣленной пропорціи, водородъ мы получаемъ, разлагая воду. Но, рассуждая такъ, мы рассуждаемъ о происхожденіи явленій, а не вещей; поставляя вопросъ о происхожденіи міра, мы, очевидно, разумѣемъ иное, мы спрашиваемъ, какъ явились такія начала, которыя не представляютъ собою ничего сложнаго и первоначальное появленіе которыхъ не могло быть слѣдствіемъ выдѣленія ихъ изъ чего-либо сложнаго, ибо все сложное явилось послѣ простаго. Самое простое рѣшеніе вопроса есть то, что эти начала всегда существовали и будутъ существовать. Но это не есть рѣшеніе, а уклоненіе отъ рѣшенія, притомъ еще уклоненіе, влекущее за собою много недоразумѣній. Мы утвердили фактъ, что начала, изъ которыхъ слагается міръ, много и что они конечны. Спрашивается: какимъ образомъ эти

многія начала сложились въ одно стройное цѣлое, въ одинъ величественный космосъ, какъ каждое изъ этихъ началъ могло воздѣйствовать на другое и получать воздѣйствія отъ другихъ? Еще учителя и отцы Церкви первыхъ вѣковъ, опровергая матеріалистическій атомизмъ Эпикура, съ ироніей спрашивали, какъ изъ неимѣющихъ разума и воли атомовъ и не стоящихъ между собою ни въ какой связи и зависимости могло возникнуть все разнообразіе жизни вселенной? Отвѣтъ естественно являлся тотъ, что кто-то, стоящій внѣ этихъ атомовъ эпикурейцевъ или внѣ нашихъ началъ міра, привелъ ихъ въ связь и гармонію. Долженъ былъ быть какой-то Деміургъ, который построилъ міръ, міръ не могъ построиться самъ собою и не потому, что онъ устроенъ хорошо или плохо—этотъ вопросъ пока мы оставляемъ въ сторонѣ—а потому, что въ немъ мы видимъ существованіе связи между различными элементами, связи, которая не могла возникнуть сама собою. Итакъ, мы пришли къ предположенію существованія какого-то Деміурга. Но у насъ теперь поднимается новый вопросъ; какъ этотъ Деміургъ могъ воздѣйствовать на тѣ начала, изъ которыхъ сложился міръ, почему эти начала, будучи также самобытны, какъ онъ, будучи вѣчны и независимы ни отъ чего, поработились зависимости отъ какого-то чуждаго Начала? Древніе греки учили, что съ одной стороны существовалъ матеріаль—*ὕλη*, съ другой—деміургъ, который изъ этого начала образовалъ міръ, но они не рѣшали вопроса о томъ, какъ этотъ деміургъ могъ воздѣйствовать на этотъ матеріаль, возможность взаимодействія между деміургомъ и *ὕλη* необходимо должна обуславливаться тѣмъ, чтобы между ними была заранѣе какая-либо гармонія: съ одной стороны способность производить воздѣйствіе, съ другой воспринимать его, но въ такомъ случаѣ предположеніе объ ихъ самобытности должно уступить мѣсто предположенію о томъ, что они произведены какою-то иною Высшею и Общею Причиною, что они не самобытны, но получили свои свойства и, значитъ, свое бытіе отъ нѣкоего Высшаго Начала. Анализируя нашу гипотезу, мы легко замѣчаемъ, что въ ней есть одно лишнее предположеніе, именно предположеніе о существованіи Деміурга, созданнаго для устройства

міра. Высшее Начало, произведшее элементы бытія, не имѣло никакой нужды создавать особое существо, которое должно было бы упорядочить и привести въ гармонію эти элементы. Для того, чтобы такая гармонія могла возникнуть, нужно, чтобы въ самые элементы были заложены законы, обуславливающіе ее; разъ такіе законы бытія созданы, гармонія возникаетъ сама собою; если же такіе законы не заложены въ бытіе, то никакой деміургъ не можетъ создать изъ нихъ ничего гармоничнаго и цѣлаго. Предположеніе о существованіи деміурга такимъ образомъ оказывается излишнимъ, мы его и устраняемъ. У насъ теперь остается предположеніе, что элементы бытія упорядочены нѣкоторымъ Высшимъ Началомъ, которое и произвело ихъ. Такимъ образомъ мы пришли къ выводу, что нашъ міръ не самобытенъ, а произошелъ отъ Нѣкоего Высшаго Начала, причемъ фактъ этого происхожденія, очевидно, нельзя представлять аналогичнымъ происхожденію различныхъ явленій. Говоря о томъ, что міръ произошелъ или возникъ, мы разумѣемъ, что бытіе—сущность—прежде не существовавшая, стала быть; говоря о происхожденіи того или другого явленія, мы разумѣемъ, что возникли новыя отношенія между вещами (сущностями), породившія новыя явленія, но не разумѣемъ, что возникли новыя вещи. Говоря, что возникло бытіе прежде не существовавшее, мы утверждаемъ, что оно возникло изъ ничего, ибо если бы оно возникло изъ чего-либо, то это было только то, что мы называемъ измѣненіемъ отношеній между вещами. Вмѣстѣ съ тѣмъ говоря, что возникшее бытіе произведено Высшимъ Началомъ, мы утверждаемъ, что оно имѣетъ для себя достаточную причину. Мы утверждаемъ, такимъ образомъ, фактъ творенія нашего міра изъ ничего. Прежде чѣмъ спорить о возможности или невозможности этого во всякомъ случаѣ непостижимаго факта, намъ могутъ возразить, что нѣтъ нужды предполагать его. Если въ логическомъ отношеніи представляется затруднительнымъ предполагать самобытность нашего міра, то можно представить, что Высшее Начало образовало его изъ себя, что онъ возникъ путемъ эманации изъ Перваго Принципа. Этого, скажемъ мы, предполагать нельзя.

Нашъ міръ есть бытіе конечное и цѣлое. Если онъ возникъ черезъ отдѣленіе его сущности отъ какого-то Высшаго Принципа, то мы должны допустить, что какое-то высшее существо раздѣлилось и, значитъ, умалилось. Если это бытіе конечное и вмѣстѣ съ тѣмъ способное къ дѣленію, значитъ, сложное, то относительно него мы должны будемъ придти къ заключенію, какъ и о нашемъ бытіи, что оно несамобытно, что, значитъ, оно произошло отъ Нѣкоего Высшаго Начала и т. д. Такъ какъ *regressus in infinitum* не возможенъ, то намъ остается предположить, что наше бытіе произведено бытіемъ безконечнымъ. Но никакая часть безконечнаго бытія не можетъ быть конечною, отсюда слѣдуетъ, что безконечное бытіе произвело наше бытіе, не отдѣляя отъ себя никакой части, произвело, слѣдовательно, не путемъ эманации, а путемъ творенія.

Ученіе о твореніи есть исключительно ученіе богооткровенной религіи. Его нельзя найти въ религіяхъ другихъ народовъ, какъ культурныхъ, такъ и некультурныхъ. Если мы находимъ ученіе о твореніи ясно выраженнымъ въ коранѣ, то мы знаемъ, что оно тамъ заимствовано изъ Моисеевой торы. Въ персидской религіи оно выражено не совсѣмъ опредѣленно, въ послѣднее время тамъ довольно ясно просвѣчиваетъ идея эманации. Что же касается до тѣхъ элементовъ персидскаго ученія, которые являются сходными съ библейскими, то можно считать несомнѣннымъ, что здѣсь было заимствованіе персовъ у евреевъ, а не евреевъ у персовъ. Ученіе персовъ явилось очень поздно, и какъ бы западная критика Библии ни приближала ко времени христіанской эры дату появленія библейскихъ книгъ, эта дата всегда, оказывается, на нѣсколько столѣтій превосходитъ древность книгъ персидскихъ. Въ религіяхъ другихъ арійскихъ народовъ, въ религіяхъ ведъ, браманизма, буддизма, религіи Греціи и Рима, религіи германцевъ, славянъ идея творенія въ сущности отсутствовала. Ее мы не находимъ и у народовъ семитическихъ, хамитическихъ, у народовъ, жившихъ въ сосѣдствѣ съ евреями—ассиро-вавилонянъ, египтянъ. Это ученіе формулировано только богооткровенною религіею. Изъ нея его приняла спиритуалисти-

ческая философія, его отвергли пантеизмъ и атеизмъ. Тѣ, которые отвергали его, всегда отвергали его почти безъ изслѣдованія. *Ex nihilo fit nihil*, говорили они, подчеркивая въ выраженіи твореніе *изъ ничего* послѣднее слово. Однако не трудно видѣть всю слабость этого аргумента. Выраженіе *ex nihilo fit nihil* справедливо въ томъ смыслѣ, что безъ причины ничего не бываетъ. Если бы кто нибудь сталъ учить такъ: сначала ничего не было, потомъ явился міръ безпричинно, то его ученіе, безъ сомнѣнія, не приняли бы философы. Но ученіе о твореніи не говоритъ, что міръ возникъ безпричинно, оно утверждаетъ, что міръ сотворенъ Богомъ и, поясняя самый образъ творенія, говоритъ: изъ ничего. Это поясненіе представляетъ собою только раскрытіе смысла слова „сотворилъ“, ибо въ этомъ словѣ заключается мысль, что Богъ при образованіи міра не воспользовался никакимъ ранѣе существовавшимъ матеріаломъ. Отрицается возможность такого творенія. Это отрицаніе, если его подвергнуть анализу, окажется вмѣстѣ и отрицаніемъ закона причинности и несогласнымъ съ безмолвными принципами того научнаго міропониманія, изъ котораго оно исходитъ. Мы говоримъ, что оно содержитъ въ себѣ отрицаніе причинности. Что такое причина? Это непостижимое для насъ начало, производящее то, причиною чего его мы называемъ. Какимъ образомъ производящее? Не такъ, какъ объясняютъ происхожденіе явленій физика и механика. Когда намъ говорятъ, что скорость падающаго тѣла на зѣмлю возрастаетъ въ каждую послѣдующую секунду паденія почти на 10 метровъ, и что это объясняется тѣмъ, что къ прежде сообщенной скорости въ каждую секунду непрерывно дѣйствующая сила тяготѣнія присоединяетъ ускореніе въ 10 метровъ, то мы имѣемъ здѣсь дѣло просто съ ариѳметическимъ сложеніемъ, а не съ явленіями причинности. Точно также, если намъ говорятъ, что какому либо тѣлу сообщена толчкомъ скорость V въ направленіи АВ и другимъ толчкомъ сообщена меньшая скорость V' въ направленіи ВА, то тѣло задвигается въ направленіи АВ со скоростію $V - V'$, мы опять видимъ предъ собою только ариѳметическое вычитаніе. Положительныя науки пытаются представить намъ всѣ явленія, какъ ре-

зультатъ сложенія и вычитанія различныхъ количествъ матеріи и движенія. Онѣ въ сущности не говорятъ о причинахъ. $7-5=2$. Можно ли сказать, что въ этомъ ариѳметическомъ выраженіи 7 и 5 являются причиною двухъ? Конечно, нѣтъ. Но, стараясь все объяснить, не прибѣгая къ причинамъ, положительныя науки на самомъ дѣлѣ всегда предполагаютъ ихъ. Явленія происходятъ, какъ результатъ сложенія и вычитанія, но вѣдь нѣчто производитъ это сложеніе и вычитаніе, это перенесеніе массъ изъ одного мѣста въ другое и эту передачу движенія одного тѣла другому—то, что производитъ это, и суть причины, и не трудно видѣть, что эти причины не могутъ быть ни тождественны, ни подобны тому, что онѣ производятъ. Причины суть начала, способныя постоянно и неизмѣнно производить опредѣленныя дѣйствія, вещи, явленія, причѣмъ эти дѣйствія, вещи и явленія нисколько не похожи на свои причины. Сила, заставляющая тѣло приближаться къ какому нибудь притягивающему центру и постоянно ускорять быстроту своего движенія, нисколько не похоже на это движеніе. Вотъ почему выраженіе: причина равна своему слѣдствію совершенно невѣрно, но совершенно вѣрно другое положеніе: однѣ и тѣ же причины всегда производятъ однѣ и тѣ же слѣдствія. Причины, производящія міръ, конечны. Присущее намъ требованіе причинности обязываетъ насъ искать для нихъ и для той гармоніи, которая царствуетъ между ихъ дѣйствіями, Первопричины. Эту Первопричину мы должны мыслить безконечною, иначе мы должны будемъ искать еще высшей Первопричины. Если конечная причина можетъ всегда производить лишь одно и то же дѣйствіе (или по крайней мѣрѣ ограниченный кругъ дѣйствій; о послѣдней мы будемъ говорить въ трактатѣ о духовномъ мірѣ), то причина безконечная можетъ производить безчисленное множество вещей и дѣйствій, и эти вещи и дѣйствія, мы не можемъ мыслить по необходимости вытекающими изъ Него, не можемъ, потому что такое предположеніе заставило бы связать насъ неразрывною связью безконечное и конечное и признать нѣкоторую зависимость перваго отъ послѣдняго, ибо съ этой точки зрѣнія безконечное не могло бы себя отдѣлать отъ конечнаго. Такимъ

образомъ конечныя вещи не суть эманация Первопричины, но Ея твореніе, Ею произведенныя и въ Ней пребывающія, но по отношенію къ которымъ тѣмъ не менѣ Она трансцендентна. Если эта трансцендентная Первопричина, производя міръ, ничего не отдѣляетъ отъ Себя и ничѣмъ не пользуется извнѣ, то, значитъ, она есть безконечная сила. Если міръ создается Ею свободно, а не выходитъ или истекаетъ изъ Нея по необходимости, то, значитъ, Она есть абсолютная Воля.

Существованіе такой Первопричины молчаливо предполагается и естественнонаучнымъ міропониманіемъ. Существуетъ въ естествознаніи законъ сохраненія энергіи. Эмпирически законъ этотъ очень понятенъ. Имъ утверждается, что количество вѣса, количество теплоты, свѣта во вселенной остается неизмѣннымъ, что если извѣстное количество теплоты превратится въ движеніе, то потомъ это движеніе опять перейдетъ или по крайней мѣрѣ можетъ перейти въ то же количество теплоты. За единицу теплоты принимается то ея количество, которое повышаетъ температуру одного килограмма дистиллированной воды съ 0° до 1° по С. (большая калорія). Это количество теплоты, если оно будетъ преобразовано въ работу, можетъ поднять 424 килограмма какого либо вещества на высоту 1-го метра. Величина 424 килограмма и называется механическимъ эквивалентомъ теплоты, такъ какъ показываетъ, въ какое количество механической работы превращается единица теплоты (съ непогрѣшимой точностью величина механическаго эквивалента не установлена). Наоборотъ, количество теплоты, развивающееся вслѣдствіе паденія 1 килограмма съ высоты 1-го метра (равнаго $\frac{1}{424}$ количества теплоты нужнаго для повышенія температуры 1-го килограмма воды съ 0° на 1° по С.), называется термическимъ эквивалентомъ работы. Эта неизмѣняемость отношеній между силами, этотъ фактъ, что превращенія энергіи не измѣняютъ ея количества, что при этихъ превращеніяхъ ничто не тратится и не пропадаетъ, что, придя въ свое первоначальное состояніе, энергія окажется существующею въ томъ же количествѣ, въ какомъ и была изначала, этотъ фактъ и носитъ имя закона сохраненія энергіи. Онъ очень понятенъ и раньше, чемъ онъ былъ формулированъ, онъ въ дѣйствитель-

ности уже предполагался въ положительныхъ наукахъ; изъ его молчаливаго предположенія выходили фѣзики и механики въ своихъ работахъ, онъ былъ и будетъ всегда необходимымъ постулатомъ естествознанія. Но съ философской точки зрѣнія онъ заключаетъ въ себѣ много неяснаго и неопредѣленнаго. Пока имъ утверждается, что количество движенія, присущее тѣламъ, остается неизмѣннымъ, онъ ясенъ; но когда имъ утверждается, что и количество вѣса въ природѣ тоже неизмѣнно, онъ страненъ. Тѣло, перенесенное съ полюса на экваторъ, вѣситъ въ послѣднемъ мѣстѣ менѣе. Намъ скажутъ, что это не измѣняетъ дѣла, и что вѣсъ земли остается неизмѣннымъ. Но если землю удалить отъ солнца или приблизить къ нему, то и ея вѣсъ измѣнится. Намъ скажутъ, что вѣсъ солнечной системы останется неизмѣннымъ. Но мы можемъ представить себѣ и солнечную систему поставленную въ инныя условія и вслѣдствіе этого ставшею или легче или тяжелѣе. Мы имѣемъ основанія такимъ образомъ утверждать, что мы можемъ перестроить всю вселенную такъ, что вѣсъ ея измѣнится. Мы привели выше одно объясненіе закона тяготѣнія, по которому сначала въ природѣ не было совсѣмъ вѣса и онъ явился впоследствии. Но если повятіе вѣса оказывается неустойчивымъ, то тогда и все дальнѣйшее ученіе о сохраненіи энергіи теряетъ свою опредѣленность. За всѣмъ тѣмъ ученіе о сохраненіи энергіи въ научномъ міропониманіи оказывается совершенно необходимымъ. Къ нему присоединяется еще ученіе объ энтропії. Каждому тѣлу присуще нѣкоторое количество энергіи, но не все это количество можетъ быть измѣрено и не все можетъ быть обращено въ работу. Энергія, находящаяся въ тѣлѣ, можетъ быть извлечена изъ него лишь въ томъ случаѣ, если тѣло будетъ введено въ сферу, въ которой тѣла обладаютъ меньшею энергіею, чѣмъ оно. Вода, имѣющая 15° температуры и находящаяся въ комнатѣ, въ которой все имѣетъ эту температуру, не отдаетъ своей энергіи окружающимъ предметамъ, но будучи перенесена на воздухъ, гдѣ температура приближается къ 5° холода, сейчасъ же начинаетъ остывать, затѣмъ обращается въ ледъ и въ концѣ концовъ принимаетъ температуру окружающей среды. Безъ сомнѣнія, не только эта среда

понижила температуру воды, но и сама повысила свою собственную, только на бесконечно малую величину, ускользящую отъ измѣреній. Этотъ законъ передачи энергіи требуетъ нѣкотораго разъясненія: тѣло передающее свою энергію другимъ, обладаетъ не бóльшимъ количествомъ энергіи, чѣмъ другія, но, такъ сказать, большею напряженностію энергіи. Если энергію разсматривать, какъ количество движенія частицъ, то это можно разъяснить такъ: въ маленькомъ желѣзномъ шарѣ, имѣющемъ температуру въ 100° тепла и погруженнаго въ большое количество воды, имѣющей температуру въ 50° , очень немного частицъ, но эти частицы имѣютъ очень быстрое движеніе, въ окружающей его водѣ число частицъ очень значительно, но имѣютъ сравнительно медленное движеніе. Если мы сложимъ всѣ движенія частицъ въ желѣзѣ и затѣмъ сложимъ всѣ движенія частицъ воды, то окажется, что вторая сумма больше первой; однако не вода будетъ отдавать избытокъ своей энергіи желѣзу, а желѣзо водѣ. Законъ передачи энергіи слѣдовательно состоитъ въ томъ, что скорость движеній молекулярныхъ частицъ въ тѣлахъ стремится уравниваться. Существованіе разности въ этихъ скоростяхъ и обуславливаетъ всѣ явленія въ мірѣ. Для того, чтобы въ мірѣ происходили какія бы то ни было явленія, нужно, чтобы существовали тѣла съ свободной энергіей, т. е., такія, скорость частицъ въ которыхъ больше, чѣмъ въ окружающихъ. Процессъ передачи этими тѣлами избытка своей энергіи другимъ тѣламъ и есть процессъ міровой жизни. Но тѣла могутъ отдавать только избытокъ энергіи, за этимъ избыткомъ находится еще нѣкоторое количество энергіи, которое никакъ нельзя извлечь изъ тѣла. Это—энергія несвободная. Ее называютъ энтропией (такое значеніе этому термину далъ Клаузіусъ: въ Англіи, по предложенію Тэта, энтропией, напротивъ, называютъ свободную энергію). Клаузіусъ сказалъ, что энергія вселенной постоянна, но энтропія ея непрестанно стремится увеличиваться. На самомъ дѣлѣ, энергія вселенной стремится распредѣлиться равномерно, стремится, значитъ, распредѣлиться такъ, чтобы въ однихъ тѣлахъ не было избытка энергіи сравнительно съ другими, чтобы, слѣдовательно, исчезала свободная энергія. Такъ, тѣла взаимно тяготящія стремятся

сблизиться между собою и упасть одно на другое; силы, сопротивляющіяся движенію, превращая энергію переноснаго движенія въ теплоту, уменьшаютъ центробѣжную силу ихъ около центральныхъ движеній и даютъ тѣмъ перевѣсъ силамъ тяготѣнія; неравныя упругости стремятся уравниваться; неравно нагрѣтыя тѣла, сообщающіяся между собою посредствомъ проводимости или посредствомъ лучей, стремятся привести свои температуры въ равновѣсіе. Вся совокупность этихъ дѣйствій направлена къ тому, чтобы 1) сблизить между собою взаимно тяготѣющія тѣла, 2) уравновѣсить во всей вселенной упругости и 3) уравнять въ ней температуры. Когда это состояніе наступитъ, то энергія вселенной сохранитъ при этомъ свою начальную величину, но только равномерно разсѣется въ системѣ или, говоря иначе, вся перейдетъ въ энтропію. Это будетъ концомъ вселенной, въ ней прекратятся всѣ измѣненія, вызывавшіяся ранѣе превращеніями энергіи (стремленіе къ этому концу, къ установленію абсолютныхъ равновѣсій можно назвать стремленіемъ къ покою. Поэтому нами сказано выше, что формула древнихъ: всѣ тѣла стремятся къ покою въ сущности справедлива). Если бы вселенная мыслилась бесконечно, то тогда можно было бы сказать, что такое разсѣяніе энергіи (*dissipation of energy*) произойдетъ черезъ бесконечное число лѣтъ или—что тоже—никогда не произойдетъ; но какъ показали мы выше—вселенная должна быть мыслима конечною, значить, рано или поздно равномерное распредѣленіе энергіи въ ней произойдетъ и ея жизнь окончится. Изъ этого слѣдуетъ и другой выводъ, что процессъ міровой жизни происходилъ не отъ вѣчности, что онъ нѣкогда получилъ начало отъ какой то внѣшней силы. Такъ естествознаніе приводитъ къ мысли, что начало бытія дано міру Богомъ. Разсматривая естественно—научное міропониманіе, какъ символическое, мы въ томъ его выводѣ, что послѣдовательность явленій въ мірѣ нѣкогда получила начало, видимъ основаніе для философскаго основанія, что міръ имѣетъ внѣшнюю первопричину бытія. Мы установили, что наблюдаемая нами послѣдовательность явленій въ мірѣ служитъ отраженіемъ существованія между ними причинной связи. Послѣдовательность есть символъ причинности.

Если это такъ, то тогда то обстоятельство, что послѣдовательность міровыхъ явленій въ прошедшемъ не можетъ идти въ безконечность, но обрывается на какомъ то начальномъ моментѣ, показываетъ намъ, что для вторичныхъ причинъ, имманентныхъ міру, есть давшая имъ бытіе Трансцендентная первопричина.

Теперь намъ остается на основаніи данныхъ предложенной нами космологіи выяснитъ нѣкоторыя свойства этой Первопричины. Существуютъ 4 основныхъ взгляда по вопросу объ этой Первопричинѣ: 1) атеистическій, 2) пантеистическій, 3) деистическій (Вольтера, Дарвина) и 4) теистическій. Согласно атеистическому возрѣнію у міра нѣтъ никакой Первопричины: міровой процессъ состоитъ въ томъ, что вѣчно и безпричинно сущетвующія вещи вступаютъ между собою въ различныя соединенія. Согласно пантеистическому возрѣнію міръ есть обнаруженіе Единого Высшаго Начала, міръ есть обнаруженіе Божественной Сущности. Наша космологія не признаетъ возможнымъ допустить правильность ни того, ни другого взгляда, Остаются деистическое и теистическое возрѣнія. По ученію деизма, міръ сотворенъ Богомъ изъ ничего, такимъ образомъ происхожденіе міра отъ Бога оказывается совсѣмъ не таковымъ, какъ происхожденіе человѣческихъ произведеній отъ рукъ ихъ производшихъ. Но отношеніе міра къ Богу въ философіи деизма представляется таковымъ же, какъ отношеніе человѣческихъ произведеній къ тѣмъ, которые ихъ произвели, т. е., міръ существуетъ внѣ и независимо отъ Бога точно такъ же, какъ сдѣланные часы существуютъ внѣ и независимо отъ часовщика. Послѣ изложеннаго намъ нетрудно будетъ обнаружить ошибочность этого возрѣнія. Во 1) такое отношеніе міра къ Богу, какое представляетъ деизмъ, не имѣетъ для себя на самомъ дѣлѣ никакихъ аналогій въ мірѣ. Міръ сравниваютъ съ машиной. Того, Кто произвелъ міръ, съ тѣми, кто производитъ машины. Но развѣ есть хотя одна машина, которая дѣйствовала бы сама собою независимо ни отъ какого лица. Часы черезъ извѣстное время всегда бываетъ нужно заводить, паровыя машины постоянно требуютъ новаго и новаго топлива. Если быть вѣрнымъ аналогіи міра съ машиной, нужно предположить, что

процессъ міровой жизни продолжается вслѣдствіе постояннаго произведенія его вѣншею Первопричиною, т. е. значитъ, изъ этой аналогіи можно вывести теорію постояннаго творенія. Но мы не думаемъ обращать въ свою пользу аналогію, которой хотятъ воспользоваться софисты, мы ограничимся показаннымъ, что эта аналогія не только не полезна, но пагубна для деизма. Во 2) недопустимость деистическаго воззрѣнія на отношенія Бога къ міру вытекаетъ изъ изложеннаго ученія о причинѣ. Мы установили, что произведенная вещь или произведенное дѣйствіе не могутъ существовать независимо отъ своей причины. Пока существуетъ вещь, она существуетъ благодаря своей причинѣ, такимъ образомъ міръ, сотворенный Богомъ изъ ничего, не можетъ существовать пезависимо отъ Бога, онъ пребываетъ въ Богѣ, остающемся по отношенію къ міру трансцендентнымъ. Таковъ теистическій взглядъ.

Первопричину міра мы опредѣлили, какъ безконечную силу и абсолютную волю. Подъ безконечною силой мы разумѣемъ такую, которая можетъ произвести, какое угодно, количество силъ, нисколько не ослабѣвая и не теряя изъ себя ничего. Она затѣмъ должна быть признана *самобытною*, т. е., не имѣющей для себя причины. Могутъ возразить на это, что причина міра можетъ имѣть для себя еще высшую причину. На это должно сказать слѣдующее. Космологическій анализъ показываетъ намъ, что причина міра должна быть безконечною силою, а двухъ безконечныхъ силъ быть не можетъ; значитъ, первопричина міра не произведена ничѣмъ. Она есть причина самой себя. Будучи безконечною, она должна быть *неизмѣняемою*. Выраженіе „измѣняющаяся безконечность“ содержитъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе. Измѣненіе происходящее въ чемъ либо происходитъ или вслѣдствіе того, что и этому чему либо нѣчто прибавляютъ или нѣчто ото него отнимаютъ, или повышается или понижается интенсивность этого—чего-либо, или наконецъ въ этомъ чемъ-либо перемѣщаются части. Измѣненій въ смыслѣ улучшенія или ухудшенія, въ смыслѣ приращенія или отнятія, понятно, въ безконечности происходитъ не можетъ, не можетъ въ безконечномъ происходить и перемѣщеніе частей, ибо всѣ части безконечнаго безконечны или—го-

вора иначе—въ безконечномъ нѣтъ частей. Безконечное—это полнота бытія и каждое изъ его безконечныхъ свойствъ всегда существуетъ во всей своей безконечной полнотѣ.

Можетъ быть, конечный вещественный міръ самъ въ себѣ содержитъ откровеніе и завѣреніе существованія его невещественной безконечной первопричины и потому, воздѣйствуя на человѣка, заставляетъ его безсознательно направлять свою мысль къ представлеію нѣкоторой силы и воли, скрывающейся за явленіями и ихъ производящей? Можетъ быть, явленія міра возбуждаютъ въ человѣкѣ логическіе процессы—даже ускользающіе отъ его сознанія, которые приводятъ его къ мысли о невидимой причинѣ міра? Несомнѣнно, что къ мысли объ этой причинѣ направляютъ указанные нами факты и законы міровой жизни. Но на первыхъ порахъ сознательно исторической жизни человѣкъ не догадывался объ основномъ фактѣ бытія—его единствѣ, онъ не понималъ, что разъ предметъ воздѣйствуетъ на него или другой предметъ, значитъ, между ними есть связь, значитъ, они вмѣстѣ образуютъ элементы чего-то единого. Пестрота явленій и противоборство стихій препятствовали ему сдѣлать этотъ выводъ. Засуху и дождь, живительную теплоту и иссушающій зной онъ не умѣлъ примирить въ представленіи единства природы; вслѣдствіе этого вмѣсто одной первопричины міра онъ представлялъ себѣ бытіе множества духовъ—причинъ разнаго рода явленій. Скоро однако философская мысль пришла къ сознанію единства міра, но она не сумѣла удовлетворить разумному требованію единства ученіемъ о мірѣ, которое отвѣчало бы истинѣ. Стремленіе къ единству побудило смѣшать и слить безконечную первопричину и конечный міръ. Такъ явился пантеистическій монизмъ. На греческой почвѣ творцомъ его долженъ быть названъ Ксенофанъ Колофанскій (ἔν ἐν πᾶν), въ Индіи его создали брамины, придавъ ему религіозную окраску. Такимъ образомъ, не смотря на то, что и руководящія начала (требованіе единства), и факты дѣйствительности (конечность вещественнаго міра) направляли человѣка къ истинѣ, онъ не находилъ ея. Откровеніе изначала возвѣстило ее человѣчеству, но человѣчество въ большей своей части забыло и потеряло откровеніе. Однако видимый міръ, не открывая чело-

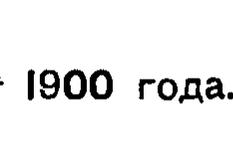
вѣку истины, непрестанно направлялъ его къ ней, онъ заставлялъ его догадываться, что за видимою стороною міра скрывается невидимая, за матеріею скрывается духъ, и онъ побуждалъ человѣка искать это невидимое, духовное, высшее. Непосредственное воздѣйствіе природы на человѣка возбуждаетъ въ немъ неопредѣленные сладкія чувства, неясныя стремленія къ чему-то высшему, размышленіе о природѣ всегда направляло мысль человѣка къ представленію объ управляющихъ ею высшихъ началахъ. Непосредственному мышленію человѣка природа никогда не представлялась самодѣйствующимъ безжизненнымъ механизмомъ, и мышленіе опосредствованное (научное), давая основанія и разъясненія этому представленію, не знаетъ ни одного факта, ни одного соображенія, которыя могли бы его поколебать. Отрицаніе духовной причины у вещественнаго міра есть противленіе правдѣ, которая непосредственно чувствуется всѣмъ человѣчествомъ.

Профессоръ С. С. Глаголевъ.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Апрѣля № 7. 1900 года.

Содержаніе. Высочайшія награды.—Отъ Хозяйственнаго Управленія при Святѣйшемъ Синодѣ.—Записка о засѣданіяхъ Харьковскаго Миссіонерскаго Совѣта 18—20 августа п. г. съ участіемъ священниковъ изъ зараженныхъ сектавствомъ селеній (продолженіе).—Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женеваго Училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 1898/99 учебный годъ (продолженіе).—Объявленіе.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Высочайшія награды.

Государь Императоръ, по всеподданѣйшему докладу Синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 11-й день истекшаго марта, на сопричисленіе, за 50-лѣтнюю службу, къ ордену *св. Владиміра 4-й степени*: священниковъ церквей: Николаевской села Влѣзокъ, Лебедянскаго уѣзда, Максима *Серіевскаго*, Троицкой въ слободѣ Мостковъ, Старобѣльскаго уѣзда, Евлампія *Макужина*.

Отъ Хозяйственнаго Управленія при Святѣйшемъ Синодѣ.

I.

Поступающія въ Хозяйственное Управленіе въ значительномъ числѣ пожертвованія въ пользу такихъ Аѳонскихъ келлій, представители которыхъ признаны неблагонадежными, *не отсылаются по назначенію и возвращаются обратно по требованіямъ жертвователей*. Такими завѣдомо-неблагонадежными келліотами признаны: 1) Варлаамъ Чернышевъ, старецъ келлій Трехъ Святителей, 2) Моусей Буренинъ, старецъ келліи Рождества Богородицы (нынѣ Игнатія Богоносца), 3) Серафимъ Мосягинъ, старецъ келліи Святыя Троицы, 4) іеромонахъ Иннокентій, старецъ келліи святаго Іоанна Предтечи, 5) іеромонахъ Іоанникій Литвиненко, старецъ келліи Положенія Пояса Божіей Матери, 6) Семень Чеботаревъ, старецъ келліи Иверской Божіей Матери, 7) Герасимъ Зиновьевъ, старецъ келліи Казанской Божіей Матери, и 8) Матвѣй Воронковъ, старецъ келліи Введенія во храмъ Пресвятой Богородицы.

Также не посылаются присылаемыя въ Хозяйственное Управление денежные письма на Аѳонъ и въ Іерусалимъ, адресуемыя на имя поклонниковъ и поклонницъ.

(Подробныя разъясненія о пожертвованіяхъ на Аѳонскіе монастыри и келліи напечатаны въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ» за 1899 г., № 10, стр. 60).

II.

Министръ Финансовъ, отношеніемъ отъ 5-го февраля сего года за № 76, сообщилъ Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода слѣдующее:

Высочайше утвержденнымъ, 25 января сего года, положеніемъ Комитета Министровъ опредѣлено продлить срокъ обмѣна кредитныхъ билетовъ 25 руб., 10 руб. и 5 руб. достоинствъ образца 1887 года и 100 рублевыхъ билетовъ, образца 1866 г., до 1 января 1902 года.

Озабочиваясь, въ интересахъ населенія Имперіи, повсемѣстнымъ и наиболѣе широкимъ оглашеніемъ сего Высочайшаго повелѣнія, Статсъ-Секретарь Витте проситъ сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы объявленіе о вышеуказанной льготѣ было печатаемо ежемѣсячно, впредь до истеченія срока, какъ въ Церковныхъ, такъ и въ мѣстныхъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, и чтобы приходскимъ священникамъ, въ особенности же сельскимъ, было поручено разъяснять прихожанамъ настоящее оповѣщеніе Министра Финансовъ:

При означенномъ отношеніи Министра Финансовъ препровождено, для ежемѣсячнаго печатанія въ Церковныхъ и Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, нижеслѣдующее объявленіе:

Министерство Финансовъ объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе, что:

I. Высочайше утвержденнымъ, въ 25 день января сего года, положеніемъ Комитета Министровъ опредѣлено: продлить обмѣнъ кредитныхъ билетовъ 25 руб., 10 руб. и 5 руб. достоинствъ образца 1887 года и 100 руб. билетовъ (радужнаго) образца 1866 года

до 1 января 1902 года.

Посему означенные билеты до 31-го декабря 1901 года включительно принимаются безпрепятственно всѣми правительственными кассами.

Признаки кредитныхъ билетовъ, обмѣнъ и обращеніе коихъ прекращается 31 декабря 1901 года:

Билеты въ 5, 10 и 25 рублей.

Рисунокъ лицевой стороны билетовъ отпечатанъ густою синею краскою по свѣтлоричневому фону.

Года выпуска обозначены внизу лицевой стороны билетовъ—въ 5 руб. билетъ (съ 1887 до 1894 г.) слѣва, а въ 10 руб. (съ 1887 до 1892 г.) и 25 руб. билетахъ (только 1887 г. по серединѣ билета.

Оборотная сторона билета содержитъ поперечный рисунокъ съ Государственнымъ гербомъ по серединѣ, крупною цифрою влѣво и извлеченіемъ изъ Манифеста—вправо и отпечатана:

5 руб. бил. синею краскою. 10 руб. бил. красною краскою. 25 руб. бил. лиловою краскою.

Сторублевый билетъ—радужный, съ портретомъ Императрицы Екатерины II.

Образцы этихъ билетовъ выставлены во всѣхъ конторахъ и отдѣленіяхъ Государственнаго Банка и въ Казначействахъ.

II. Нижеслѣдующіе 7 родовъ кредитныхъ билетовъ оставлены въ обращеніи безъ всякаго ограниченія.

500 руб. бил. Цвѣтъ зеленоватый. Годъ 1898. Портретъ Императора Петра Великаго. 100 руб. бил. Цвѣтъ песочный правая четверть бѣлая. Годъ 1898. Портретъ Императрицы Екатерины II. 25 руб. бил. Цвѣтъ лиловый. Годъ 1892. Справа портретъ Императора Александра III, видимый на свѣтъ. Слева женская фигура (Россія) со щитомъ. 10 руб. бил. Цвѣтъ красный. Годъ 1894. Женская фигура (Россія) со щитомъ. 5 руб. бил. Цвѣтъ синий. Годъ 1895. Женская фигура (Россія) со щитомъ. 3 руб. бил. Цвѣтъ зеленый. Года разные. Двуглавый орелъ по серединѣ. Цифра 3 слѣва. 1 руб. бил. Цвѣтъ желтый. Года разные. Двуглавый орелъ по серединѣ. Цифра 1 слѣва.

Кромѣ того въ текущемъ году будетъ выпущенъ 50 — рублевый билетъ. Цвѣтъ синеватый. Годъ 1899. Портретъ Императора Николая I.

О такомъ сообщеніи Министра Финансовъ Хозяйственное Управленіе, по распоряженію Синодальнаго Оберъ-Прокурора, имѣетъ честь объявить по духовному вѣдомству, для зависящихъ распоряженій.

Записка о засѣданіяхъ Харьковскаго Миссіонерскаго Совѣта 18—20 августа п. г. съ участіемъ священниковъ изъ зараженыхъ сектантствомъ селеній.

(Продолженіе *).

1. Ученіе христіанской Церкви о Св. Преданіи, какъ предметъ самаго упорнаго отрицанія со стороны штундистовъ, должно составлять главнѣйшій и первѣйшій предметъ для бесѣды православ-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, за 1900 г. № 6.

наго пастыря съ штундистами. Съ принятіемъ или отверженіемъ Св. Преданія прие́млется и отвергается вся неисчерпаемая полнота и глубина православно-христіанскаго вѣроученія, необходимаго для спасенія. Въ священныхъ источникахъ Преданія мы находимъ: древніе символы, апостольскія правила, правила и опредѣленія помѣстныхъ и вселенскихъ соборовъ, древнія литургіи, древнѣйшіе акты, касающіеся христіанскихъ мучениковъ, древнѣйшія исторіи Христіанской Церкви, творенія Св. отцовъ и учителей церкви. Здѣсь мы находимъ всю древнюю практику церкви, къ коей относятся: священныя времена—посты, воскресныя и праздничныя дни; священныя мѣста и священныя дѣйствія, каковы обряды и церковныя богослуженія, въ полнотѣ чина изложенныя въ богослужебныхъ книгахъ и разныхъ чинопослѣдованіяхъ. Такимъ образомъ, штундисты взявши на себя дерзость отвергнуть Св. Преданіе, отвергли вмѣстѣ съ тѣмъ всю исторію христіанской Церкви и все то, что въ ней назидательнаго, руководственнаго, спасительнаго. Въ виду этого выясненіе штундистамъ важности Преданія и опроверженіе основаній, ими приводимыхъ въ доказательство своего кореннаго заблужденія, имѣетъ первостепенное значеніе въ миссіонерской практикѣ духовенства и на Собраніи духовенства было предметомъ самыхъ оживленныхъ преній.

Въ оправданіе своего отрицательнаго взгляда на Св. Преданіе, штундисты указываютъ чаще всего на св. апостола Павла, который пишетъ въ посланіи къ Галатамъ: „если бы даже мы или ангелъ съ неба сталъ вамъ благовѣствовать вамъ не то, что мы благовѣствовали вамъ, да будетъ анае́ема“ (Галат. 1, 8—9). Кромѣ благовѣстія или евангелія, выводятъ отсюда штундисты, никакихъ преданій принимать не слѣдуетъ. Завѣдомую ложность такого толкованія легко видѣть уже изъ того, что въ настоящемъ текстѣ вовсе нѣтъ рѣчи о Св. Преданіи, а самая анае́ема провозглашается тѣмъ, которые проповѣдуютъ иначе, опускаая или добавляя что либо новое, несогласное съ тѣмъ, что преподали намъ св. апостолы. Въ противномъ случаѣ было бы непонятно рѣшительное и убѣдительное наставленіе того же апостола: „стойте и держите преданія“ (2 Сол. 2, 15); а такъ какъ отвергающіе преданіе не послушали апостола и говорятъ „не то, что они благовѣстили“, то они и подлежатъ анае́емѣ. Если бы штундисты больше выжили въ смыслъ приведенныхъ словъ апостола, то замѣтили бы, что отъ словъ сихъ они сами осуждаются, ибо апостоль не говоритъ здѣсь о словѣ писанномъ, а о словѣ устномъ: онъ не ска-

залъ: „то, что мы писали“, а сказалъ: „то, что благовѣствовало“. Не запрещая никакихъ новыхъ ученій, этими словами апостолъ осуждаетъ лишь ученія, противныя его ученію, принимая въ то же время преданія, согласныя съ духомъ христіанства.

Не болѣе основательна и другая ссылка на того же апостола Павла: „все писаніе богодухновенно и полезно для наученія, для обличенія, для исправленія, для наставленія въ праведности“ (2 Тим. 3, 16), а потому, говорятъ штундисты, преданіе излишне и не можетъ имѣть значеніе для христіанина. Держась такого грубаго буквализма въ толкованіи приведеннаго мѣста Св. Писанія и признавая богодухновеннымъ и полезнымъ одно Писаніе, штундисты вмѣстѣ съ тѣмъ должны отвергнуть богодухновенность священныя писателей и полезность всего остального, что можетъ быть полезно для человѣка. При этомъ способѣ истолкованія пришлось бы отвергнуть многія мѣста Св. Писанія. Такъ, если благочестіе на все полезно, то выходитъ отсюда, что всякая другая добродѣтель не полезна, а слѣдовательно и вредна.

Штундисты указываютъ далѣе на Евангеліе Іоанна гл. 20, ст. 30—31, какъ на мѣсто, будто бы подтверждающее ихъ лжеученіе: „много сотворилъ Іисусъ предъ учениками своими и другихъ чудесъ, о которыхъ не писано въ книгѣ сей. Сіе же все написано, дабы вы увѣровали, что Іисусъ есть Христосъ Сынъ Божій и, вѣруя, имѣли жизнь во имя Его“. Если, говорятъ штундисты, можно получить жизнь вѣчную и посредствомъ того, что написано, то нѣтъ нужды въ преданіяхъ. Въ опроверженіе такого пониманія пастыри обыкновенно указываютъ на то, что при этомъ истолкованіи ст. 31 самое Писаніе пришлось бы ограничить однимъ Евангеліемъ отъ Іоанна, ибо священный писатель ведетъ здѣсь рѣчь только о чудесахъ и только о своемъ Евангеліи. При этомъ если мы для правильнаго уразумѣнія смысла сопоставимъ оба стѣха, то легко видѣть, что здѣсь не только не отвергается Преданіе, а наоборотъ указывается, что оно есть корень и источникъ Самого Писанія: если есть много знаменій не записанныхъ въ Евангеліи, то очевидно, что они могли быть сохранены въ Св. Преданіи и нѣтъ никакихъ основаній ихъ опровергать, тѣмъ болѣе, что въ словѣ Божіемъ сказано: „слушающій васъ меня слушаетъ“ (Лук. 10, 16).

Любятъ указывать штундисты и на то, будто бы Самъ Іисусъ Христосъ отсылаетъ вѣрующихъ не къ преданіямъ, не къ отцамъ и соборамъ, а къ Св. Писанію: „изслѣдуйте Писанія, ибо вы думаете чрезъ нихъ имѣть жизнь вѣчную“ (Іоан. 5, 39). Утвер-

ждающіе такимъ образомъ забываютъ, что Іисусъ Христосъ, отсылая іудеевъ къ Писаніямъ для доказательства того, что Онъ Сынъ Божій, Мессія, ссылается въ то же время и на свидѣтельства Іоанна Крестителя, на свидѣтельство своихъ чудесъ (Іоан. 5; 33, 36, 37, 39; 1, 29, 34, 36; Мѡ. 3, 17; Лук. 9, 35), а потому штундисты опять неправы, отвергая спасительный примѣръ Іисуса Христа и не принимая преданій.

Далѣе, какъ на слова Самаго Іисуса Христа и главнѣйшихъ Его апостоловъ, якобы отвергающіе необходимость Св. Преданій, штундисты ссылаются еще на слѣдующія мѣста Св. Писанія: Мѡ. 15, 6, 9; I Петр. 1, 18; Колос. 2, 8; Галат. 1, 13 и др. Но ссылки на всѣ эти мѣста, объясняемыя грубымъ буквализмомъ штундистскихъ толкованій, даже не заслуживаютъ опроверженія. Въ данномъ случаѣ Спаситель и апостолы осуждаютъ одни только фарисейскія преданія, какъ это видно изъ многихъ мѣстъ Св. Писанія: Мѡ. 15, 2 Марк. 7, 3; 7, 4; Мѡ. 9, 11; Лук. 7, 39; Мѡ. 12, 1, 23, 23; Лук. 6, 7; Мѡ. 23, 16; 15, 5 и др. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ говорится о такихъ преданіяхъ, которыя были хранимы и соблюдаемы фарисеями изъ тщеславія или по заблужденію. Таковы ли преданія Моисея и пророковъ, святыхъ отцовъ и учителей новозавѣтной Церкви христіанской?

Весьма нерѣдко штундисты ссылаются также на Апокалипсисъ, гдѣ сказано, что „если кто приложитъ что къ нимъ (словамъ пророчества), на того Богъ наложитъ язвы, о которыхъ написано въ книгѣ сей“ (Апок. 22, 18). Поэтому, говорятъ, не прилагайте къ писаніямъ преданій вашихъ, ибо будете лишены блаженства вѣчнаго. Но и приведенное мѣсто не противно ученію о преданіи, такъ какъ имъ не запрещается къ пророчествамъ Апокалипсиса прилагать пророчества Ісаіи, Іереміи и другихъ пророковъ, новозавѣтныхъ посланій апостоловъ и пророковъ. Ясно, что здѣсь апостолъ говоритъ о пророчествахъ Апокалипсиса, превышающихъ человѣческое разумѣніе, къ которымъ и воспрещается что-либо прилагать или убавлять.

Также неосновательны и слѣдующія мѣста Св. Писанія, будто бы исключаютъ необходимости Св. Преданія: Лук. 16, 29—30; Втор. 4, 2; Вт. 12. Въ первомъ текстѣ читаемъ: „Авраамъ сказалъ ему (богатому): у нихъ есть Моисей и пророки; пусть слушаютъ ихъ“. Но можно ли отсюда заключать, чтобы мы не слушали преданія, равно какъ и то, чтобы мы слѣдовали одному закону Моисееву и писаніямъ пророковъ. Принявъ такое толкованіе,

мы тѣмъ самымъ обязуемся исполнить весь ветхозавѣтный законъ съ его жертвоприношеніями, обрѣзаніемъ и проч. Но разумно ли это? Подлинный смыслъ приведеннаго изреченія заключается въ томъ, что богачъ съ братьями, оправдывая свою безпечность, имѣлъ еще при жизни много средствъ для своего спасенія. Во второй ссылкѣ штундистовъ читаемъ: „не прибавляйте къ тому, что я заповѣдалъ вамъ и не убавляйте отъ того“. Отсюда опять нельзя выводить заключенія о необходимости придерживаться одного Писанія. Заповѣдь эта, преподанная языкомъ, а не письменама, скорѣе благопріятствуетъ принимающему преданіе, а не отвергающему его; притомъ же означенною заповѣдью предписывается лишь то, что бы іудеи въ цѣлости хранили заповѣди въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они дарованы Богомъ безъ искаженій и произвольныхъ толкованій. Кромѣ того и самая заповѣдь, какъ данная іудеямъ, имѣетъ значеніе для нихъ однихъ, а не для христіанъ, которые руководствуются Новымъ Завѣтомъ. То же слѣдуетъ сказать и о третьемъ мѣстѣ Писанія, приводимомъ штундистами; противъ него, какъ близкаго по смыслу и содержанію съ вышеприведеннымъ, говорятъ тѣ же самыя основанія.

На основаніи всего вышесказаннаго можно сдѣлать тотъ общій выводъ, что штундисты, отвергнувъ Преданіе, разъ навсегда потеряли возможность истиннаго разумѣнія и самаго Свящ. Писанія. А что сказать о явно преднамѣренномъ умолчаніи положительныхъ мѣстъ Св. Писанія, изъ коихъ усматривается необходимость Преданія, каковы: Лук. 1, 1; Мѣ. 28, 19; Іоан. 17, 12; Тим. 1, 5; Іоан. 21, 25; Дѣян. 1, 3; Дѣян. 20, 31; 22, 35; Іуд. 1, 9; 1 Кор. 11, 2; 11, 23; 2 Кор. 2, 15; 1 Кор. 11, 16; Рим. 10, 14; Лук. 10, 16; Мѣ. 18, 16; Евр. 13, 7—17 и др. Отсюда видно, что необходимость Преданія признается самимъ Писаніемъ со всею положительностью. Это же со всею ясностью открывается и изъ исторіи первоначальнаго проповѣданія и распространенія христіанской вѣры, изъ примѣра и совершенно ясныхъ изреченій и повелѣній самихъ священныхъ писателей, изъ непрерывнаго, единогогласнаго ученія св. отцовъ и учителей церкви и, наконецъ, изъ примѣра всей церкви вселенской, собиравшейся въ лицѣ своихъ пастырей на соборахъ.

Само Св. Писаніе возникло изъ Преданія. Преданіе изъ вѣка въ вѣкъ переходило отъ Адама до Моисея (Быт. 18), отъ Моисея до Христа (Второз. 32; Пс. 43; Исх. 10; 13; Суд. 6; Іов. 8; Пс. 73, 5; Свр. 1; 4 Ц. 22). Также было отъ Христа до нашихъ дней

(Мѡ. 28, 19). Излишне послѣ этого говорить о доводахъ разума, данныхъ исторіи и прочихъ основаніяхъ въ пользу важности и необходимости Преданія.

Самымъ же очевиднымъ опроверженіемъ лжеумствованій штундистовъ, отвергающихъ Преданіе, является тотъ никѣмъ не отрицаемый фактъ, что они сами, отвергнувъ истинное Преданіе Церкви христіанской, вынуждены были принять свои собственныя самоизмышленныя преданія и основывать на нихъ практику своей лже-церкви и ложныя толкованія Св. Писанія.

В. Давыденко.

(Продолженіе будетъ).

О Т Ч Е Т Ъ

о состояніи Харьковскаго Епархіального Женскаго Училища въ учебно-воепитательномъ отношеніи за 18⁹⁸/₉₉ учебный годъ.

(Продолженіе *).

з) *Число уроковъ, пропущенныхъ въ отчетномъ году преподавателями Училища.*

Законоучителемъ священникомъ *Іоанномъ Котовымъ* (22 урока въ недѣлю) пропущенъ 41 урокъ, по болѣзни. Законоучителемъ священникомъ *Николаемъ Любарскимъ* (8 уроковъ въ недѣлю) пропущено 5 уроковъ, 4 по болѣзни, 1 по обязанностямъ приходскаго священника. Законоучителемъ священникомъ *Николаемъ Борисоглазбскимъ* (12 уроковъ въ недѣлю) пропущено 96 уроковъ, 93 по болѣзни, 3 по обязанностямъ приходскаго священника. Законоучителемъ священникомъ *Павломъ Тимофеевымъ* (3 урока въ недѣлю) пропущено 17 уроковъ, 15 по болѣзни, 2 по обязанностямъ приходскаго священника. Преподавателемъ русскаго языка *М. В. Добронравовымъ* (11 уроковъ въ недѣлю) пропущено 3 урока, по болѣзни. Преподавателемъ русскаго языка *Н. В. Гогинымъ* (10 уроковъ въ недѣлю) не пропущено ни одного урока. Преподавателемъ русскаго языка *М. А. Кокаревымъ* (23 урока въ недѣлю) пропущено 44 урока, 8 по болѣзни, 36 по обязанностямъ присяжнаго засѣдателя. Преподавателемъ физико-математическихъ наукъ *Я. М. Колосовскимъ* (25 уроковъ въ недѣлю) пропущено 61 урокъ, 7 по болѣзни, 54 по семейнымъ обстоятельствамъ (сынъ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1900 г., № 6.

болѣлъ скарлатиной). Преподавателемъ физико-математическихъ наукъ *В. Н. Мощенковымъ* (13 уроковъ въ недѣлю) пропущенъ 1 урокъ, по болѣзни. Учительницей ариметики *М. Д. Дмитріевой* (12—уроковъ въ недѣлю) не пропущено ни одного урока. Преподавателемъ географіи, священникомъ *Андреемъ Балановскимъ* (10 уроковъ въ недѣлю) пропущено 48 уроковъ, 40 по болѣзни, 8 по обязанностямъ приходскаго священника. Учительницей географіи *Л. Е. Дьяковой* (4 урока въ недѣлю) не пропущено ни одного урока. Преподавателемъ географіи и исторіи *Е. П. Трифилевымъ* (20 уроковъ въ недѣлю) пропущено 26 уроковъ, по болѣзни. Преподавателемъ гражданской исторіи *А. Ѡ. Вертеловскимъ* (8 уроковъ въ недѣлю) пропущено 5 уроковъ, по болѣзни. Преподавателемъ дидактики *Н. Н. Страховымъ* (6 уроковъ въ недѣлю) пропущено 10 уроковъ, по болѣзни. Учителемъ церковнаго пѣнія священникомъ *Іоанномъ Петровскимъ* (24 урока въ недѣлю) не пропущено ни одного урока. Учителемъ чистописанія и рисованія *А. Д. Дмитріевымъ* (10 уроковъ въ недѣлю) пропущено 55 уроковъ, 39 по болѣзни, 16 по обязанностямъ присяжнаго застѣдателя. Учительницею чистописанія *Е. А. Еурольской* (10 уроковъ въ недѣлю) пропущено 10 уроковъ, по болѣзни. Учительницею французскаго языка *Е. Н. Гейцманъ* (12 уроковъ въ недѣлю) пропущено 2 урока, по обязанностямъ начальницы. Учительницею приготовительнаго класса *Т. А. Щелкуновой* (15 уроковъ въ недѣлю) не пропущено ни одного урока.

и) Мѣры, принятыя и проектированныя къ возвышенію учебно-воспитательнаго дѣла въ Училищѣ.

Учебно-воспитательное дѣло въ отчетномъ году находилось въ удовлетворительномъ состояніи и велось правильно, вполнѣ согласно съ § 83 „Устава Епарх. Женск. Училищъ“. Къ обстоятельствамъ, благопріятствовавшимъ успѣшному веденію учебнаго дѣла, надо отнести то, что училище имѣетъ штатъ преподавателей исключительно съ высшимъ образованіемъ. Преподаватели и преподавательницы съ любовью, усердіемъ и полнымъ педагогическимъ тактомъ вели порученное имъ дѣло, посвящая ему лучшія силы и стремленія. Разсматривая представляемыя Инспекторомъ классовъ двухмѣсячныя вѣдомости объ успѣхахъ воспитанницъ, Совѣтъ училища къ возвышенію успѣховъ нѣкоторыхъ изъ нихъ принималъ въ отчетномъ году обычныя мѣры, въ цѣлесообразности которыхъ имѣлъ возможность убѣдиться въ предшествующіе годы,

и чаще всего воспитанницъ, получившихъ неудовлетворительныя баллы по обязательнымъ предметамъ, поручалъ особенному вниманію преподавателей и воспитательницъ, или подвергалъ взысканіямъ. Взысканія иногда состояли въ выговорѣ отъ имени Совѣта. Воспитательницы и ихъ помощницы весьма усердно содѣйствовали успѣшному веденію дѣла: присутствовали на урокахъ, во время вечернихъ занятій репетировали съ воспитанницами заданныя уроки, своими объясненіями и указаніями способствовали успѣшному и сознательному усвоенію ихъ и замѣняли отсутствовавшихъ наставниковъ, занимаясь съ дѣтьми чтеніемъ, письмомъ подъ диктовку и рукодѣліемъ.

Въ видахъ возвышенія учебно-воспитательной части въ училищѣ въ отчетномъ году были приняты слѣдующія мѣры.

1) Для болѣе равномернаго распредѣленія воспитанницъ по классамъ и большого удобства обученія въ многочленномъ 4-мъ классѣ (76 воспитанницъ), Совѣтъ училища, принимая во вниманіе § 81 „Уст. Епар. Жен. Уч.“, по которому въ каждомъ классѣ можетъ быть только не свыше 45 ученицъ, озаботился открыть въ текущемъ году параллельное отдѣленіе 4-го класса, въ надеждѣ покрыть расходы по этому предмету изъ общихъ остатковъ училищныхъ суммъ.

2) Уроки чистописанія въ младшихъ классахъ училища Совѣтомъ въ предыдущіе годы временно были поручены нѣкоторымъ воспитательницамъ. Имѣя въ виду §§ 43 и 44 „Уст. Епарх. Женск. Училищъ“, въ силу которыхъ воспитательницы должны всецѣло посвящать себя исполненію своихъ прямыхъ обязанностей, уроки чистописанія съ 18⁹⁸,⁹⁹ учебнаго года Совѣтъ училища предоставилъ отдѣльной учительницѣ.

3) Въ видахъ ознакомленія воспитанницъ старшихъ классовъ съ иконописаніемъ и приученія къ сему способныхъ изъ нихъ по рисованію, Совѣтомъ Училища съ начала отчетнаго года введено иконописаніе съ тѣмъ, чтобы воспитанницы въ свободное время отъ занятій занимались иконописаніемъ исключительно практически.

4) Для болѣе яснаго и отчетливаго усвоенія воспитанницами сообщавшихся званій, преподаватели употребляли наглядныя пособія. Для той-же цѣли неоднократно во внѣклассное время показывались воспитанницамъ при помощи волшебнаго фонаря туманныя картины, изображающія виды разныхъ странъ и архитектурныхъ сооружений, историческихъ личностей и физическихъ явленій, при чемъ велись соответствующія картинамъ чтенія или давались надлежащія объясненія.

5) Для развитія литературнаго вкуса воспитанницъ, для пріученія ихъ къ правильному и выразительному чтенію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для доставленія имъ пріятнаго и полезнаго развлеченія, иногда устраивались въ присутствіи близкихъ Училищу лицъ литературно-музыкальные вечера, на которыхъ воспитанницы произносили заученныя стихотворенія, пѣли хоромъ и играли на музыкальныхъ инструментахъ приготовленныя пьесы.

6) Для поднятія уровня развитія воспитанницъ, въ отчетномъ году обращалось, какъ и прежде, вниманіе на внѣклассное чтеніе воспитанницами книгъ. Инспекторъ классовъ и преподаватели рекомендовали воспитанницамъ книги для внѣ-класснаго чтенія, которое происходило въ свободное отъ занятій время, или во время занятія руководѣіемъ (читала для всѣхъ или одна пзъ воспитанницъ, или воспитательница).

7) Въ видахъ поощренія къ трудолюбію лучшихъ по успѣхамъ и поведенію воспитанницъ, Совѣтъ Училища награждалъ ихъ книгами и похвальными листами съ надлежащею подписью.

8) Воспитанницамъ, увольняемымъ въ отпускъ, выдавались особыя вѣдомости объ успѣхахъ и поведеніи, въ которыя вносились полученныя ими баллы въ теченіе четверти года, дабы родители и родственники воспитанницъ съ своей стороны своевременно могли обратить вниманіе на малоуспѣшность нѣкоторыхъ изъ нихъ.

9) Въ старшихъ классахъ весьма много способствовалъ развитію педагогическихъ способностей воспитанницъ ихъ практическія занятія въ образцовой церковно-приходской школѣ при Училищѣ.

Особыхъ обстоятельствъ, прештествовавшихъ успѣшному веденію учебно-воспитательнаго дѣла, въ отчетномъ году не было.

4) Библіотека и физическій кабинетъ.

Библіотека Училища раздѣлялась на 1) фундаментальную, 2) учебную и 3) музыкальную.

1) *Въ фундаментальной* училищной библіотекѣ къ концу отчетнаго года числилось 1454 названія книгъ въ 3745 томахъ. Въ отчетномъ году библіотека увеличилась на 40 названій книгъ въ 100 томахъ; всѣ книги пріобрѣтены на училищный счетъ. Книгами изъ фундаментальной библіотеки пользуются только начальствующіе, преподаватели, воспитательницы и другія, служащія въ Училищѣ лица.

2) *Въ учебной* библіотекѣ числилось къ концу отчетнаго года 1176 названій въ 2440 томахъ. Въ отчетномъ году библіо-

тека увеличилась на 142 названія книгъ въ 254 томахъ; всѣ книги приобрѣтены на училищный счетъ. Изъ этой библіотеки книгами пользуются только воспитанницы Училища. Въ выборѣ книгъ для чтенія и воспитательницы и воспитанницы руководствуются каталогами, заключающими въ себѣ списки книгъ изъ этой библіотеки, назначенной для каждаго класса въ отдѣльности. Въ теченіе отчетнаго года воспитанницамъ всѣхъ классовъ Училища взято было для чтенія 6712 книгъ, а именно: воспитанницами подготовительнаго класса—100 книгъ, I норм.—110 книгъ, I парал.—139, II норм.—121 книга, II парал.—137, III норм.—1132 книги, III парал.—814, IV норм.—681, IV пар.—748, V норм.—837, V пар.—682, VI норм.—679 и VI пар.—532 книгъ.

3) *Въ музыкальной* библіотекѣ къ концу отчетнаго года состояло 472 названія нотъ въ 556 экземплярахъ. Завѣдывала всѣми училищными библіотеками особая библіотекарша.

Для пополненія фундаментальной и ученической библіотекъ Совѣтомъ Училища на 1899 годъ выписаны слѣдующія періодическія изданія: а) *для чтенія воспитанницъ*: 1) „Церковно-приходская школа“, 2) „Дѣтскій Отдыхъ“, 3) „Родникъ“ (безъ педагогическаго отдѣла) и 4) „Дѣтское Чтеніе“; б) *для чтенія служащихъ въ Училищѣ лицамъ*: 1) „Вѣра и Разумъ“, 2) „Народное Образование“, 3) „Русскій Паломникъ“, 4) „Вѣра и Церковь“, 5) „Душеполезное Чтеніе“, 6) „Русское Обзорѣніе“, 7) „Страникъ“, 8) „Богословскій Вѣстникъ“, издаваемый при Московской Духовной Академіи, 9) „Церковный Вѣстникъ“ и „Христіанское Чтеніе“ съ „Твореніями Св. Іоанна Златоуста“; издаваемый при Спб. Дух. Академіи, 10) „Русская Старина“, 11) „Русскій Вѣстникъ“, 12) „Историческій Вѣстникъ“, 13) „Нива“, 14) „Церковныя Вѣдомости“, 15) „Московскія Вѣдомости“, 16) „Миссіонерское Обзорѣніе“, 17) „Харьковскія Губернскія Вѣдомости“ и 18) „Южный Край“. Учебниками, учебными пособіями и учебными принадлежностями всѣ воспитанницы были въ достаточномъ количествѣ снабжены отъ Училища, безъ взноса за это особой платы. Учебники выдавались по одному экземпляру на каждую воспитанницу, а учебныя пособія по два экземпляра, и только въ исключительныхъ случаяхъ по одному экземпляру, на скамью, за которой помѣщаются три воспитательницы. Карты и учебныя пособія выдавались воспитанницамъ чрезъ воспитательницъ. Книги изъ ученической библіотеки выдавались воспитанницамъ ежедневно, при чемъ каждому классу былъ назначенъ опредѣленный день для полученія и возвращенія книгъ.

При библиотекѣ хранятся: 1) Каталоги систематическіе, 2) Справочная книга, 3) Правила о порядкѣ и храненія и выдачи книгъ и учебныхъ пособій и 4) Матеріальная книга.

Въ физическомъ кабинетѣ къ концу отчетнаго года числилось приборовъ 92 названія, вещей 214.

Въ географическомъ кабинетѣ числилось 42 предмета на сумму 700 руб.; приобрѣтены они на средства Училища, 38 предметовъ пожертвовано. На приобрѣтеніе матеріаловъ, необходимыхъ при производствѣ опытовъ, отпускается на руки одному изъ преподавателей физики 25 р. въ годъ. Завѣдывали Кабинетомъ преподаватели физики. На библиотеку, учебники и учебныя пособія и учебныя принадлежности по смѣтѣ ассигновано 1500 р. въ годъ.

5) Средства Училища.

По дѣйствовавшей въ 1898 экономическомъ году смѣтѣ Училище на свое содержаніе должно было получить 94079 р. 23 к.

Эта сумма слагалась изъ слѣдующихъ статей:

а) Проценты съ неприкосновеннаго Училищнаго капитала	3126 р. 65 к.
б) Доходъ съ принадлежащей Училищу части дома въ г. Харьковѣ.	1632 „ 90 „
в) Изъ Епархіальныхъ средствъ	32656 „ 64 „
г) 1 ⁰ / ₁₀₀ съ получаемого духовенствомъ Епархіи жалованья	1701 „ 81 „
д) Изъ прибылей Епархіальнаго свѣчнаго завода	7071 „ — „
е) Пожертвованія отъ монастырей, церквей и другихъ учреждений и лицъ	2507 „ 52 „
ж) Отъ хозяйственнаго Управленія при Св. Синодѣ:	
аа) На содержаніе училищной образцовой церковно-приходской школы	500 „ — „
бб) На покрытіе 5 ⁰ / ₁₀₀ государственнаго налога съ капиталовъ Училища	36 „ 86 „
з) Пансіонерскій взносъ за своекоштныхъ воспитаницъ	43510 „ — „
и) Взносъ на первоначальное обзаведеніе со вновъ поступающихъ воспитаницъ.	1000 „ — „
і) Отъ училищной экономіи	335 „ 85 „
<i>Расходъ</i> той-же смѣтой опредѣленъ въ	94743 „ 83 „

Въ действительности въ 1898 экономическомъ году поступило на приходъ 98402 р. 33 к.

Въ расходъ было въ томъ-же году 95785 „ 6 „

Примѣчаніе. Въ смѣту не вошли взносы за обученіе воспитанницъ необязательнымъ предметамъ, равно какъ и расходы по этой статьѣ, такъ какъ, на основаніи примѣчанія къ 80 § „Устава Епарх. Жен. Училищъ“, распоряженіе этою суммою не подвергается контролю Епархіальныхъ съѣздовъ.

Въ 1898 экономическомъ году по этой статьѣ поступило на приходъ 6652 р. 50 к.

Въ расходъ было 5677 „ 48 „

(Продолженіе будетъ).

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Въ селѣ Русской Лозовой Харьковскаго уѣзда продается недорого **ДЕРЕВЯННАЯ ЦЕРКОВЬ** съ иконостасомъ, обширная и крѣпкая.

Епархіальныя извѣщенія.

Священникъ Николаевской церкви г. Купянска, Михаилъ *Сильванскій*, 23 марта с. г. назначенъ Его Высокопреосвященствомъ на должность благочиннаго 1 округа Купянскаго уѣзда, вмѣсто священника Дмитрія *Линицаго*.

— Священники Изюмскаго уѣзда: сл. Шабельковки, Николаевской церкви, Александръ *Кирилловъ*, сл. Михайловки, Ахтырско-Богородичной церкви, Пантелеимонъ *Маденковъ* и сл. Сергѣевки, Василіевской церкви, Анатолій *Бълоусовъ*, награждены: первый—скуфіею и послѣдніе—набедренникомъ.

— Окончившій курсъ наукъ въ Харьковской Духовной Семинаріи Иванъ *Федоровъ*, Его Преосвященствомъ 25 марта н. г., опредѣленъ священникомъ къ Царице-Александровской церкви с. Богодаровой, Изюмскаго уѣзда.

— И. д. псаломщика Иоанно-Предтеченской церкви с. Пашковки, Изюмскаго уѣзда, Дмитрій *Павловскій*, уволенъ отъ занимаемой должности, а на его мѣсто опредѣленъ Славянскій мѣщанинъ Михаилъ *Скритицкій*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Прибытіе ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ въ Москву.— Къ вопросу о содѣйствіи образованныхъ свѣтскихъ лицъ религіозно-просвѣтительнымъ обществамъ.— Темныя стороны въ жизни простого народа.— Общества христіанской чистоты.— Гдѣ и какъ воспитываются истинные пастыри.— О содержаніи церковныхъ причтовъ.— Епархіальная богадѣльня.— Последнее общее собраніе комиссіи по преобразованію среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

1 апрѣля Первопрестольная столица радостно встрѣтила Ихъ Императорскихъ Величествъ вмѣстѣ съ Августѣйшими Дѣтьми, осчастливившихъ Москву Своимъ Высочайшимъ посѣщеніемъ.

Несмотря на то, что стояла холодная ненастная погода, народъ, какъ объ этомъ сообщаютъ «Моск. Вѣдомости», съ ранняго утра сталъ занимать мѣста на улицахъ Царскаго пути съ вокзала въ Кремль. Дождь лилъ, а народъ все прибывалъ изъ разныхъ концовъ города. Часъ пріѣзда Ихъ Величествъ не былъ извѣстенъ публикѣ; но это нисколько не останавливало жителей, горѣвшихъ желаніемъ увидѣть Царя и Царяцу и привѣтствовать Августѣйшихъ Особъ въ день прибытія.

Осчастливленная Высочайшимъ посѣщеніемъ Москва еще наканунѣ разукрасилась флагами, драпировками и транспарантами съ вензелевыми изображеніями Ихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны.

Въ девятомъ часу утра на Николаевскомъ вокзалѣ стали собираться высокопоставленныя лица. Въ одиннадцатомъ часу на вокзалъ прибыли: Ихъ Императорскія Высочества московскій генералъ-губернаторъ и командующій войсками округа Великій Князь Сергій Александровичъ, Великая Княгиня Елисавета Ѳеодоровна и Великій Князь Константинъ Константиновичъ.

Въ 10 часовъ 40 минутъ утра тихо подошелъ къ платформѣ Императорскій поѣздъ. Къ этому времени дождь прекратился, и небо стало немного яснѣе.

Выйдя изъ салонъ-вагона Ихъ Императорскія Высочества Государь Императоръ и Государыня Императрица обмѣнялись привѣтствіями съ Ихъ Императорскими Высочествами. За Ихъ Величествами вышли изъ вагона Августѣйшія Дѣти: Великія Княжны Ольга и Татіана Николаевны, а Великая Княжна Марія Николаевна была вынесена на рукахъ. Ихъ Высочества обошли всѣхъ собравшихся для встрѣчи, удостоивъ многихъ милостивымъ разговоромъ. Городской голова имѣлъ счастье поднести Государынѣ Императрицѣ роскошный букетъ изъ чайныхъ розъ и орхидей;

князь В. М. Голицынъ удостоился также поднести букеты изъ ландышей Великимъ Княжнамъ Ольгѣ Николаевнѣ и Татіанѣ Николаевнѣ. Вскорѣ послѣ встрѣчи, Ихъ Величества направились чрезъ Императорскія комнаты къ выходу и заняли мѣсто въ каретѣ, съ камеръ казакомъ позади. Ко времени приѣзда Ихъ Величествъ весь путь до Кремля былъ усыянъ массаами народа, стоявшаго шпалерами, образуя какъ бы двѣ живыя стѣны. Особенно много было народу на Каланчевской площади, у Красныхъ и Мясницкихъ воротъ, на Лубянской и Воскресенской площадяхъ. Прилежащія къ этимъ улицамъ переулки привлекли также множество народа, не успѣвшаго занять мѣсто на троттуарахъ. Окна во всѣхъ домахъ были заняты публикой. Путь былъ усыпанъ желтымъ пескомъ. Едва только экипажъ Ихъ Величествъ, имѣя впереди оберъ-полицеймейстера, сталъ приближаться къ выѣзду съ Николаевского вокзала, раздалось громогласное, восторженное „ура“ многотысячной толпы, наполнявшей площадь. Одновременно раздался колокольный звонъ въ московскихъ церквахъ, возвѣстившій всѣмъ жителямъ столицы о радостномъ событіи.

За Ихъ Величествами слѣдовали въ коляскѣ Великій Князь Сергій Александровичъ съ адъютантомъ, Великая Княгиня Елизавета Θεодоровна въ слѣдующемъ экипажѣ съ фрейлиной княжной А. Н. Лобановой-Ростовской. Далѣе слѣдовали Августѣйшія Дѣти Ихъ Величествъ.

Трудно описать восторгъ, съ какимъ населеніе столицы встрѣчало своего обожаемаго Монарха. Дружное, единодушное „ура“, сливавшееся съ колокольнымъ звономъ, не прекращалось по всему пути слѣдованія. Всѣ обнажали головы и низко кланялись; у многихъ на глазахъ можно было видѣть слезы радости. Царь и Царица милостиво отвѣчали поклонами на горячій привѣтъ народа.

Изъ всѣхъ церквей по пути слѣдованія выносились хоругви и выходило духовенство со крестомъ и св. водой.

Ихъ Величества направились съ вокзала по Каланчевской и Мясницкой улицамъ, Китайскимъ проѣздомъ, чрезъ Театральную и Воскресенскую площади къ Иверской часовнѣ. Чѣмъ дальше слѣдовали Царь съ Царицей, тѣмъ, казалось, все сильнѣе и сильнѣе росъ народный энтузіазмъ. Августѣйшія Дѣти Ихъ Величествъ были предметомъ всеобщаго вниманія со стороны народа, всюду привѣтствовавшаго Ихъ Высочествъ радостными клякми.

У Иверской часовни Ихъ Величества вышли изъ экипажа. На паперти, устланной краснымъ ковромъ, Высочайшихъ Особъ встрѣ-

тилъ преосвященный Несторъ, епископъ Дмитровскій со крестомъ и св. водой. Ихъ Величества приложились ко кресту и приняли окропленіе св. водой. Чудовскій хоръ исполнилъ тропарь Богоматери. Владыка поднесъ Государю Императору икону Иверской Богоматери въ серебряно-вызолоченной ризѣ, украшенной эмалью; Государынѣ Императрицѣ былъ поднесенъ тотъ же образъ въ ризѣ, украшенной жемчугомъ. Въ часовню прибылъ также Августѣйшій московскій генераль-губернаторъ. Принявъ святое подношеніе, Ихъ Величества направились къ Чудотворной Иверской иконѣ Божіей Матери и приложились ко св. образу. Въ это время началось краткое молебствіе, совершенное преосвященнымъ Несторомъ, соборнѣ съ настоятелемъ Перервинскаго монастыря, архимандритомъ Викентіемъ и братіей, при пѣніи Чудовскаго хора. Молебствіе закончилось провозглашеніемъ многолѣтія, послѣ чего Ихъ Величества, приложившись ко св. кресту, отбыли изъ часовни въ Кремль чрезъ Никольскія ворота.

Умолкнувшіе было на краткій промежутокъ времени восторженные клики народа снова огласили воздухъ и неудержимою волной пронеслись по Красной площади, заполненной массой публики.

Въ Кремль Ихъ Величества прибыли въ половинѣ двѣнадцатаго часа утра при торжественномъ звонѣ вствхъ Кремлевскихъ колоколовъ. На Собственномъ Его Величества подъѣздѣ Большаго Кремлевскаго Дворца Государь Императоръ и Государыня Императрица были встрѣчены начальникомъ московскаго дворцоваго управленія генераль-лейтенантомъ В. А. Кузнецовымъ, помощникомъ его полковникомъ Гейне и полицейместеромъ Кремлевскихъ дворцовъ полковникомъ Солины. Послѣ встрѣчи Ихъ Величества прослѣдовали на Собственную половину Дворца Его Величества.

Какъ только Монархъ прибылъ въ Кремлевскій Дворецъ, на флагштокѣ взвился Императорскій штандартъ.

Въ придворной церкви Рождества Богородицы, что на Сѣняхъ, протопресвитеромъ І. Л. Янышевымъ было совершено благодарственное молебствіе по случаю благополучнаго прибытія Ихъ Величествъ.

Въ исторіи русскаго народа вѣтъ моментовъ болѣе величественныхъ, чѣмъ моменты прямого общенія народа со своими Царями, вѣтъ страницъ болѣе свѣтлыхъ, чѣмъ страницы, на которыхъ увѣковѣчены эти незабвенныя минуты. Одною изъ подобныхъ страницъ, полныхъ трогательныхъ эпизодовъ и бурныхъ проявленій беззавѣтной преданности русскаго народа своимъ Государямъ, не-

сомнѣнно, явится пребываніе нашей Царственной Семьи въ Москвѣ въ Страстную и Свѣтлую седмицы текущаго года. Для Бѣлокаменной Свѣтлый Праздникъ никогда еще не наступалъ свѣтлѣе и торжественнѣе. Никакое перо не изобразить глубокаго восторга, охватившаго населеніе первопрестольной столицы при сознаніи присутствія среди него обожаемаго Монарха и Его Августѣйшей Семьи. Всѣ мысли и взоры москвичей сосредоточились на Немъ, Вождѣ русскаго народа. Онъ всюду будетъ окруженъ народнымъ движеніемъ—движеніемъ непрерывнымъ, неугомоннымъ, подобно біенію сердца, подъ вліяніемъ высокорадостнаго событія. Безпримѣрное воодушевленіе первопрестольной столицы усиливается еще тѣмъ, что счастливыя минуты, переживаемыя ею теперь, рѣдко выпадаютъ на ея долю.

— Въ «Приложеніи къ Вятскимъ Губ. Вѣдомостямъ» помѣщено любопытное сообщеніе приватъ-доцента Кіевскаго университета П. Никольскаго, указывающее, какое громадное значеніе могло бы имѣть въ дѣятельности интеллигенціи содѣйствіе религіозно-просвѣтительнымъ обществамъ. Убѣдившись въ этомъ лично во время 6-лѣтняго участія въ дѣятельности Кіевскаго Просвѣтительнаго Общества, г. Никольскій пишетъ: „я понялъ какой огромный запросъ на знаніе христіанскаго ученія существуетъ въ нашемъ Русскомъ народѣ. Всегда переполненныя до тѣсноты многочисленныя мѣста бесѣдъ, которыя ведетъ Общество, меня во-очію убѣждаютъ въ этомъ и внушаютъ твердую мысль, что свѣтскіе интеллигентные люди, желающіе дѣйствительно способствовать настоящему просвѣщенію Русскаго народа, должны придти на помощь священникамъ, чѣмъ только они могутъ, именно въ этомъ направленіи. Я понялъ, что просвѣщеніе и воспитаніе нашего Русскаго народа должно имѣть въ основѣ не эффектные, смѣшные, или даже хотя бы и поучительныя картинки,—не театральныя зрѣлища, въ которыхъ всегда, какъ бы даже ни были они высоки въ художественномъ отношеніи, остается много, по меньшей мѣрѣ, легкаго,—не музыкальные вечера съ пѣсенками, не танцевальныя ассамблеи. Крѣпкую и надежную основу въ просвѣщеніи и воспитаніи Русскаго народа можетъ дать только возможно полное раскрытіе ученія Православной Церкви, которое научаетъ любви, терпѣнію, труду и исполненію долга. А изученіе народомъ величественныхъ и повстинѣ облагораживающихъ душу церковныхъ пѣснопѣній можетъ доставить такое чистое удовольствіе, съ которымъ нельзя и сравнивать увеселительныя музыкальныя вечера и театральныя представленія“.

— Впередъ и впередъ подвигается у насъ дѣло народнаго образованія: растутъ народныя школы, организуются воскресныя чтенія, бібліотеки, читальни, воскресныя школы. Все это, конечно, несетъ въ темныя народныя массы лучи свѣта. Но еще много тьмы и невѣжества представляетъ намъ народная жизнь. Остановимся хоть на праздникахъ, столь дорогихъ сердцу всякаго православнаго человѣка. Праздники въ смыслѣ ничего недѣланія блюдутся весьма строго не только большіе, годовые, но даже такіе, которыхъ и въ святцахъ не положено. На этотъ счетъ каждая деревенская баба представляетъ ходячій календарь, который безошибочно предскажетъ впередъ, въ какой день будетъ тотъ или другой праздникъ. Исторія и значеніе праздника большинству совершенно неизвѣстны, но зато примѣтъ и суевѣрій около каждаго праздника множество. Народные праздники строго разгруппированы на такіе, въ которые не полагается никакой работы, „шобъ не спразныть дытynu, або скотynu“, и на такіе, въ которые не позволительна только извѣстная часть работы, какъ, напр., невозможно жать, косить, но позволительно полоть или садить грядки. „Спразныть“ — значитъ накликать бѣду на ребенка или скотину, — тотъ или другая можетъ заболѣть („ногы сплытуця, якъ плысты въ тынь, ротъ зашые якъ шыть“ и прочее). Заслуживаетъ вниманія, что, напр., сказать въ праздникъ грѣхъ „спразнышь“, а бѣлье стирать можно: „я скручу, тай роскручу“, — говоритъ на это деревенская баба. Далѣе, въ пятницу непозволительно прять и даже противъ пятницы не слѣдуетъ оставлять на гребнѣ „недопридевой мычкы“ (кудель), иначе если оставить, то „всю нічь буде прясты“ (какая то таинственная сила). Иные наговоры и связанные съ ними манипуляціи продѣлываются просто по обычаю, но значеніе ихъ давно утратилось и никто не можетъ объяснить, почему дѣлается то или другое, хотя непременно скажетъ, что такъ принято, „такъ годыця?“ И вотъ на почвѣ народнаго невѣжества въ изобиліи растутъ грибы паразиты, питающіеся сокомъ почти нетронутой, невоздѣланной земли: цѣлая армія знахарей, ворожеекъ, шептухъ и т. п. слѣпыхъ вождей, широко пользующихся ребяческимъ легковѣріемъ народа и прекрасно умѣющихъ эксплуатировать народное невѣжество.

Какъ извѣстно, нигдѣ народъ не хранитъ такъ упорно своихъ преданій, суевѣрій, сказаній, обрядовъ, какъ въ глухихъ мѣстахъ, гдѣ самый складъ жизни (вѣковая тишина и покой) наиболѣе благоприятствуетъ сохраненію традицій. Оттого, конечно, деревенскія

женщины, да отчасти и мужчины, полны еще невѣжества и суевѣрія, которыя переходять изъ рода въ родъ, отъ отцевъ къ дѣтямъ. Не говоря уже о томъ, что власть тьмы и вѣра въ русалокъ, вѣдьмъ и домовыхъ такъ же крѣпка, какъ и тысячу лѣтъ тому назадъ, знахарство, колдовство и всевозможные наговоры употребляются при всякомъ удобномъ случаѣ: при похоронахъ, крестинахъ, свадьбахъ, покупке, продажѣ чего-нибудь и проч. Вотъ что пишетъ въ «Волынѣ» корреспондентъ изъ г. Семенова Нижегородской губ. (№ 76, 1899 г.): „Въ нашемъ городѣ и его окрестностяхъ появилась эпизоотія сибирской язвы, отъ которой пало нѣсколько коровъ. Лишь только объ этомъ стало извѣстно обывателямъ какъ среди нихъ распространилась паника, и вотъ, чтобы сберечь своихъ животныхъ отъ смерти, обыватель самъ придумалъ вѣрнѣйшее средство. Средство это заключалось въ слѣдующемъ: нѣсколько десятковъ парней отправились за городъ, выбрали подходящее мѣсто, врыли тамъ въ землю два столба и, сдѣлавъ въ нихъ по горизонтальному разрѣзу, вложили округленное полѣно, которое стали вращать при помощи веревки, стараясь добыть огня треніемъ“. Парни промучились и, не добывъ огня, направились на противоположный конецъ города, „гдѣ вновь стали продѣлывать ту же самую махинацію. На этотъ разъ дѣло пошло удачно и послѣ трехдневныхъ усилій вращающееся полѣно воспламенилось. Какъ только показался огонь, сейчасъ же помчались гонцы во всѣ концы города съ радостною вѣстью; моментально вслѣдъ за этимъ сбѣжались городскіе обыватели, бабы и масса уличныхъ мальчишекъ, захвативъ съ собою восковые или салныя огарки, которые зажигались о полѣно и съ благоговѣніемъ относились домой.. Въ домахъ этимъ огнемъ зажигались лампы, жгли можжевеловыя вѣтки и полученнымъ дымомъ окуривали коровъ и лошадей“...

Обыкновенно при всякой бѣдѣ, во всякомъ затрудненіи, избавителемъ для нашихъ мужиковъ является какая нибудь шептуха или знахарь. Въ болѣзняхъ прибѣгаютъ къ медицинскимъ совѣтамъ только въ крайнихъ случаяхъ, когда многократныя шептанія разныхъ доморощенныхъ спеціалистовъ—ничего не помогли. Вотъ какъ, напримѣръ, на Уралѣ лѣчатъ дѣтей. По сообщенію «Уральской жизни», больного ребенка запекаютъ въ пирогъ въ качествѣ „живой“ начинки. Когда этотъ пирогъ садятъ въ печь, то между матерью больного дитяти и знахаркой происходитъ слѣдующій діалогъ:—Мать.—„Кого печешь“?? Знахарка.—„Собаку, собачью

старость"! Мать.— „Пеки гораздѣ (сильнѣе), чтобъ вѣкъ не было, вѣкъ во вѣки отнынѣ до вѣку“. Ребенка—рахитика сажаютъ въ печь до 3-хъ разъ... Въ большинствѣ случаевъ ребенокъ, надъ которымъ продѣлывается это, переселяется въ тотъ міръ, гдѣ нѣтъ болѣзней. Есть и другіе, не менѣе варварскіе способы лѣченія, полного курса которыхъ дѣти обыкновенно не выдерживаютъ... Намъ припоминается случай, когда одна женщина просила у нашего знакомаго битаго стекла, чтобы въ истолченномъ видѣ дать внутрь ребенку, страдающему рѣзью въ желудкѣ. Другія болѣзни также имѣютъ не менѣе радикальныя средства излѣченія: употребленіе острой водки, снѣга камня и кунороснаго масла, сѣрной кислоты,—весьма обширно. Само собою разумѣется, что недостатка въ знахаряхъ и шептухахъ не бываетъ: прослыть вѣщунномъ весьма легко, какъ легко извлекать и пользу отъ этого. Во избѣжаніе конкуренціи, всякій изъ знахарей избираетъ извѣстную профессію: одинъ „вылива переполохъ“, другой шепчетъ отъ зубной боли, третій охраняетъ коровъ отъ порчи вѣдьмами или изгоняетъ мышей и крысъ и проч. Даже религіозныя воззрѣнія имѣютъ примѣсь обрядностей собственнаго изобрѣтенія, ведущихъ свое начало, вѣроятно, отъ временъ язычества. Находимъ не лишнимъ привести содержаніе документа, рисующаго весьма ярко невѣжество и суевѣріе, царящія среди простаго народа. Это—молитва отъ лихорадки. „Взбунтовалося море взволновалася вода, отъ туда выходитъ четыре пани красныя дѣвицы напротивъ ихъ выходитъ отъ царя Ирода святой Мохнованій испрашиваетъ ихъ, куда вы идете. Мы идемъ и къ нарожденной Молитвенной крещенной Марфѣ жолтіи кости ломити сердца вялити бѣлого тѣла сушити якъ выхватилъ святой Паухлатій свой пріострій мечъ и вдаривъ ихъ по четыре раза в сдѣлавъ имъ по четыре рани а они по отвѣчали Ему если Марфа сію молитву будетъ знати то мы ее будемъ на шесть лѣтъ минати“. (Ореографія подлинника).—Интересно, что у народа (особенно у бабъ) есть масса молитвъ, коихъ не отыщется ни въ какомъ молитвословѣ. Необходимо замѣтить, что эти молитвы фабрикуются не только простыми марателями бумаги, а подъ часъ почерпнуты отъ какого-нибудь богомольнаго странника, который въ религіозномъ рвеніи дошелъ до такого экстаза, что самъ началъ складывать молитвы. Когда приходится провѣрять знаніе молитвъ у деревенскихъ дѣтей, при поступленіи ихъ въ школу, само собою разумѣется, наталкиваешься при этомъ на массу неправильностей и въ прозношеніи, языкѣ и на отсутствіе всякаго смысла. Выс-

прашивая молитвы у новичковъ—школьввковъ, часто слышишь изъ устъ ихъ такія выраженія по адресу родныхъ: „на добранічъ“ (покойной ночи)! „на добрыдень“ (добраго утра)! а въ заключеніе еще и такое чистосердечное признаніе: „батько—Иванъ, маты—Маруся: якъ мене вывчылы, такъ и молюся“.

Все это говоритъ пока о томъ, что народъ еще невѣжественъ, что много, много еще дѣла тѣмъ, на комъ лежитъ обязанность просвѣщенія народа. «Приход. Жизнь».

— Въ одномъ изъ собраній С.-Петербургскихъ проповѣдниковъ, между прочимъ, было обращено вниманіе на необходимость учрежденія обществъ трезвости и христіанской чистоты. Это собраніе, обсуждая вопросъ о борьбѣ съ пьянствомъ, признало до-нельзя потребнымъ широкое и частое пользованіе церковной каедрою, съ которой бы разъяснялись—и великій соблазнъ пьянства, оказавшій свою силу чуть не съ самаго начала виноградопроизводства; и униженіе человѣческаго достоинства, попираемаго смѣняющимъ его на образъ безсмысленнаго животнаго; и рѣшительная необезпеченность предающагося страсти отъ всякихъ преступленій, кончая самымъ грубымъ, невозможнымъ—убійствомъ; и настоящія нестроенія, происходящія въ каждой семьѣ, гдѣ есть поклонники этой страсти; и наконецъ даже разстройство здоровья, а также и матеріальныхъ обстоятельствъ-ресурсовъ, происходящее отъ привязанности къ ней. вмѣстѣ съ этимъ, кромѣ проповѣдническаго воздѣйствія, собраніе находило рѣшительно необходимымъ учрежденіе при церквахъ обществъ трезвости, которыя и въ столицѣ уже свидѣтельствуютъ самымъ дѣломъ о великой своей благотворности. А мысль о нихъ указала на новое средство для борьбы съ другою пагубною страстію, которая тоже заполонила въ свою власть все отечественное населеніе и съ которой вдобавокъ весьма трудно бороться путемъ проповѣди въ храмахъ—гдѣ наряду съ прочими стоятъ дѣти, подростки, а потомъ и вообще тутъ приходилось бы трактовать о такихъ вещахъ, о нихъ же не лѣтъ есть и глаголати. Между тѣмъ здѣсь и (веле) распространеніе грубо языческой нечистоты, и оскорбленіе Христа и церкви—сочетавающихся на цѣломудріе, а не на пороки, и корень великихъ несогласій и враждебнаго озлобленія въ семьяхъ, и пагубный примѣръ для возрастающихъ, и водвореніе всякаго обмана и наконецъ постепенное разрушеніе отечественнаго здравія—черезъ подтачивающую силы и въ сущности неизлѣчимую, передающуюся потомству

болѣзнь, которая по свидѣтельству врачей обняла чуть ли не всю Россію. А въ то же время сдержки почти никакой и нигдѣ (исключая, можетъ, одного уголка) въ нашемъ широко-раскинувшемся отечествѣ. Напротивъ увлеченіе другихъ на страсть считается едва ли не доблестію, осмѣянію подвергается сторона терпящая, а этотъ могущественный рычагъ, который называется „компаніей“, нудить безъ отговорокъ подчиниться срамному соблазну извѣдавшими неизвѣдавшихъ или почему-либо желавшихъ воздерживаться. Въ виду этого естественно думать, что если пастырь заводитъ общества трезвости для удержанія отъ возліяній, то отчего бы параллельно не завести общества христіанской чистоты; а такимъ образомъ отчего бы не призывать всѣхъ благоразумныхъ къ тому, чтобы они, кромѣ жизни по желаніямъ, какъ христіане взяли на себя жизнь по долгу и по сему въ такомъ вѣрнѣйшемъ дѣлѣ, какъ разумѣемое, и нарочитою присягою дали обѣщаніе предъ Богомъ въ томъ, что въ противоположность вѣку міра сего будутъ строго соблюдать законъ христіанской чистоты. Какъ только это было высказано, одинъ изъ членовъ указалъ нѣкоторое предшествующее въ Америкѣ, другой рассказалъ объ обществѣ на Пескахъ въ Петербургѣ, которое въ свободные отъ работъ дни собираетъ на часы, наиболѣе опасные съ точки зрѣнія соблазна, дѣвушекъ и развлекаетъ ихъ чтеніемъ и другими средствами. Наконецъ одинъ студентъ засвидѣтельствовалъ, что на фабрикѣ, гдѣ онъ проповѣдуетъ, сами рабочіе уже догадывались, что общества трезвости наводятъ на мысль о необходимости предпринимать нѣчто подобное и по отношенію къ рассматриваемой страсти. Отцы—участники собранія не пререкаясь приняли заявленную идею. «Церк. Вѣстн.».

— Въ «Черниг. Епарх. Вѣдомостяхъ» помѣщена слѣдующая замѣтка относительно того, гдѣ и какъ воспитываются истинные пастыри.—Сынъ священнослужителя научается въ родительскомъ домѣ вѣрить и молиться не посредствомъ сухихъ уроковъ, но чрезъ живой примѣръ отца и матери. Благочестивый священникъ, благоговѣнно предстоящій алтарю Божію, и дома среди семьи своей живущій, какъ въ храмѣ, съ постояннымъ памятованіемъ о Богѣ, о своемъ священническомъ долгѣ, перѣдкими молитвенными обращеніями къ Источнику всѣхъ благъ, учитъ дѣтей не разсужденіями, но всею своею личностію, и живой примѣръ его превосходить силою наученія самыя тщательныя и многосложныя изслѣдованія о предметахъ вѣры. Его благоговѣніе къ своему служенію создаетъ атмосферу, воздухомъ которой дышитъ вся его семья. Онъ пробу-

дился раньше всѣхъ и сталъ на молитву. Постепенно просыпающіяся дѣти не смѣютъ поднять громкаго говора или шалостей, чтобы не помѣшать ему и не разсѣять его: „папаша молится, читаетъ правило, готовится къ обѣднѣ“,—говорятъ они между собою вполголоса. Затѣмъ онъ снаряжается въ церковь. Если сынъ, мальчикъ отъ 7 до 10 лѣтъ, былъ послушенъ и велъ себя хорошо накануне, отецъ вводитъ его съ собою въ алтарь. Хорошо тамъ мальчику стоять: видно все, что совершается; но и трудно: не смѣй лишній разъ пошевелиться, поглазѣть разсѣянно, перейти съ мѣста на мѣсто; стой и молись: этого требуетъ отецъ, требуетъ святость алтаря. Здѣсь мальчикъ наблюдаетъ эти торжественныя дѣйствія, размѣренныя движенія, благоговѣйныя движенія, благоговѣйныя слова, обращенныя къ незримо присущему Спасителю, видитъ на лицахъ священно-служителей отраженіе священнѣйшихъ чувствъ,—и въ немъ слагается при этомъ будущій іерей, такой же усердный и благоговѣйный. Затѣмъ священникъ возвращается домой. Тамъ встрѣчаетъ его семья, жена и остальные дѣти; всѣ подходятъ подъ его благословеніе и цѣлуютъ его руку, только что священнодѣйствовавшую. Всѣ охраняютъ миръ души его, бывающій послѣдствіемъ Божественнаго пріобщенія. Кто изъ семейныхъ ничего еще не ѣлъ, тоже можетъ вкусить (бережно, благоговѣйно, отнюдь не роняя крошечъ на полъ) принесенной изъ церкви просфоры, святаго хлѣба, который первымъ долженъ входить въ двери устъ нашихъ, во здравіе тѣла и спасеніе души. Начинается бесѣда, въ которой можетъ быть все,—обыденное и житейское, важное и малозначительное, святое и мірское,—но не можетъ быть жалобы и досады на то, что священникъ получилъ мало денегъ за свою сегодняшнюю службу, потому, что не за деньги приступаетъ онъ къ вѣчному Свѣту и дѣлается причастникомъ Божественнаго естества, потому что священнослуженіе само въ себѣ заключаетъ высшую награду. Досада и жалобы никого не дѣлаютъ богаче; напротивъ, отнимаютъ и послѣднее душевное спокойствіе. Не они ли также прививаютъ дѣтямъ священниковъ пренебреженіе къ священству, какъ поприщу малоодоходному, склонность къ матеріальнымъ расчетамъ, стремленіе къ наживѣ,—словомъ, то своекорыстіе, съ которымъ человекъ не будетъ доволенъ ни на какомъ поприщѣ, вездѣ будетъ считать себя ободеннымъ и обдѣленнымъ? Дѣти истинно-благочестивыхъ священниковъ слышатъ отъ своихъ родителей только выраженія глубокаго сознанія святости іерейскаго служенія и высокой его отвѣтствен-

ности. Такъ зараждается въ нихъ духъ апостольской ревности, который можетъ оскудѣвать, но не можетъ совершенно изсякнуть въ апостольской Христовой Церкви.

Если день истинно-благочестиваго священника протекаетъ въ мирномъ трудѣ, въ соблюденіи обязанностей священнаго служенія, то онъ не можетъ не оставлять за собою отраднаго чувства, которымъ сопровождается сознаніе исполненнаго долга. „Еще хорошо живемъ“, думаетъ и говоритъ священникъ, „еще не лишилъ насъ Господь Своей милости; да не лишитъ насъ и Своего будущаго царствія!“ При этомъ юный сынъ священника, будущій служитель Церкви, научается словами и дѣлами отца смотрѣть на земную жизнь, какъ на приготовленіе въ иной лучшей жизни,—на труды, тревоги и скорби, какъ на средства къ полученію небесныхъ наградъ. Съ дѣтства привыкаетъ онъ думать о томъ, какъ спастись, какъ избѣгнуть вѣчнаго осужденія. Только такое отношеніе къ жизни и есть истинно-христіанское. Если бы оно оскудѣло не въ одномъ свѣтскомъ обществѣ, но и въ служителяхъ алтаря, то главная вина въ этомъ падала бы не на учебныя заведенія, гдѣ даются знанія, но не жизнь, понятія, но не силы, а на тѣ семьи, изъ которыхъ выходятъ эти служители, такъ какъ религіозныя воззрѣнія, благочестивые навыки насаждаются у человѣка въ пору дѣтства, а не отрочества, родителями, а не учителями, подъ кровомъ роднаго дома, а не школы. <Кур. Епарх. Вѣд.>.

— Въ виду необходимости сохраненія неприкосновенности мірскихъ приговоровъ о назначеніи содержанія церковнымъ причтамъ, по отдѣльнымъ губерніямъ, со стороны губернскаго начальства, послѣдовало предложеніе мѣстнымъ земскимъ начальникамъ путемъ личнаго вліянія, а также чрезъ подвѣдомственныхъ имъ волостныхъ и сельскихъ должностныхъ лицъ не допускать, по возможности, на будущее время измѣненія первоначальныхъ приговоровъ объ ассигнованіи содержанія церковнымъ причтамъ, въ смыслѣ уменьшенія его. <Моск. Вѣд.>.

— Духовенство, заботясь объ обезпеченіи своихъ престарѣлыхъ членовъ—вдовъ и сиротъ, организуетъ епархіальныя попечительства, устраиваетъ пріюты и богадѣльни. Въ настоящее время учреждается епархіальная богадѣльня въ Херсонской епархіи, которая будетъ преслѣдовать цѣль призрѣнія немощныхъ и престарѣлыхъ лицъ обоюга пола епархіальнаго вѣдомства и оказанія имъ врачебной помощи. Богадѣльня имѣетъ свое помѣщеніе во вновь устроенномъ и приспособленномъ къ своему назначенію зданіи въ

г. Одессѣ, на участкѣ земли, отведенномъ Одесскою Городскою Думою, и находится въ вѣдѣніи Епархіальнаго Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія. Уставъ богадѣльни утвержденъ Святѣйшимъ Синодомъ. Изысканіе средствъ къ содержанію ея лежитъ на обязанности Епархіальнаго Попечительства и таковыя составляются изъ: а) ежегодной ассигновки изъ суммъ Попечительства въ потребномъ количествѣ; б) ежегоднаго отчисленія изъ епархіальнаго больничнаго капитала; в) ежегодныхъ взносовъ отъ Григоріево-Визюкова монастыря, въ количествѣ 600 р., и г) личныхъ взносовъ причтовъ церквей всей епархіи въ размѣрѣ: 1 р. 50 к. въ годъ—отъ причта одноштатнаго, 3 р.—двухштатнаго, 4 р. 50 к.—трехштатнаго и 6 р.—четырёхштатнаго. <Херсон. Еп. Вѣд.>.

— 7 марта состоялось, подъ предсѣдательствомъ г. министра народнаго просвѣщенія Н. П. Боголѣнова, послѣднее общее собраніе комиссіи по преобразованію среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія. Въ этомъ собраніи предсѣдателемъ подкомиссіи по закону Божію г. Бобровниковымъ, въ присутствіи всѣхъ духовныхъ членовъ подкомиссіи, прочтенъ былъ докладъ, представляющій въ общемъ сводѣ результатъ работъ этой подкомиссіи, вмѣвшей 14 общихъ собраній, по вопросамъ религіозно-нравственнаго воспитанія и обученія, и 6 частныхъ—по вопросамъ о программахъ преподаванія закона Божія. Докладъ вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣній, главнымъ образомъ по вопросу о числѣ уроковъ по закону Божію, въ коемъ приняли участіе, съ духовной стороны,—протоіерей А. Г. Полотебновъ (вмѣстѣ съ свящ. Н. П. Добронравовымъ, прибывшіе изъ Москвы для участія въ работахъ подкомиссіи), протоіерей Ф. Н. Ориатскій и священникъ К. И. Смирновъ, изъ свѣтскихъ—директоръ гимназіи г. Лавровскій, окружной инспекторъ г. Андриановъ, гг. А. П. Саломонъ, А. С. Виреніусъ, Н. А. Бобровниковъ, проф. Бороздинъ и др. Н. П. Боголѣповъ благодарилъ оо. законоучителей за горячее сердечное участіе въ трудахъ комиссіи, которые, по его словамъ, несомнѣнно принесутъ добрый плодъ. Но такъ какъ это засѣданіе было послѣднимъ и для всей комиссіи, энергично работавшей въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, то г. министръ въ заключеніе обратился съ словомъ благодарности ко всѣмъ присутствовавшимъ. Онъ намѣтилъ дальнѣйшій путь работъ по преобразованію средней школы, который будетъ состоять въ разработкѣ громаднаго матеріала, даннаго министерству комиссіей, причемъ конечно придется обращаться къ тѣмъ самымъ лицамъ, кои принимали участіе въ комиссіи. Прощаясь со всѣми, Н. П. Бого-

лѣповъ сказалъ, что онъ, конечно, не будетъ возлагать на членовъ бремена неудобносымыя и не будетъ просить—не говорить ничего о результатахъ работъ комиссіи. Лишь-бы рѣчи эти не проникли въ среду учащихся и рановременно не взволновали ихъ слухами о преобразованіяхъ, которыя, если и будутъ осуществлены, то только въ будущемъ и, можетъ быть, очень отдаленномъ. Вообще, по взгляду г. министра, школу слѣдуетъ улучшать, а не ломать.

Послѣ рѣчи г. министра, одинъ изъ представителей вѣдомствъ генералъ Макаровъ горячо благодарилъ Н. П. Боголѣпова за высокій примѣръ труда, свисходительности и терпѣнія, который, къ вѣщему успѣху дѣла, далъ всѣмъ участникамъ 36 общихъ собраній комиссіи самъ предсѣдатель этихъ собраній, г. министрѣ.

«С.-Пет. Дух. Вѣстн.»

ОБЪЯВЛЕНІЯ

НАСТОЛЬНАЯ КНИГА ДЛѢ СВЯЩЕННО-ЦЕРКОВНО-СЛУЖИТЕЛЕЙ.

(Сборникъ свѣдѣній, касающихся преимущественно практической дѣятельности отечественнаго духовенства).

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ и ДОПОЛНЕННОЕ.

Преподавателя Харьковской Духовной Семинаріи С. В. БУЛГАКОВА.

Цѣна 5 руб.; перес.—60 коп., съ налож. платеж.—70 коп. Въ Харьковѣ книга продается у автора (зданіе Духовной Семинаріи) и въ Губернской Типографіи (Петровский переулокъ, близъ Николаевской площади, д. № 17).

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1900 г. (VII г. изд.)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Научное Обозрѣніе.

Изданіе П. П. Сойкина, подъ редакціею д-ра философіи М. М. Филиппова.

31-го марта вышелъ № 4 (апрѣль). Содержаніе: I. Крупная промышленность древняго міра. Проф. Ю. Белоха. II. Соціальное значеніе желѣзныхъ дорогъ въ Америкѣ. П. Мижуева. III. Доказательства существованія и единства эфира. Прив.-доц. Б. Вейнберга. IV. Бытъ древнихъ скандинавовъ. Проф. Могна. V. Къ теоріи трудовой цѣнности. Эд. Бернштейна. VI. Новое изслѣдованіе объ общинѣ. (О книгѣ К. Качоровскаго). VII. Дмитрій Ивановичъ Писаревъ. Н. Наренина. VIII. Теорія критически-мыслящей личности. М. Филиппова. IX. Ученіе Бемъ-Баверка о доходѣ на капиталъ. А. Рыначева. X. Къ вопросу о производительномъ и непроизводительномъ трудѣ (Отвѣтъ г. С. Прокоповичу). В. Базарова. XI. Научныя новости. XII. Новыя книги. XIII. Приложенія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ 7 руб. (за границу 10 руб.) съ доставкою и перес., допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб., къ 1 апрѣля 2 руб., и къ 1 іюля остальные; комплекты за 1899 годъ, цѣна 7 р.

Главная контора журнала: С.-Петербургъ, Стремянная ул., собств. д. № 12.

Первый примѣръ въ Россіи. Новый журналъ литературный, политическій, научный и художественный

ИЛЛЮСТРАЦІЯ

съ 1 Ноября 1899 г. будетъ выходить ТРИ РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ большими номерами.

Программа изданія слѣдующая: 1. Снимки съ художественныхъ произведеній, портреты современныхъ и прежнихъ дѣятелей, рисунки и чертежы къ статьямъ научнымъ и другимъ, иллюстраціи къ современнымъ событіямъ и карикатуры. 2. Беллетристика (романы, повѣсти, рассказы и стихотворенія русскихъ и иностранныхъ авторовъ), статья по разнымъ вопросамъ въ области наукъ и искусствъ (живопись, скульптура, театръ и музыка, съ приложеніемъ нотъ), статья историческаго содержанія, описаніе достопримѣчательныхъ древностей, біографіи современныхъ и прежнихъ дѣятелей, литературно-художественная критика, обзоръ политической и общественной жизни (русской и иностранной), свѣдѣнія по хозяйству и домоводству, игры, забавы, шутки, шарады, шахматы, смѣхъ и проч.

Такимъ образомъ „Иллюстрація“ замѣняетъ собою художественное изданіе, литературный журналъ и кромѣ того, — выходя черезъ день — замѣняетъ иллюстрированную политическую газету. Лучшие писатели и художники обѣщали „Иллюстраціи“ свое сотрудничество. Въ первыхъ №№ начнутъ печатаніемъ: „Воздушные замки“, романъ В. А. Тихонова; „Отъ глубины души“, повѣсть И. Н. Потапенко; „Батюшка“, романъ П. М. Невѣжина; рассказы кн. Д. П. Голицына; (Дм. Муравлева); „Морская сказка“, повѣсть А. В. Амфитеатрова; „Американскіе очерки“ В. М. Дорошевича и др. Каждый номеръ состоитъ изъ 16 страницъ, изъ нихъ 4 страницы художественныхъ рисунковъ и портретовъ, печатаемыхъ на роскошной словеной бумагѣ, и 12 страницъ текста на полувенецельовой бумагѣ.

Въ продолженіе года, не мевѣ какъ въ 24 номера, рисунки будутъ художественно отпечатаны въ нѣсколько красокъ.

Подписная цѣна: 5 руб. за годъ безъ доставки 156 №№ съ доставкой и пересылкой 6 руб. За два мѣсяца одинъ руб. Контора и редакція: С.-Петербургъ, Больш. Подъяческая, 22. — Телефонъ 917. Отдѣленія конторы: Невскій, 86, при главной конторѣ газеты „Россія“ и во всѣхъ ея отдѣленіяхъ.

Редакторъ-Издатель *Н. Я. Ростовцевъ.*

Открыта подписка на 1900 г. на журналъ политики, литературы и общественной жизни

Р О Д Н А Я Р Ъ Ч Ь

Въ предстоящемъ 1900 г. подписчики журнала „Родная Рѣчь“ получаютъ: **24** КНИГИ каждая размѣромъ отъ 5—10 печатныхъ листовъ или 100—150 страницъ текста, состоящаго изъ передовыхъ статей по вопросамъ внутренней общественной жизни и по обзоръ внѣшнихъ политическихъ сношеній, журнальнаго и газетнаго обзоръ, статей по сельско-хозяйственной и фабрично-промышленной дѣятельности, научныхъ извѣстій, театрално-музыкальной хроники, романовъ, повѣстей, рассказовъ, очерковъ, стихотвореній и т. д. при постоянномъ участіи извѣстныхъ русскихъ писателей и публицистовъ. Въ числѣ 24 книгъ. 2 книги будутъ заключать полное собраніе сочиненій М. Ю. ЛЕРМОНТОВА. 1 книга полное собраніе басенъ И. А. КРЫЛОВА. 1 книга новѣйшее сочиненіе графа Л. Н. ТОЛСТОГО. „*Воскресеніе*“ романъ въ 3-хъ частяхъ.

Такимъ образомъ подписчики журнала „Родная Рѣчь“ за баснословно дешевую цѣну всего 3 руб. получаютъ помимо массы интереснаго обще журнальнаго матеріала полныя собранія сочиненій двухъ великихъ писателей какъ М. Ю. Лермонтовъ и И. А. Крыловъ, а также новѣйшее только что законченное сочиненіе великаго современнаго русскаго писателя — графа Л. Н. Толстого. Книги будутъ печататься на лучшей бумагѣ новѣйшими шрифтами и будутъ представлять собой цѣнное приобрѣтеніе для самыхъ дорогихъ библиотекъ. Подписная цѣна на годъ съ пересылкой во всѣ города Россійской Имперіи 3 руб. Подписку просимъ адресовать въ главную контору журнала: Москва, Варсонофьевскій пер., д. Кудрявцева.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые десять лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сепаратствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кроме того пастырскія воззванія и увѣщанія православному христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Какъ всего проще и удобнѣе научиться вѣровать“? Обсужденія прот. А. Хойнакаго. — „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. И. Короунскаго. — „Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера. — „Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Библиографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича. — „Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“, Т. Стоянова. — Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ уваженіемъ различій, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“. — „Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ проф. М. Остроумова. — „Образованіе еврей въ свѣтѣ отношеній къ христіанству“. Т. Стоянова. — „Церковно-религіозное состояніе Запада и вселенская Церковь“. Свящ. Т. Буткевича. — „Валахская среднебюзовая инстинна и отношеніе ея къ католичествому“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго. — „Извѣстество и іудейство во времени земной жизни Господа нашего Іисуса Христа“. Свящ. Т. Буткевича. — Статьи „о иудуистахъ“. А. Шугаенскаго. — „Имѣютъ ли каноническія или общеправовныя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами“? В. Коваленскаго. — „Основныя задачи нашей народнои школы“. К. Истомина. — „Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова. — „Современная анологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова. — „О славянскомъ языкѣ въ церковномъ богослуженіи“. А. Струникова. — „Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго. — „Очеркъ современной умственной жизни“. А. Вѣллева. — „Очеркъ русской церковной и общественной жизни“. А. Рождествина. — „О церковныхъ плодоприношеніяхъ“. Н. Протопопова. — „Вторая книга „Исходъ“ въ переводѣ и съ объясненіями“. Проф. Н. Горскаго—Шатанова. — „Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова. — „Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова. — „О докахъ воскреснаго дня“. Доцента А. Вѣхлева. — „Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности“. Шестакова. — „Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича. — „О славянскомъ Богослуженіи на Валахѣ“. К. Истомина. — „Ученіе Стефана Яворскаго и Теофана Прокоповича о сваяц. Преданіи“ М. Савкевича. — „О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина. — „Отношеніе раскола къ государству“. О. Г. С. — „Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 гг.) влчлчительно“. Свящ. І. Арсеньева. — „Замѣтки о церковной жизни за границей“. А. К. — „Сущность христіанской нравственности въ отличіи ея отъ моральной философіи графа Л. Н. Толстого“. Свящ. І. Филевскаго. — „Историческій очеркъ еднотвѣрія“. П. Омирнова. — „Ученіе Канта о Церкви“. А. Бирликовича. — „Православенъ ли интегроншипій, предлагаемый намъ старокатоликами“. Проф. В. К. Омирнова. — „Разборъ протестантскаго ученія о крещеніи дѣтей—съ догматической точки зрѣнія“. Прот. А. Мартынова и проч.

Въ философскомъ отдѣлѣ журнала помѣщены статьи профессоровъ Академіи и Университета: А. Введенскаго, А. Зеленогорскаго, В. Кудрявцева, П. Диницкаго, М. Остроумова, В. Снегирева, П. Соколова и другихъ. А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жюлье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на не полученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на не полученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, денги и вообще корреспонденцію редакція проситъ направлять по слѣдующему адресу: въ г. Харьковѣ, въ зданіи Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакція открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакція.

Редакция считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплатили своихъ платежей журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторы: | Ректоръ Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ ЗНАМЕНСКІЙ
и Инспекторъ Семинаріи, Константинъ ИСТОМНИНЪ.